

4

1976

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

В одном из залов Музея В. И. Ленина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР» МОСКВА

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

4(64) АПРЕЛЬ 1976
Издается с 1971 года

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ

Анна Тимофеевна Гагарина среди школьников в мемориальном музее Ю. А. Гагарина. (Читайте статью «Истоки»).

Фото В. ЗИМИНА.

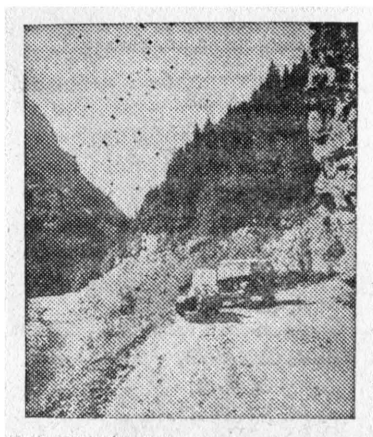
В НОМЕРЕ

	Стр.
ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА	5
<hr/>	
ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:	
Ленинские уроки права Ю. Лубшев. В. И. Ленин о законах социалистиче- ского государства	10
Н. Гориславский. Охрана природы: законодатель- ство и административная ответственность	17
<hr/>	
Ю. Юдин, М. Коняшов. Прокурор следственного управления. Очерк	24
<hr/>	
СОБЕСЕДНИК:	
Решения XXV съезда КПСС — в жизнь	
Чтоб лучше жил человек	34

	Стр.
Растить гражданина	
Т. Копылова. Истоки	40
По следам неопублико- ванных писем	47
Суд идет!	
В. Тонних. Крадут... и ка- ются	49
<hr/>	
СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:	
Наши консультации	
Е. Гершанов. Контроль фабзавместкомов профсо- юзов за расторжением трудового договора по инициативе администра- ции	54
Читатель на приеме у юриста	
Практика применения но- вых Правил пользования	

ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ

Товарищи водители! Наступила весна, начинается период отпусков. При езде по горным дорогам будьте особенно внимательны и осторожны.

В НОМЕРЕ

	Стр.
городской телефонной связью	60
Задачи, порядок назначения, права, и обязанности общественных воспитателей несовершеннолетних	62
Обмен жилого помещения без согласия бывшего супруга, в одной квартире с которым продолжает жить после развода его прежняя жена	63
Наш главный документ. Репортаж	65
Михаил Андраша. Собственное желание. Заметки писателя	67
Книжная хроника	79
По протесту прокурора	80

	Стр.
Судебная хроника	81
Эрнст Сафонов. Золото долгих песков. Маленькая повесть	82
А. Бутлицкий. Еврогангстеры	120
Александр Игнатов. Частный детектив	126
ИМЕНЕМ САТИРЫ:	
Им. Левин. Такой вот папаша	139
Валентин Лагода. Сувенир	141
Побасенки	143
Зарубежная мозаика	144

Главный редактор
С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ,
И. К. КОВАЛЕВ,
В. В. ЛИПАТОВ,
М. П. МАЛЯРОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО
(ответственный секретарь),
П. И. СЕДУГИН,
Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ
(заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ,
В. И. ТОНКИХ,
А. М. ЯКОВЛЕВ.

Главный художник
В. Т. СЕЛИВАНОВ.

Технический редактор
Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры
Т. И. НИЗАМОВА,
А. В. ЕЛИЗАРОВА.

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы
271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем и
консультаций 271-11-20, международной и внутренней информации
271-08-63.

Сдано в набор 30/1-76 г. Подписано в печать 10/III-76 г. А11058. Фор-
мат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд.
л. 9,02. Заказ 3792. Тираж 3 330 000 экз. (1й завод — 1 200 000 экз.).
Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комите-
те Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Время работает на коммунизм. То, что на заре Советской власти казалось дерзновенной мечтой, несбыточной фантазией, в наши дни стало реальностью, повседневной советской действительностью.

...Декабрь 1920 года. С трибуны VIII Всероссийского съезда Советов В. И. Ленин, высоко подняв над головой план ГОЭЛРО, говорил: «Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии».

В те не столь уж далекие годы казалось сказочной мечтой построить за десять-пятнадцать лет тридцать электростанций (всего тридцать!) общей мощностью немногим более полутора миллионов киловатт.

В Большом театре, свидетельствуют очевидцы, было холодно, как в погребе, тускло и сумрачно. Электрические лампочки горели вполнакала, мерцая красноватым светом. И при всем том люди, заполнившие театр, не огорчались. Пятиярусный зал был наэлектризован. В. И. Ленин без труда убедил делегатов в величайшем значении плана электрификации страны. За светом керосиновых ламп, сальных свечей, а порой и лучин они увидели свои города и села залитыми электрическим светом, увидели свое светлое будущее.

Не только наши недруги, но и наши доброжелатели нарекли Ленина «кремлевским мечтателем». Нарекли и ошиблись (не в первый и не в последний раз!): не прошло и десяти лет, как план ГОЭЛРО был выполнен.

В чем увидел В. И. Ленин особенность «томика»? То был не только план электрификации страны, но и план того, «как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма».

Ныне «хозяйственную базу» мы называем материально-технической базой коммунизма.

«Под руководством Коммунистической партии в девятой пятилетке,— подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде партии,— сделан новый крупный шаг в создании материально-технической базы коммунизма, в повышении уровня жизни народа, в обеспечении безопасности страны. Таков политический итог экономической деятельности партии в период между XXIV и XXV съездами. Таков главный результат героического труда советских людей».

В самом деле. За два месяца до XXV съезда КПСС наши энергетики перешли на исчисление с миллионов и миллиардов на триллионы киловатт. За один год мы даем теперь восемь планов ГОЭЛРО. Более чем в сто раз уже превзойден рубеж плана ГОЭЛРО! Хорошими показателями встретили XXV съезд КПСС не только энергетики, но и машиностроители, работники химической и нефтехимической промышленности — отраслей, в наибольшей мере определяющих технический прогресс и эффективность народного хозяйства. Нет пяди советской земли, куда бы не проникли научно-технический прогресс, социалистические преобразования.

Такова могучая поступь советской экономики, таковы огромные созидательные возможности, заложенные в самой природе общества развитого социализма.

И это, заметим, происходит тогда, когда мир капитализма потрясен глубоким экономическим кризисом, инфляцией и безработицей. Президент США Дж. Форд в январском послании «О положении страны» вынужденно признал, что в 1975 году инфляция «толкала страну в пучину самого тяжелого за последние четыре десятилетия спада».

Буржуазная пропаганда много, слишком много шумит о необходимости «защитить права личности в СССР». Что это, «отвлекающий маневр»? Или попытка, вопреки духу Хельсинки, вмешательства во внутренние дела нашей страны?

На Западе много пишут и говорят о «правах человека», об их якобы «неприкосновенности и неотчуждаемости». О каких, собственно, правах идет речь! Не тех ли, о которых недавно сообщалось в печати!

В Цюрихе, к примеру, был издан указ, разрешающий уличную проституцию. Его обжаловали в верховный суд Швейцарии. И представьте себе, верховный суд признал: указ не нарушает федерального закона, гарантирующего личную свободу и свободу любых занятий и профессий.

Бундестаг ФРГ одобрил законопроекты, легализующие групповые половые связи, «обмен женами» и продажу порнографических изданий лицам, достигшим восемнадцати лет. Это что, те самые «права человека», о которых написаны столь пышные декларации!

Советский народ, воля которого выражена в законах социалистического государства, категорически против «свободы любых занятий и профессий». Проституция, распространение порнографических изданий и многое другое, что в мире капитализма рассматривается как «права человека»; у нас не только безнравственны, но и противозаконны.

Леонид Ильич Брежнев напомнил на XXV съезде КПСС ленинские слова о том, что «нравственно в нашем обществе все, что служит интересам строительства коммунизма».

Да, господа радители «прав человека в СССР», нравится вам это или не нравится, но с этим придется считаться.

Тут, говоря о законе, о нашем советском законе, уместно напомнить слова Константина Воробьева в романе «...И всему роду твоему»: «Может быть, только тот, кто по злой воле судьбы оказался в недостижимости законов своей страны и за чертой доступности ее послов, в состоянии понять, как отрадна бывает минута обретения над собой сладкого бремени защитной власти этих законов».

Да, мы по-другому, совсем иначе понимаем права человека, другое понятие вкладываем мы в святое для нас, советских людей, в дорогое нам слово с в о б о д а.

В послании конгрессу США, о котором мы уже упоминали, констатируется, что американцы в 1975 году испытывали «все большую отчужденность от всех основных институтов общества, теряя веру не только в государственный аппарат, но и в большой бизнес, профсоюзы, систему образования и т. д.»

Не потому ли отчужденность, что американцы имеют «свободу» покупать оружие, читать в газетах интимные подробности о гангстерах или кинозвездах? Быть может, они хотят чего-то более существенного! Хотя бы работы! Защиты социальных прав! Бесплатного лечения!

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» названы сотни и тысячи цифр. И каждая — буквально каждая! — свидетельство великой и первостепенной заботы нашей партии о советском человеке, заботы о том, чтобы жизнь стала еще краше, еще лучше, заботы о росте благосостояния и культуры нашего народа.

Последовательное осуществление курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни наро-

да — главная задача как девятой, так и десятой пятилетки. Это — курс КПСС и Советского государства, выработанный октябрьским [1964 года] и последующими пленумами ЦК КПСС, XXIII, XXIV и XXV съездами партии.

За десятилетие [1965—1975] основные производственные фонды выросли более чем вдвое. Экономический потенциал за эти годы оказался равным потенциалу, на создание которого ушло почти полвека. Численность населения с доходом сто и более рублей в месяц на члена семьи за те же десять лет возросла в восемь с половиной раз!

Каждая строка и каждая цифра «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» пронизаны подлинным гуманизмом. На знаменах нашей партии начертано «Все во имя человека, для блага человека». Главный смысл деятельности КПСС в служении народу. Вся ее политика и многогранная практическая деятельность направлены на то, чтобы удовлетворить самые жизненные, самые насущные интересы трудящихся».

На осуществление новых социальных мероприятий в девятой пятилетке Советское государство израсходовало столько же средств, сколько за две предыдущие пятилетки, вместе взятые.

За девятое пятилетие свыше 75 миллионов человек получили более высокую заработную плату. У 40 миллионов увеличены пенсии, пособия и стипендии. 56 миллионов справили новоселье.

В пятилетии, в которое мы уже вступили, заработная плата рабочих и служащих будет повышена на 16—18 процентов. Средняя заработная плата к концу 1980 года составит не менее 170 рублей в месяц.

Добавим к этому: за годы Советской власти у нас построено три миллиарда квадратных метров жилья — в пятнадцать раз больше, чем весь жилой фонд царской России. Ведь это все равно, что построить тридцать таких городов, как современная Москва.

Подлинный гуманизм общественного и государственного строя в СССР породил и гуманизм советских законов. Они надежно защищают не только интересы государства, но и интересы личности.

Государственный план развития народного хозяйства СССР — вторая программа партии. Вместе с тем это Закон Союза ССР. Нарушать его не позволено никому, какое бы служебное положение ни занимал человек.

Укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, указывалось на XXV съезде КПСС, — одно из важных направлений всей работы партии и Советского государства по коммунистическому строительству.

Говоря о таких отклонениях от социалистических норм нравственности, как стяжательство, частнособственнические тенденции, хулиганство, бюрократизм и равнодушие к человеку, Леонид Ильич Брежнев подчеркнул: «В борьбе с подобными явлениями необходимо в полной мере использовать и мнение трудового коллектива, и критическое слово печати, и методы убеждения, и силу закона — все средства, находящиеся в нашем распоряжении».

В свете решений XXV съезда партии особое значение приобретают улучшение правового регулирования хозяйственной деятельности, борьба с бесхозяйственностью, расточительством, выпуском нестандартной и недоброкачественной продукции, повышение государственной, плановой и трудовой дисциплины. Законы в сфере народного хозяйства должны, указывалось на XXV съезде КПСС, эффективнее противодействовать имеющимся фактам обмана государства, приписок, хищения социалистической собственности, проявлениям местничества и т. д.

«Надо закрыть все лазейки,— указывал Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС,— которые еще позволяют нерадивым хозяйственникам ходить в передовиках, несмотря на нарушение договорных обязательств и низкое качество продукции, плохое использование резервов. Для этого нужна действенная система материального и морального стимулирования в сочетании со строгими и неотвратимыми санкциями за нарушение плановой и договорной дисциплины».

Органы юстиции, прокуратуры, милиции, суды получили высокую оценку с трибуны XXV съезда партии. Партия, государство, указывалось на съезде, высоко ценят нелегкий и почетный труд работников этих учреждений. Такая оценка обязывает советских юристов еще лучше стоять на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан.

Девятая пятилетка признана лучшей пятилеткой за всю историю страны. Так уж у нас повелось: советские люди сделают все для того, чтобы десятая пятилетка была еще лучшей. На это и направлены устремления советских людей, включившихся в социалистическое соревнование за повышение эффективности и качества работы, за успешное выполнение народнохозяйственного плана.

Досрочное выполнение намеченных планов — нравственный закон нашего общества.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЛЕНИНСКИЕ
УРОКИ ПРАВА

Ю. ЛУБШЕВ,
кандидат юридических наук

В. И. ЛЕНИН О ЗАКОНАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Николай Васильевич Крыленко, видный советский государственный деятель, в предисловии к своей книге «Ленин о суде и уголовной политике» писал: «Одной из ценнейших сторон в высказываниях Владимира Ильича по вопросам уголовной политики является... единство его взглядов как до, так и после пролетарской революции. Ценнейшие указания, содержащие принципиальные установки по вопросам судебной политики, мы находим в дореволюционных произведениях Владимира Ильича, диалектически предвосхищающих постановку тех же проблем после пролетарской революции. Так далеко предвидеть мог действительно только гениальный ум Ленина...»

В. И. Ленин глубоко обосновал положение о том, что борьба с преступностью — необходимое условие развития всякой обществен-

но-экономической формации. В эксплуататорском обществе целью такой борьбы является прежде всего защита интересов господствующего класса. Борясь с преступностью, буржуазия стремится обеспечить свое политическое господство. Поэтому В. И. Ленин в качестве обязательной задачи социалистической революции называл ликвидацию старого общественного порядка и установление нового, удобного и выгодного трудящимся массам.

Уже с первых дней существования Советского государства важной частью всей работы Коммунистической партии было наступление на антиобщественные элементы, борьба с преступностью и иными нарушениями общественного порядка. Обосновывая необходимость решительной борьбы с преступностью, В. И. Ленин писал: «...Все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией... не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте. А «показать себя» элементы разложения *не могут* иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и *нужна железная рука*».

Борьбу с преступностью В. И. Ленин считал важной гарантией не только политического, но и экономического развития советского общества. Задача революции, указывал он, «победить *не только* в политике, но и в *повседневной экономической* жизни врагов народа: богатых, их прихлебателей,— затем жуликов, тунядцев и хулиганов».

Марксистско-ленинское учение исходит из того, что преступность — это социальное и исторически обусловленное явление. Она возникает на определенной стадии развития общества, с появлением частной собственности, с разделением общества на классы и возникновением государства. Нанвысшего уровня преступность достигает при капитализме.

Преступность в капиталистическом обществе — это проявление в наиболее острой форме конфликта между личностью и буржуазным общественным строем. Существо этого конфликта объясняется прежде всего характером общественного строя, основанного на эксплуатации человека человеком.

Связывая происхождение преступности с сущностью эксплуататорского общества, основоположники марксизма-ленинизма подчеркивали, что, лишь уничтожив эксплуатацию, можно ликвидировать преступность. Это положение В. И. Ленин сформулировал так: «...Мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нуж-

да и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать».

Преступность в обществе, строящем социализм, В. И. Ленин рассматривал как язву, оставленную нам по наследству капитализмом. Поэтому перерастание социалистической государственности в общественное коммунистическое самоуправление он неизменно связывал, в частности, с тем, что будут ликвидированы нарушения правил человеческого общежития, что соблюдение этих основных, несложных правил станет привычкой и они будут выполняться без принуждения.

Социалистическая революция и вслед за нею социалистические преобразования всей общественной жизни уничтожают эксплуатацию человека человеком, устраняют нужду и нищету масс. Ликвидируя основную экономическую причину преступности — частную собственность и обеспечивая тем самым возможность окончательного искоренения преступности, социалистические преобразования общественной жизни, тем не менее, не уничтожают еще самой преступности, ибо не в состоянии, писал В. И. Ленин, сразу «преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс».

При этом Владимир Ильич подчеркивал, что «сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила».

Объясняя сложность и трудность борьбы с традициями и взглядами прошлого, В. И. Ленин говорил: «...Рабочий класс китайской стеной не отделен от старого буржуазного общества. И когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица... Когда гибнет старое общество, труп его нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниет и заражает нас самих».

Иначе на свете не происходило ни одной великой революции и не может происходить».

Таким образом, социализм до окончательной победы коммунизма сохраняет «родимые пятна старого общества», как образно выразился К. Маркс. Эти «родимые пятна» еще не полностью устранены из экономики, быта, культуры и иных сфер общественной жизни. Они отражаются в сознании людей.

Общественные отношения в социалистическом обществе строятся на принципах коллективизма, товарищества и взаимопомощи. Но социализм не существует в «чистом» виде. Это — переходная фаза от старого общества к новому. В связи с этим В. И. Ленин отме-

чал: «...Остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе и в обществе».

В сознании большинства советских людей господствует уважительное отношение к закону, интересам общества, государства и отдельных граждан. Но внешняя среда, формирующая сознание, может быть различной. Специфические условия индивидуальной жизни и воспитания иногда оказывают отрицательное воздействие на процесс формирования взглядов и привычек. Это, в свою очередь, нарушает процесс формирования положительных качеств личности. Отрицательные же свойства личности играют определяющую роль в сложных или конфликтных ситуациях.

Пережитки прошлого в сознании и поведении людей сохраняются отчасти под влиянием буржуазной идеологии, органически связанной с привычками и представлениями частнособственнической морали. «Обработкой» сознания граждан социалистических стран активно занимается буржуазная печать и радио. Основное их назначение — прививать людям социалистических стран буржуазное мировоззрение, воспевать буржуазный индивидуализм, который преподносится как «свобода личности».

В. И. Ленин не ограничился лишь раскрытием причин преступности. В ленинском творческом наследии мы находим и намеченные Владимиром Ильичем основные пути ликвидации преступности.

Для того чтобы искоренить преступность и иные правонарушения, В. И. Ленин требовал установить массовый контроль за антиобщественными элементами, за «хранителями традиций капитализма». Чтобы очистить общество от таких элементов, указывал Ленин, необходимо «организовать всенародный, миллионами и миллионами рабочих и крестьян добровольно, энергично, с революционным энтузиазмом поддерживаемый учет и контроль за количеством труда, за производством и распределением продуктов. А чтобы организовать этот учет и контроль, *вполне доступный*, вполне подильный всякому честному, толковому, распорядительному рабочему и крестьянину, надо вызвать к жизни их собственные, из их среды происходящие, организаторские таланты...».

Суть такого учета состоит в том, чтобы ни один случай нарушения правовых и нравственных законов социалистического общества, правил социалистического общежития не оставался вне поля зрения государственных органов или общественных организаций, вызывал бы немедленное их реагирование. Только в этом случае можно добиться предупреждения правонарушений.

Успех борьбы с преступностью В. И. Ленин связывал с умением правильно сочетать убеждение и принуждение. Перечисляя усло-

вия, которые необходимы, чтобы обеспечить соблюдение правил социалистического общежития, он относил к ним также применение в случаях необходимости быстрого и строгого наказания.

Ленинские положения о наказании свидетельствуют о том, что, не переоценивая его роли и возможностей, Владимир Ильич видел в нем достаточно эффективное орудие защиты завоеваний революции от посягательств классово враждебных и иных антиобщественных элементов, орудие наступления на пережитки прошлого в сознании и поведении людей, средство воспитания новой социалистической дисциплины.

В. И. Ленин учил, что наказание должно быть целесообразным, справедливым, соответствовать общественной опасности совершенного правонарушения. При его применении должны учитываться личность правонарушителя и конкретные условия.

На коренное изменение характера наказаний, применяемых советским судом, В. И. Ленин указывал при подготовке проекта Программы ВКП(б), принятой VIII съездом партии в 1919 году. Он отмечал необходимость увеличения процента применения условного осуждения и общественного порицания; замены лишения свободы принудительным трудом с проживанием на дому; замены тюрем воспитательными учреждениями; введения товарищеских судов.

Эти ленинские положения нашли свое полное отражение в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, уголовных кодексах союзных республик и в других законодательных актах, принятых в последние годы.

В. И. Ленин проявлял большую заботу о создании советского законодательства. Он непосредственно участвовал в подготовке и редактировании многих законопроектов (по образованию В. И. Ленин — юрист). Немало, например, было высказано Владимиром Ильичем предложений при подготовке советского уголовного законодательства. Некоторые его формулировки почти полностью были воспроизведены в статьях уголовных кодексов.

Ленинские указания, касающиеся советского уголовного и уголовно-процессуального права, представляют не только историческую ценность. Они очень важны и для решения современных задач.

Успех борьбы с преступностью В. И. Ленин связывал с укреплением в стране режима законности, с точным и неуклонным исполнением советских законов всеми без исключения, с поднятием правового сознания трудящихся, повышением их правовой культуры, с внедрением норм коммунистической нравственности в повседневную жизнь каждого. Для того чтобы создать обстановку всеобщей нетерпимости к правонарушениям, В. И. Ленин требовал «внима-

тельнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти», опираясь на помощь всей массы трудящихся.

Особенно много внимания уделял Владимир Ильич борьбе с бесхозяйственностью. Воспитание у граждан социалистической бережливости он считал одной из важнейших задач нового общественного строя. Бережливое отношение к личному имуществу, как известно, воспитывалось издавна, оно стало повседневной привычкой. Бережное же отношение к общественному имуществу — исторически новое явление, возникшее сравнительно недавно, в условиях социалистического государства, и оно также должно превратиться в привычку.

Ленинские указания на необходимость проведения решительной борьбы с бесхозяйственностью не утратили своей актуальности и в наши дни. Ибо бесхозяйственность причиняет не только существенный материальный ущерб, но и немалый моральный вред. Она влечет за собой ослабление нравственных устоев, разлагающе действует на сознание отдельных граждан, не способствует воспитанию советских людей в духе сбережения и укрепления социалистической собственности как священной и неприкосновенной основы советского строя. Организовать надежную охрану социалистической собственности — важная задача и государственных органов, и общественных организаций, и всех советских граждан.

Большое значение в борьбе с преступностью и другими правонарушениями В. И. Ленин придавал воспитательной работе административных органов и судов, их предупредительной деятельности, умению мобилизовать массы на борьбу с этим злом, используя конкретные примеры.

Еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин, подчеркивая значение предупреждения преступности, писал: «Улица интересуется не только тем, даже не столько тем, — обидой, побоями, или истязаниями будет признано данное деяние, какой род и вид наказания будет за него назначен, сколько тем, чтобы до корня вскрыть и публично осветить все общественно-политические нити преступления и его значение, чтобы вынести из суда уроки общественной морали и практической политики».

Борьба с правонарушениями, как вытекает из ленинских указаний, должна быть в центре внимания не только государственных органов и общественных организаций, но и всего населения страны.

Чтобы вовлечь трудящихся в активную борьбу с преступностью, В. И. Ленин считал необходимым всемерно повышать их культурный и идейный уровень, прививать им социалистическое правосознание.

В своих работах он не раз обращал внимание на неразрывную взаимосвязь между уровнем культуры населения и уровнем законности. Он требовал воспитывать широкие массы рабочих и крестьян в духе самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности.

За последние годы значительно активизирована борьба с преступностью. В этом деле участвуют добровольные народные дружины, товарищеские суды. Широко используются и другие формы участия общественности в исправлении и перевоспитании правонарушителей (общественное поручительство, перевоспитание лиц, осужденных условно, и так далее). Возникла и такая новая, качественно отличная по своему содержанию форма участия общественности в борьбе с преступностью, как все развивающееся движение за предприятие, село, поселок, город, район образцового общественного порядка.

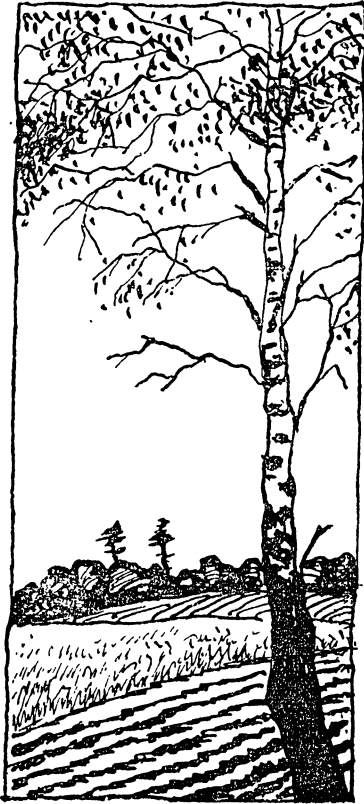
Борьба с преступностью стала программной задачей партии. Выполняя эту задачу, партийные органы проводят широкий комплекс экономических, идеологических, культурно-массовых мероприятий. Улучшается деятельность государственных органов, ведущих борьбу с преступностью. Благодаря всему этому достигнуты значительные успехи.

Ленинские идеи и в нынешний период несколько не утратили своего значения. Естественно, сейчас они обогатились новым содержанием, отражающим изменения социальной структуры советского общества. Созданное на основе ленинских принципов, ныне действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство служит успешному искоренению преступности.

В Основах уголовного законодательства и Основах уголовного судопроизводства закреплено положение о том, что уголовная репрессия — не единственное и не главное средство в борьбе с преступностью. Из этого вытекает требование — правильно сочетать применение к нарушителям мер уголовного наказания, административного и общественного воздействия. Необходимыми условиями успешной борьбы с преступностью являются дальнейшее совершенствование общественных отношений, решительная борьба с вредными пережитками прошлого, повышение качества воспитательной работы, особенно с молодежью.

Творческое наследие В. И. Ленина в области права велико и многосторонне. Его идеи, опыт практической деятельности по созданию советской правовой системы широко используются для совершенствования нашего законодательства, повышения правосознания советского народа и укрепления социалистической законности.

Н. ГОРИСЛАВСКИЙ

ОХРАНА
ПРИРОДЫ:
ЗАКОНО-
ДАТЕЛЬСТВО
И АДМИНИСТРА-
ТИВНАЯ
ОТВЕТСТВЕН-
НОСТЬ

Природные богатства обильны, но не безграничны. Бурное развитие промышленности и сельского хозяйства, рост городов и прогресс техники, а также других видов деятельности человека с каждым годом увеличивают вовлечение природных ресурсов в хозяйственный оборот.

В нашей стране охрана природы рассматривается как дело всего народа, как составная часть программы строительства коммунизма. В Программе КПСС записано, что все звенья планирования и руководства хозяйством должны наиболее рационально и эффективно использовать природные богатства.

В целях охраны природы Советское государство проводит в плановом порядке широкий комплекс самых разнообразных мероприятий. Однако большое значение в настоящее время имеет и охрана природы специфическими правовыми методами и средствами. Действующее советское законодательство располагает широкой системой правовых норм, предусматривающих юридическую ответственность за нарушение правил охраны природы.

«Граждане, виновные в неправомерном использовании или порче богатств природы,— гласит статья 21 Закона об охране природы в РСФСР,— привлекаются в установленном законом порядке к административной или уголовной ответственности со взысканием с них причиненных убытков» (такие нормы содержатся в законодательстве всех союзных республик).

Среди мер правового воздействия, применяемых к нарушителям правил охраны природы, преобладающее место занимают меры административного взыскания. В настоящей статье будут рассмотрены наиболее распространенные виды нарушений правил охраны природы: незаконная охота, незаконный лов рыбы и лесонарушения — и меры административных взысканий, применяемые к нарушителям. Поскольку в большинстве случаев законодательные и другие нормативные акты об охране природы принимаются союзными республиками, то в настоящей статье будут содержаться только ссылки на законодательство Союза ССР и РСФСР. При этом следует иметь в виду, что, как правило, правовым нормам, содержащимся в законодательстве Российской Федерации, соответствуют аналогичные правовые нормы законодательства других союзных республик.

Незаконная охота (браконьерство). Правом охоты с охотничьим огнестрельным оружием могут пользоваться граждане СССР, достигшие восемнадцати лет, состоящие в обществах охотников, прошедшие испытания по охотничьему минимуму, уплатившие государственную пошлину и членские взносы в установленном размере. Однако в районах промысловой охоты (перечень их, например в Российской Федерации, устанавливается Главным управлением охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР по согласованию с Госпланом РСФСР и МВД СССР) охотники, заключившие договоры с заготовительными организациями на сдачу охотничьей продукции, штатные охотники промыслово-охотничьих хозяйств, заготконтор и охотники, выделенные на промысел колхозами, имеют право охотиться, не вступая в общество охотников. Они обязаны уплатить лишь государственную пошлину. Этим лицам охота разрешается с четырнадцати лет.

С этого же возраста разрешается охотиться лицам из числа коренного населения, принадлежащим к народностям Севера. Причем право охоты им предоставляется независимо от вступления в общество охотников и без уплаты государственной пошлины.

Членам общества охотников разрешается охотиться на всей территории СССР, в какой бы союзной республике они ни проживали. В угодьях, закрепленных за государственными, кооперативными или общественными организациями (приписные охотничьи хозяйства), охота разрешается лишь по путевкам этих организаций. Охотник должен иметь при себе охотничий билет во время охоты, при транспортировке продукции, добытой на охоте, а также при продаже или сдаче ее заготовительным организациям.

Большинство охотников соблюдают правила, бережно относятся к государственному охотничьему фонду. Однако нередко еще встречаются и браконьеры, то есть нарушители правил охоты, хищнически истребляющие животных и птиц, наносящие трудно поправимый ущерб охотничьему фонду.

Согласно закону браконьерством признается охота без оформленного надлежащим образом охотничьего билета; в запрещенные сроки, в запрещенных местах; с охотничьими ружьями, принадлежащими другим лицам, а также организациям, предприятиям, учреждениям; с применением общеопасных или истребительных орудий и способов охоты; на зверей и птиц, охотиться на которых запрещено. Продукция незаконной охоты изымается на основании постановлений должностных лиц государственной охотничьей инспекции и передается заготовительным организациям.

К нарушителям законов об охране дикой фауны могут применяться такие меры административного взыскания: предупреждение, штраф, лишение права охоты, конфискация орудий охоты.

Предупреждение применяется по постановлениям должностных лиц государственной охотничьей инспекции к гражданам и должностным лицам, нарушившим правила охоты. Виновным указывается на допущенные ими нарушения, и их предупреждают о недопустимости подобных проступков в будущем.

Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 15 декабря 1972 года «Об усилении ответственности за нарушение правил охоты, уклонение от обязательной сдачи государству, незаконную продажу, скупку и перепродажу пушнины» установил, что охота без надлежащего разрешения, либо в запрещенных местах, либо в запрещенные сроки, запрещенными орудиями или способами, если эти действия по своему характеру не влекут уголовной ответственности

сти, наказывается в административном порядке штрафом до 50 рублей с конфискацией орудий охоты или без нее.

Штраф и конфискацию орудий охоты вправе применить органы надзора за соблюдением правил охоты.

В соответствии со статьей 2 названного указа лица, уклоняющиеся от обязательной сдачи государству добытых охотой шкурок ценных видов пушных зверей, а также совершившие впервые, незаконную продажу, скупку, обмен и переработку таких шкурок, невыделанных или выделанных, но не имеющих государственного клейма (штампа), подвергаются в административном порядке штрафу до 50 рублей с конфискацией шкурок. Штраф налагают сельские, поселковые Советы депутатов трудящихся, их исполнительные комитеты или административные комиссии районных, городских, сельских, поселковых Советов депутатов трудящихся.

Положением об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР предусмотрена и такая мера административного взыскания, как лишение права охоты граждан — членов общества охотников на срок до трех лет. Эта мера взыскания применяется к лицам, которые допустили наиболее опасные нарушения правил охоты. Лишить права на охоту можно лишь тех, для кого она не служит основным источником существования.

Конфискация запрещенных законом орудий охоты применяется, как правило, в качестве дополнительной меры взыскания наряду со штрафом, лишением права охоты, предупреждением.

Независимо от привлечения к административной ответственности виновные обязаны возместить ущерб, причиненный незаконной охотой. Размер возмещения определяется по таксам, установленным правилами охоты или положениями об охоте и охотничьем хозяйстве.

Незаконная рыбная ловля. Спортивный и любительский лов рыбы разрешен всем гражданам, и притом бесплатно, в любых водоемах, за исключением заповедников, рыбопитомников, прудовых и других культурных рыбных хозяйств. Он должен производиться с соблюдением установленных правил рыболовства.

Во всех рыбохозяйственных водоемах СССР, например, запрещается ловить рыбу с применением взрывчатых и отравляющих веществ. Это не только ведет к хищническому истреблению рыбных запасов, но и может причинить вред здоровью людей.

Положением об охране рыбных запасов, утвержденным постановлением Совета Министров СССР 15 сентября 1958 года, повсеместно запрещено применение при лове рыбы огнестрельного оружия, а также колющих орудий и самоловных (без насадки) крюч-

ковых снастей. Опасность применения этих орудий состоит в том, что большая часть рыбы не вылавливается, а раненая погибает.

Правила рыболовства запрещают также устраивать завалы, запруды и заграждения на реках, каналах, протоках, рукавах, соединяющих озера с основными водоемами и между собой, сбрасывать в рыбохозяйственные водоемы, на берега и на лед этих водоемов неочищенные и несоразмеренные сточные воды промышленных и коммунальных предприятий, кору, опилки и другие вредные для рыбы отходы производства.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1964 года «Об усилении административной ответственности за нарушение правил рыболовства и охраны рыбных запасов в водоемах СССР» за нарушение правил рыболовства и охраны рыбных запасов виновные подвергаются в административном порядке штрафу: граждане — до 10 рублей, должностные лица — до 50 рублей, а за грубое нарушение указанных правил, если оно по закону не влечет за собой уголовной ответственности, виновные подвергаются штрафу: граждане — до 50 рублей, должностные лица — до 100 рублей.

Налагать штраф вправе следующие должностные лица органов рыбоохраны: начальники отделов рыбоохраны бассейновых управлений по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства, старшие районные инспектора органов рыбоохраны на граждан — до 25 рублей, а на должностных лиц — до 50 рублей; начальник Главрыбвода, его заместители, начальники бассейновых управлений по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства и их заместители на граждан — до 50 рублей, на должностных лиц — до 100 рублей.

Правила рыболовства, утвержденные Советом Министров РСФСР, для внутренних морей, наиболее крупных озер и рек предусматривают и такую меру административного воздействия, как изъятие рыбопромысловых билетов в случаях систематического нарушения правил рыболовства организациями, которым предоставлен в пользование рыбопромысловый участок.

Наряду с привлечением виновных к административной ответственности к ним предъявляются иски о возмещении ущерба, причиненного незаконным выловом ценных видов рыб. Таксы для исчисления размеров взыскания за ущерб, причиненный рыбным запасам, утверждены постановлением Совета Министров СССР от 25 октября 1974 года.

Размер взыскания по таксам определяется вне зависимости от веса и размера выловленных рыб.

Лесонарушения. Из всего многообразия целевого назначения лесов можно выделить две главные цели: получение древесины и древесных продуктов, а также использование защитных и природоохранительных свойств леса.

В зависимости от целевого и хозяйственного назначения лесов законодательством определен их правовой режим. Все леса разделены на три группы. В первую группу входят леса государственных заповедников, почвозащитные, полезащитные, курортные, леса зеленых зон вокруг городов. Ко второй группе отнесены леса в густонаселенных и промышленных районах. Третью группу составляют леса промышленного значения, расположенные в богатых лесом районах, где возможно широкое развитие лесозаготовок.

В лесах первой группы разрешаются лишь рубки ухода и санитарные рубки перестойного леса. В лесах второй группы система рубок устанавливается с таким расчетом, чтобы ежегодно размер отпуска леса не превышал расчетной лесосеки. В лесах третьей группы допускаются все виды рубок.

Основанием для заготовки древесины в лесах служит лесорубочный билет или ордер. Ордер, как правило, выдается на мелкий отпуск леса на корню местному населению, колхозам, а также школам, больницам и другим бюджетным учреждениям.

Самовольная порубка леса без лесорубочного билета или ордера на заготовку и вывозку древесины, а также рубка леса, хотя и на основании этих документов, но не на том участке, не в том количестве или не тех пород деревьев, которые указаны в лесорубочном билете (ордере), признается лесонарушением. К лесонарушениям относятся также: повреждение растущих и присвоение срубленных, буреломных и ветровальных деревьев; повреждение леса промышленными отходами, химикатами и сточными водами, влекущее его усыхание или уничтожение; повреждение лесных культур, сеянцев и саженцев в лесных питомниках и на плантациях, а также молодняков естественного происхождения и самосева на площадях, предназначенных для лесовозобновления; самовольная раскорчевка и распашка лесных участков или самовольное использование их для возведения построек, под складочные и свалочные места, для переработки древесины и разработки недр; самовольное сенокосение и пастьба скота в лесах; уничтожение или повреждение муравейников в лесах; самовольный сбор орехов и плодов на участках, где он допускается только по билетам (ордерам).

Во всех этих случаях лесонарушений должностные лица предприятий, организаций, колхозов и учреждений, виновные в нарушении правил лесопользования, подвергаются административным

штрафам в размере до 50 рублей, а граждане привлекаются к материальной ответственности в соответствии с таксами, установленными в союзных республиках (в РСФСР таксы для исчисления размера взысканий за ущерб, причиненный гражданами лесам, определены постановлением Совета Министров РСФСР от 8 августа 1973 года «Об усилении материальной ответственности за ущерб, причиненный лесному хозяйству»).

За незаконную порубку леса, повлекшую существенный ущерб, виновные привлекаются к уголовной ответственности.

В соответствии с противопожарными правилами воспрещается разведение костров на опасных в пожарном отношении участках леса, в хвойных молодняках, на старых пепелищах, на торфяных участках и участках, непосредственно прилегающих к подсохшим камышам, тростникам и тому подобное. При охоте в пожароопасный период должны употребляться войлочные или пробковые пыжи. Употребление пыжей из пакли, бумаги, тряпок и прочих тлеющих материалов воспрещается.

«Правила пожарной безопасности в лесах СССР» предусматривают также, что лесозаготовительные и другие предприятия, организации и учреждения при возникновении лесных пожаров обязаны немедленно принять меры к ликвидации их своими силами и средствами и сообщить о возникшем пожаре соответствующему лесхозу или исполнительному комитету Совета депутатов трудящихся. Точно так же должны поступать и граждане, находящиеся в лесу.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 июня 1971 года «Об усилении административной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности в лесах» виновные в нарушении этих правил подвергаются штрафу в административном порядке: должностные лица — до 50 рублей и граждане — до 10 рублей, а за нарушение указанных правил, вызвавшее возникновение лесного пожара или распространение его на значительной площади, если эти действия не влекут за собой уголовной ответственности, должностные лица подвергаются штрафу до 100 рублей и граждане — до 50 рублей.

ПРОКУРОР СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

О Ч Е Р К

Светлана Михайловна говорит ровным, спокойным голосом. Но вот рассказ подходит к кульминации, и ее речь становится энергичной, эмоциональной. И нет уже места для пауз, некогда подбирать более точное слово, главное — динамика рассказа... А потом, наоборот, молчаливые раздумья, желание найти какое-то одно, единственно подходящее к случаю слово...

— Наша работа заключается в контроле за деятельностью следственных органов прокуратуры на местах. Каждому прокурору у нас выделяется зона, прокуратуры областей, автономных республик, за следствием в которых он осуществляет надзор... Правда, довольно часто, в связи с командировками и отпусками сослуживцев, приходится обслуживать и другие зоны. Это, конечно, гораздо труднее.

Формы контроля за работой прокуратур разные. Мы разбираем жалобы, поступающие с мест, рассматриваем ходатайства о продлении сроков следствия; ведем особый учет и контроль за расследованием тяжких преступлений на местах.

Бывает, приходится оказывать ту или иную помощь. Изучаем дело. Стараемся найти, где и по какой причине упущена нить следствия. В таких случаях либо ограничиваемся рекомендациями, либо — в более сложных, запутанных ситуациях — выезжаем на место.

Светлана Михайловна на минуту задумалась. Потом добавила:
— Для меня каждое новое дело, ну, что-то вроде серьезной

Заместитель начальника следственного управления Прокуратуры РСФСР Азелина Алексеевна Цыганова и Светлана Михайловна Пелецкая.

книги. Каждая новая страница, каждый новый день дает новые детали, приближает к развязке или, наоборот, ставит преграды, которые нужно преодолеть. Разве можно оторваться?..

Этот разговор происходил гораздо позже того дня, когда на Кузнецком мосту, в Прокуратуре РСФСР, состоялось наше заочное знакомство со Светланой Михайловной Пелецкой.

Здесь, как и в любом другом учреждении, есть доска приказов и объявлений: «В местком имеются путевки на ноябрь-декабрь в дома отдыха и санатории. Обращаться по телефону...»; «25 ноября заканчивается подписка на газеты и журналы»; «Внимание охотников!..»

Среди прочих — приказ прокурора РСФСР, в котором прокурору следственного управления Прокуратуры РСФСР советнику юстиции тов. Пелецкой Светлане Михайловне объявляется благодарность «за проявленную инициативу, настойчивость и умение в раскрытии опасного преступления».

...В ночь на 26 июля в Нискасинской средней школе Моргаушского района Чувашской АССР были убиты две работницы. Тяжкое преступление взволновало общественность. Однако органам проку-

ратуры и внутренних дел автономной республики установить преступника, к сожалению, не удалось.

Далее в приказе говорилось, что прибывшая в Чувашскую АССР в составе бригады Прокуратуры РСФСР Пелецкая по собственной инициативе включилась в расследование по делу. Она повторно, скрупулезно осмотрела место происшествия и на основе тщательного анализа материалов предварительного следствия пришла к выводу, что убийство мог совершить один из граждан, задержанных органами милиции за другое преступление. Эта версия выдвигалась и раньше, но не была должным образом исследована. Подозреваемый, некто Китов, отказывался отвечать на вопросы следователей. Пелецкая тактически правильно построила допрос подозреваемого, который и признался в конце концов в совершенном преступлении...

Теперь позволим себе небольшое отступление и представим: что же такое нераскрытое преступление? Сказать, что любое нераскрытое преступление — минус следственным органам, значит почти ничего не сказать.

Каждое нераскрытое преступление — это прежде всего трое, четверо или еще больше подозреваемых вместо одного преступника. Ведь прежде чем следователь найдет преступника или даже не его, а только ниточку, которая в конце концов приведет к преступнику, он вынужден проверить несколько версий. А каждая из этих версий охватывает определенный круг людей, косвенно или прямо подозреваемых.

Взять хотя бы то же дело Китова, расследованное с помощью Светланы Михайловны. Вот выписка из одного отчета по нему: «...В ходе расследования убийства Гусевой и Яковлевой проверен ряд версий, в частности о совершении преступления выпускниками и учащимися Нискасинской средней школы, жителями окружающих населенных пунктов, а также уроженцами Моргаушского района, проживающими в Чебоксарах, но положительных результатов не добыто...» Вчитываясь в этот документ, постарайтесь проникнуть в глубину, за частокол на первый взгляд безликих, как бы не трогающих нас понятий. Например, «проверен ряд версий, в частности о совершении преступления выпускниками и учащимися Нискасинской средней школы». А сколько их, выпускников и учащихся?! И каждый прямо или косвенно проверяется в рамках версии, подозревается в возможности совершения тягчайшего преступления. Возникает вопрос: правомерна ли такая версия? Конечно. Когда

преступление не раскрыто, когда у следователя нет каких-то прямых улик против возможного преступника, он вправе вовлечь в круг своих исследований все и вся, имеющее малейшее отношение к преступлению. И вот тут-то опыт следователя в сочетании с интуицией, то есть то, что можно было бы назвать профессиональной мудростью, помогает ему в самом начале следствия ограничить круг подозреваемых. В деле Китова до того, как им занялась Светлана Михайловна, такой мудрости проявлено не было... И вот поэтому, кроме niskасинцев, в подозреваемые «попали» жители окружающих населенных пунктов, а также уроженцы Моргаушского района, проживающие в Чебоксарах...»

— Представьте себя на секундочку,— говорит Пелецкая,— уроженцем Моргаушского района, проживающим в Чебоксарах. Да еще когда-то, несколько лет назад, вы были знакомы с Гусевой или Яковлевой. Соседями, может быть, были, или еще что-то вас связывало. Теперь вы, может, и забыли о том, что знали их когда-то. А вот кто-то не забыл, и вы становитесь лицом, а вполне возможно, и целой версией, которую следствию нужно проверить... А как же? Кроме того, еще десятки людей: свидетели, их родственники, просто знакомые — волей судьбы вынуждены отрываться от своих насущных дел.

...Потому Пелецкую так и взволновало это убийство (заметим кстати: приехала она в республику с иным заданием). Когда ей рассказывали о деле, она невольно подумала, как бы поступила на той или иной стадии следствия. Мысленно отметила промахи.

При изучении дела у нее возник вопрос: какие еще преступления зафиксированы в тот период в Моргаушском районе? И выяснилось: летом в районе было совершено несколько мелких краж, в том числе велосипедов у граждан и мелкокалиберной винтовки из Сундырской средней школы. Были отмечены также случаи хищения продуктов из разных мест.

Изучив характер этих преступлений, Пелецкая все больше склонялась к мнению, что все эти кражи совершены одним лицом.

Единственным человеком, задержанным летом с обрезом мелкокалиберной винтовки, был Китов. Он сбежал из-под административного надзора, установленного за ним как за освобожденным из мест лишения свободы. Несколько месяцев бродил в окрестностях Моргаушского и соседних районов. Ему надо было как-то жить, чем-то питаться. Кстати, отметила Светлана Михайловна, после ареста Китова кражи продуктов прекратились.

Но в версии о причастности Китова к убийству Гусевой и Яков-

левой были и серьезные сомнения: экспертиза не подтвердила, что пули, извлеченные из трупов, выстрелены из обреза Китова. Было над чем задуматься. И все-таки у Пелецкой по мере изучения дела росла уверенность, что Китов причастен к убийству (уже тогда Светлана Михайловна подумала о проведении повторной экспертизы). Она стала готовиться к встрече с Китовым.

— Почему меня привлекло это дело? Всегда хотелось понять психологию людей, которые, не задумываясь или, наоборот, тщательно все взвесив, решаются лишить человека жизни. В одно мгновение погасить надежды, страсти, оборвать сотни связей...

И вот он перед ней. Китов Владислав Филиппович, 1945 года рождения. Совсем не похож на преступника. «Да, не похож... Ну, если так, тем лучше для него».

Готовясь к допросу, Пелецкая понимала, что молчание Китова, отказ давать любые показания — не простое упрямство. Скорее всего, он боялся собственных показаний.

Несколько лет назад на заседаниях Ядринского районного народного суда он был гораздо словоохотливей. Тогда Китова суд приговорил за кражу государственного имущества к трем годам лишения свободы с направлением на стройку народного хозяйства.

Светлана Михайловна в кругу семьи.

Этого срока он не боялся. И говорил, говорил, говорил... Много и охотно.

Станет ли говорить теперь?

— Я хотела понять, что он за человек, как складывалась его судьба. И хотя бы психологически проверить: мог ли, способен ли он совершить такое тяжкое преступление.

Начала разговор с ним издалека. За что он здесь содержится? Как жил раньше, как дошел до того, что уже не раз судим за кражи? И вот опять задержан, теперь уж с оружием...

Он начал жаловаться на жизнь... На каких-то людей, которые рано пристрастили его к спиртным напиткам. И даже на свой характер, на то, что не любит, мол, когда его угощают, а любит сам угощать... Денег не хватало... Пришлось воровать...

— Чем больше я с ним беседовала, тем больше во мне укрепилось мнение, что он мог совершить это преступление.

Ну, а потом повела беседу о нем самом, немножко посочувствовала ему. И вдруг спросила: как удалось бежать, где он скрывался все это время? Выяснила, был ли в тех местах, где значились нераскрытые мелкие преступления, стала поправлять его короткими репликами: а вот здесь, мол, разве так было?.. И Китов незаметно для себя перешел на подробный рассказ о последних месяцах своей жизни. Где был, откуда и что крал, чем питался. Версия подтверждалась. Так вот, от слова к слову, он все ближе и ближе подходил к последнему преступлению. И вдруг запнулся. Задумался...

— Я не стала ждать, когда он на что-то решится, и сказала ему: «Да, до сих пор вы рассказывали все правильно и откровенно. Рано или поздно вам придется сказать и эту, последнюю правду. Не советую откладывать, хотя и понимаю, что это трудно сделать».

Пришлось сказать ему, что я его дело хорошо знаю и, естественно, беседую с ним не из простого любопытства...

Сейчас трудно воспроизвести всю беседу. Но у меня было такое сильное желание проникнуть в мир его размышлений, переживаний, что и ему, видимо, передалась моя убежденность, настроение. Он вдруг сказал: «Ну ладно. Дальше было так...» Эти слова я очень хорошо запомнила.

После встреч с Пелецкой начинаешь думать о ее призвании. И роль Светланы Михайловны в расследовании моргаушского преступления расцениваешь как проявление высокого профессионализма и, конечно же, интуиции.

А что думают о ней, о ее работе товарищи?

— Неправильно было бы делать из Пелецкой суперследователя,— говорит заместитель начальника следственного управления Прокуратуры РСФСР Азелина Алексеевна Цыганова,— у нас много хороших прокуроров, знающих следственную работу. Все дело, мне кажется, в том, что если кто-то делает работу тщательно, относится к ней добросовестно, то Светлана Михайловна — еще тщательнее, может быть, чуть больше, чем добросовестно, и никогда — равнодушно. Она всегда чисто по-человечески волнуется за дело, которое контролирует. И еще. Когда Пелецкая пришла к нам — сразу правильно поняла смысл и содержание своей работы в прокуратуре.

До прокуратуры юридический факультет Московского университета.

Училась Пелецкая неплохо, но без особого энтузиазма. Правда, были предметы, которые нравились. История государства и права. История политических учений. Интересно слушать лекции, читать учебники, монографии.

— Настоящая увлеченность работой пришла ко мне на втором курсе, во время производственной практики в прокуратуре Загорска под руководством Зинаиды Максимовны Барминой — человека огромных душевных качеств и поразительной интуиции.

Во время практики рассеялись все сомнения относительно избранной профессии. Именно тогда Светлана Михайловна поняла, что в работе следователя она найдет именно то, что называется жизненным призванием. Она поняла — суть работы следователя не только в том, чтобы найти преступника, а и в том, что он помогает оградить от подозрения многих невинных людей. Помните: «...несколько подозреваемых вместо одного преступника».

— Так я сделала выбор и стала специализироваться по уголовному праву, уголовному процессу; все курсовые писала о предварительном следствии. И дипломная работа у меня называлась «Соотношение дознания и предварительного следствия».

С дипломом юриста Светлана Михайловна Пелецкая вернулась в родной Загорск и стала работать следователем районной прокуратуры. Но скоро поняла, что учеба не закончилась с получением красного диплома.

Конечно, скрупулезное знание законов, добросовестность много значат в работе следователя. Но есть еще одна область знаний — знание людей, их психологии, многообразия привычек, характеров. Здесь учебники не помогут. И Светлана Михайловна училась этому у жизни.

...Николай Кузнецов обвинялся в ограблении и разбойном нападении. Он во всем признавался, показания свидетелей и другие факты были также не в его пользу. Казалось бы, дело ясное. Но Пелецкая почувствовала в его признании какую-то недосказанность, проглядывавшую сквозь завесу полного безразличия к своей судьбе.

Светлана Михайловна очень чутко уловила разницу между напускным безразличием поднаторевшего в следственных делах уголовного и безразличием просто отчаявшегося человека. Все глубже вникая в материалы дела, Пелецкая убедилась, что большая часть ответственности приходится на его «товарищей», а признание — плата за «дружбу».

В этой истории Светлана Михайловна расставила все на свои места. Не ушел от наказания Николай Кузнецов. Но сколь разительна разница между тем, что он получил по заслугам, и тем, что уготовили ему «товарищи»! Уже давно вернулся он к нормальной жизни. И каждый раз, когда жизнь дарит ему какую-то, пусть даже небольшую, радость, он вспоминает Светлану Михайловну Пелецкую, которая помогла ему выбраться из порочного круга ложных понятий о хорошем и плохом в жизни.

У каждого достаточно поработавшего следователя в памяти хранится какое-то одно дело, которое значимей для него лично, чем все остальные. Именно лично для него, потому что такое дело не всегда бывает отмечено приказами и товарищи могут не понять, чем же оно заслужило твое особое внимание.

— Не знаю, может быть, и будет еще что-то. А пока могу выделить, пожалуй, дело о хищениях на лакокрасочном заводе. Одно из интереснейших, на мой взгляд, особенно потому, как оно развивалось...

Поначалу и дела-то вроде никакого не было. Нашли около заводского забора беспризорную флягу со спиртом. Может, потому и поручили молодому следователю, что пустяк в общем-то.

Однако уголовное дело все-таки было возбуждено. И как в любом деле о хищении на заводе или фабрике, работа следователя начинается с изучения этого предприятия.

Пелецкая во всех подробностях познакомилась с характером производства на лакокрасочном заводе, с порядком движения материальных ценностей от цеха к цеху, системой их учета и хранения, вникла в существо технологических процессов (в данном случае важную роль играла технология хранения спирта в цистернах), изучила систему охраны предприятия...

В аппаратном цехе, где спирт из цистерн перекачивался во фляги, доступ к нему, можно сказать, был свободный. Кто угодно мог прийти, сколько угодно налить. И самих работников цеха неоднократно задерживали в проходной. Изучение журнала, в котором отмечались задержанные, и привело в аппаратный цех.

Затем была установлена связь этого цеха с транспортным, некоторые работники которого помогали вывозить спирт за территорию завода в вагонетках, вместе с продукцией. А еще через некоторое время удалось раскрыть преступную группу, в течение ряда лет действовавшую на заводе. Среди них были работники аппаратного и транспортного цехов, а также работники охраны. Хищения совершались именно в те дни, когда в охране находились определенные лица.

— Времени пришлось много потратить, хотя за продлением срока следствия я не обращалась. Да и времени тогда не замечала, честно говоря. Одно цеплялось за другое, не хотелось выпускать ниточку ни на секунду. Такой азарт, может быть, вдохновение. И представьте себе, началось с фляги, на которой преступники не оставили адресов. А закончилось разоблачением и привлечением к суду организованной группы преступников из тринадцати человек, причем таких «асов», как начальник аппаратного цеха и заместитель директора завода.

Светлана Михайловна смеется:

— А я в то время молодая, совсем еще не солидная. Конечно, с такими людьми не до шуток, но главные трудности заключались в несовершенной системе учета, когда плюс-минус тонна спирта считается нормой: прорвались трубы, «испортился» измерительный прибор на цистерне. Ключом к раскрытию преступления явилось как раз изучение технологии производства, системы учета на производстве. Ну и, конечно, знакомства, беседы с людьми. А хороших людей везде гораздо больше...

Конечно, не только об уголовных делах беседовали мы со Светланой Михайловной. Говорили о детях, о том, что многие родители мечтают, чтобы дети пошли по их стопам.

— Это, в общем-то, естественно: родители хотят передать детям свои знания, опыт. Но мы с мужем не строим таких планов. Пока что Анита мечтает о журналистике, Андрей увлекается биологией. Если же в будущем кто-то из них выберет для себя профессию юриста, то может рассчитывать на нашу поддержку.

Карл Янович — муж Светланы Михайловны, так же как и она, работник прокуратуры. И они помогают друг другу еще со студенческой скамьи.

Как-то сам собой возник разговор и о положении женщины в современном обществе.

— Не подумайте, что я сторонница матриархата, но мне кажется, в наше время роль женщины в обществе особенно ответственна и трудна. И все же, о каком бы сильном увлечении или призвании ни шла речь, главное призвание женщины — материнство. Женщина ведь не только медик, ткачиха или педагог, она и кухарка, и швея, она мать, ангел-хранитель семьи.

Что же касается работы женщины-прокурора, ни о какой неловкости, связанной с этой профессией, не может быть и речи. Есть небольшие неудобства, маленькие преимущества. Разве это важно? Мужчина ты или женщина — ты прокурор, а это значит — на тебя возложена большая и почетная ответственность перед народом.

**Ю. ЮДИН,
М. КОНЯШОВ**

Фото В. ЗИМИНА.

СОБЕСЕДНИК

Решения съезда КПСС — в жизнь

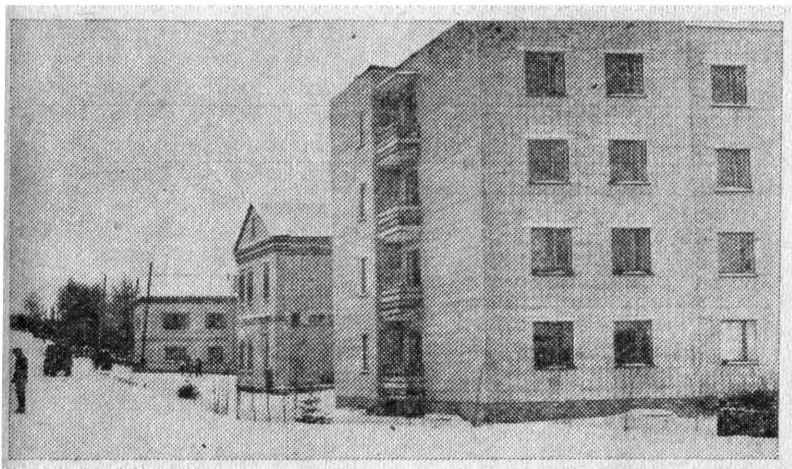
ЧТОБ ЛУЧШЕ

Подмосковный колхоз «Россия» — одно из передовых хозяйств столичной области. Плановые задания девятой пятилетки его коллектив выполнил задолго до нового года и продал государству зерна в полтора раза, а картофеля и овощей — почти в два раза больше, чем намечалось. Денежный доход колхоза в прошлом году превысил четыре миллиона рублей, а чистая прибыль составила почти два миллиона рублей.

Внушительные цифры! За ними — напряженный, порой нелегкий

крестьянский труд пятисот членов колхоза «Россия». Председателем здесь вот уже более тридцати лет избирается потомственный хлебороб, человек огромной души, умный и дальновидный руководитель Тимофей Иванович Барышев. По свидетельству многих его односельчан, в нем счастливо соединились народная мудрость, многолетний опыт колхозной жизни и обостренное чувство всего нового, передового. И в том, что колхоз добился столь значительных успехов, по признанию коллектива, немалая заслуга Тимофея Ивановича.

Сам председатель, хотя и оценивает итоги работы хозяйства в

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК

1975 году как неплохие, считает их пройденным этапом, базой для новых свершений. Осмысливая и анализируя свои успехи и промахи в прошлом, в колхозе «Россия» ищут резервы дальнейшего повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Своими мыслями об этом и поделился с нашим корреспондентом председатель колхоза, Герой Социалистического Труда Тимофей Иванович Барышев.

На снимке: новый облик центральной усадьбы колхоза «Россия».

На глазах меняется облик современной деревни. Каких-нибудь пятнадцать — двадцать лет назад в селе Покровском преобладали красивые, любовно украшенные резьбой наличников и коньков, обшитые тесом деревянные дома.

Председатель колхоза «Россия», Герой Социалистического Труда Тимофей Иванович Барышев.

А теперь? Теперь их напористо теснят кремовые кубы каменных четырехэтажных зданий. Последнее слово сельской архитектуры — в меру высокие, стройные дома, в квартирах простор, много света, все удобства. И живут здесь — хлеборобы, животноводы, механизаторы, наши молодожены.

Да, меняется жизнь в деревне, быт колхозников. И что самое главное — другим становится его труд. Механизация, передовая агротехника, химизация — без этого уже не мыслится современное сельское хозяйство. Тяжелый, изнуритель-

ный ручной труд ушел в прошлое. Однако даже при нынешних быстрых темпах технического перевооружения колхозного производства специфика его остается. Никто, например, не станет отрицать, что успех крестьянского труда все еще во многом зависит от времени года, погоды. Причем дело не только в возможных неурожаях при засухах или наоборот, когда дожди зальют и сгноят посеянное еще до того, как растение наберет силу. Речь идет также и об условиях работы колхозника, которому чаще всего приходится трудиться под открытым небом, порой в одиночестве. А в страдную пору или в беспогодье его рабочий день может растянуться, как говорят, от зари до зари. И человек, выросший на земле, знающий цену каждому колоску, сам будет трудиться в поле или на ферме столько, сколько нужно. Однако пользоваться традиционным крестьянским чувством уважения к земле-кормилице надо в меру, разумно.

Развитие сельского хозяйства требует от руководителей колхозов широты взгляда и мышления. Ведь совершенно очевидно, что рост эффективности колхозного производства тесно связан с решени-

ем одной из главных задач, поставленных партией,— свести до минимума различия в условиях жизни и труда в городе и деревне.

Думается, что успех дела во многом зависит от правильной, научной организации труда колхозников, четкого соблюдения всех требований Устава колхоза. Мы у себя начали с того, что нормировали рабочий день в соответствии с действующими постановлениями, ввели гарантированную оплату труда, четко распределили обязанности между людьми в бригадах и звеньях. Оправдал себя в колхозе и метод бригадного хозрасчета, который сродни известному уже злобинскому в строительстве. Суть его у нас состоит в том, что бригаде дается определенное задание (например, получить такой-то урожай с известной площади пашни) и планируются затраты на его выполнение. Материальный стимул при этом таков — пятую часть сверхплановой прибыли от результатов своего труда получают члены бригады.

Есть в колхозе и тринадцатая зарплата за добросовестную работу. Но именно за добросовестную, так как пьяниц, лентяев, прогульщиков правление неукоснительно ее лишает.

Результаты этих мер очень обнадеживают: повысилась ответственность каждого колхозника за свой участок работы в поле или на ферме, выросла производительность труда (проще говоря — больше стали урожай, надон), заработки поднялись до 140—220 рублей в месяц.

И еще. Почти перестали поступать заявления об уходе из колхоза. Факт многозначный, но и не удивительный: как говорят, от добра добра не ищут.

Общественные доходы колхоза позволяют нам всячески улучшать быт колхозников. Людей ведь теперь волнует не только зарплата, они все больше и больше начинают ценить свободное время. Приусадебные участки еще сохраняются, но вот от содержания в личном хозяйстве коров у нас постепенно отказываются. Свободное время все чаще посвящается учебе, чтению, кино, спорту. Явление это естественное, и мы стараемся по мере сил ему способствовать строительством жилья со всеми удобствами, культурно-бытовых учреждений, введением нормированного рабочего дня. Недаром ведь говорят в народе: после хорошего отдыха скорее работается, краше живется.

Однако у нас не все еще сделано. Наряду с внедрением новых машин, методов агротехники надо помнить и о социально-правовой стороне дела. И в первую очередь о дальнейшем совершенствовании учета и нормирования труда в колхозе. Иначе очень трудно будет

избежать текучести кадров (в особенности молодых) на селе. Кстати, несколько слов об одной проблеме сельской молодежи.

Сейчас, когда очень быстро разрушается традиционное представление о крестьянском труде как тяжелом и неквалифицированном, особенно важно воспитывать у наших ребят любовь к земле, родной природе, прививать вкус к сельскохозяйственным профессиям. И тут, как говорится, карты в руки школе, печати, радио, телевидению. Нужно поднять несправедливо заниженный престиж крестьянского труда, научить молодых ценить и уважать его. А то ведь что получается. Едешь иной раз по полям и видишь — идут ребяташки прямо по молодым всходам. Идут гурьбой, смеются и не задумываются над тем, что ранят растения, оставляют после себя бесплодную дорогу... Тяжело, больно смотреть на это. Вот и подумаешь — как же они будут хозяйствовать, если не приучили мы их уважать труд пахаря, любить землю, нашу кормилицу. Сколько уж лет мы собираем с нее обильные урожаи. Сколько труда вложили в то, чтобы облагородить ее. И земля не обходит нас своей щедростью — в прошлом году мы собрали почти по 40 центнеров зерна и по 285 центнеров картофеля с гектара.

Закон (статья 27 Земельного кодекса РСФСР) требует от нас только сохранять, но и постоянно повышать плодородие колхозных полей, всячески умножать культурный земельный фонд. В этом несомненный залог высоких урожаев, эффективности земледелия.

В прошлой пятилетке мы увеличили площадь культурной пашни более чем на 150 гектаров. Такое пополнение колхоз получил за счет осушения (где это оправданно) болот; разработки кочкарника и пустырей. Вместе с тем для орошения недостаточно увлажненных земель и сохранения пастбищных лугов устроили водоем площадью 27 гектаров. И труды наши не пропали даром — в зоне водоема заметно повысилось плодородие окрестных полей, улучшился травяной покров лугов. К тому же была решена проблема водопоя для коров. А это заметно сказалось на надоях — в 1975 году по сравнению с 1974 годом они возросли на 375 литров в расчете на фуражную корову.

Вот и выходит, что добросовестное исполнение земельного законодательства в конечном итоге помогает комплексному решению многих экономических задач нашего сельскохозяйственного производства.

Немалые резервы роста колхозного производства есть в селекционном и семеноводстве. От качества семенного фонда — спросите любого колхозника — наполовину зависит будущий урожай. За по-

следние годы советскими учеными выведены превосходные сорта зерновых и технических культур. И их семена необходимо заготавливать и хранить в строжайшем соответствии с требованиями государственных семенных инспекций. Плохое хранение семян может повлечь плохую их всхожесть, загрязненность сорняками, а в конечном итоге потерю в урожае. Поэтому установлена строгая ответственность председателей колхозов за создание фонда и хранение доброкачественных сортовых семян зерновых культур.

В нашем колхозе это важнейшее дело под контролем главного агронома Анатолия Дмитриевича Голубенкова. Его заботами кондиции семенного фонда доведены до первого и второго класса. Недаром «Мироновская 808» (сорт пшеницы.— Р Е Д.) дает у нас по 46 центнеров с гектара! Но и это не предел. Нужно только хозяйствовать рачительно, не жить одним днем, постоянно думать о будущем. А задачи завтрашнего дня, намеченные XXV съездом КПСС, требуют от нас всемерно повышать эффективность сельскохозяйственного производства. С тем чтобы еще лучше жил советский человек.

растить
гражданина

ИСТОКИ

Разговор с Анной Тимофеевной Гагариной о том, как она воспитывала своих детей

Анна Тимофеевна в задумчивости перебирает пачку писем, лежащих перед ней. Мы сидим в просторной комнате дома, построенного еще в 1961 году, — подарок от города родителям первого космонавта Земли.

— Что пишут? — повторяет Анна Тимофеевна вопрос. — Ребятишки разное спрашивают. А взрослые — как воспитывать.

Так и началась беседа, ради которой я приехала к Анне Тимофеевне. Я рассказала ей, что и в редакцию приходит много писем с вопросами о воспитании.

— Как растить гражданина? Как бы вы ответили?

— Ну, какой я такой советчик? — отнекивалась она. — Вроде бы ничего в нашей жизни не было особенного. Работали, детей растили, старались, чтобы они были добрыми, честными, правдивыми. Вот и все.

— А как... старались?

— Очень просто. Старались научить любить труд. Не только трудиться, а любить то, что ты делаешь.

Ей кажется, что это вовсе не трудно. Вроде ничего специально предпринимать не надо. Вот видится ей, как скупыми, точно рассчитанными движениями строгают Алексей Иванович на верстаке, что был сооружен позади их клушинской избы, доску. Отложил рубанок, приподнял край доски, зажмурил один глаз, глянул вдоль торца, проверяя точность скоса, своей большой, загрубелой в работе рукой про-

вел по доске, словно подчеркивая ее гладкую ласковость. Старший, Валентин,— рядом. Отец объясняет ему, как держать рубанок, как правильное стоять у верстака. А потом молча смотрит на первые не-

умелые движения сына. Ах, как неуклюжи непривычные к рубанку руки, как суетливы движения! Но отец наблюдает без замечаний, без нетерпения. Только под конец наводит он на Валины доски последний лоск. Теперь по доске можно провести рукой без опасения запозиться.

Им легко было приучать детей к труду. Сами они с Алексеем Ивановичем любили трудиться и умели передать детям радость от хорошо выполненной работы. Анна Тимофеевна вспоминает, какой довольный приходил с пахоты, сева, косьбы Алексей Иванович, как просились подраставшие дети в поле и с какой гордостью они участвовали во взрослых делах. Да и сама она, возвращаясь после тяжелого дня на ферме, говорила не только о трудностях, но и о радостях, что случаются каждый день, надо лишь суметь увидеть их. Вот однажды председатель похвалил доярок за чистоту на ферме, в следующий раз зоотехник отметил, что коровы стали давать больше молока. Ох, как приятно было!

— Одна наша читательница написала: «Зная, какое значение имеет труд в жизни че-

Анна Тимофеевна Гагарина дома у портрета сына.

ловека, старалась сына приучить к работе. Все он умеет по дому делать. Но пока не напомнишь, помогать не начнет. А напомнишь — сердится, что я понукаю. Иной раз час препираемся, прежде чем он полы помоеет».

Анна Тимофеевна спрашивает:

— Небось единственный сынок?

— Судя по письму — да.

— Может, я что не так скажу... — нерешительно начинает она. —

Но думаю: было бы у этой женщины детей побольше, все иначе бы обстояло. Ей бы некогда было по часу спорить, кому полы мыть. Да и сын, зная, что мать занята или устала, тоже бы, пожалуй, спорить не стал. Он ведь тогда бы почувствовал, что его помощь матери, ох, как нужна. А когда человек необходимость своей работы чувствует, он ее с большей охотой делает... У меня счастливо судьба складывалась. Четверо детишек было у нас с Алексеем Ивановичем.

Полная забот деревенская жизнь требовала, чтобы дети не просто изредка помогали, а полностью выполняли — не ожидая напоминаний — те или иные обязанности. Конечно, вначале нехитрые — в соответствии с возрастом и силенками.

Анна Тимофеевна заулыбалась, рассказывая о первой взрослой обязанности Зои. Было это в тридцать четвертом. Маленькому Юре едва исполнилось три месяца, когда приглядывавшая за ним старенькая соседка уронила мальчика. И тогда семилетняя Зоя рассудительно предложила матери: «Не давай Юру больше бабушке. Не доглядит, оставит парнишку уродом. Уж лучше я сама его нянчить буду». Принесет его, бывало, матери на ферму, пеленки все расстреплются, платочек, что голову прикрывает, съедет набок, но мальчишка молчит, будто знает, что маленькой сестренке нелегко таскать его к маме на работу.

Потом подростские младшие — Юра и Бориска — отвечали за то, чтобы вовремя была пригнана домой корова, полит огород, приготовлены к утру дрова у русской печи.

— А отдыхали как?

— Летом в деревне взрослым дел много. Ребятишки-то, конечно, и на речку сбегают, и поиграют, по грибы, по ягоды в лес сходят. А вот зимой... Зимние вечера хорошо помню.

Долгими зимними вечерами собирались все за столом под висячей керосиновой лампой, и Анна Тимофеевна читала вслух. Бывало,

позвав маленьких парнишек, Алексей Иванович рассказывал им сказки.

Вот и стоят перед глазами Анны Тимофеевны картины тихих бесед. Ребята не просто слушали. Нет. Они — любознательные — спрашивали и получали ответы. «Да как же Илье Муромцу назад можно было повернуть,— объяснял Алексей Иванович,— когда перед ним враг, когда ему победить врага надо?»

— Разве вечер у телевизора заменит разговор с отцом и матерью? — сокрушается Анна Тимофеевна по поводу нынешнего времяпрепровождения. — Да когда же с детьми и поговорить, как не в такие вот зимние вечера?

— Именно в таких доверительных беседах, наверное, и можно рассказать, что такое хорошо и что такое плохо, что — добро, а что — зло.

— Рассказать-то можно. Только добру словом не научишь,— соглашается и не соглашается Анна Тимофеевна. — Я так считаю: добро делать надо, а не говорить о нем. Вот у нас Алексей Иванович неразговорчивый, вроде даже необщительный был, а добрый. Вечером, глядишь, свой плотницкий ящик возьмет — уходит. «Я к тетке Нюте. Раму поправить». Или еще к какой одинокой старушке, старику беспомощному пойдет. Он и ребятишкам внушал: добрый тот, кто помогает, а не просто выслушивает да сочувствует. Убрал дом, прополол огород, посадил у школы деревья, принес больной соседке воды — значит, ты добрый.

Юра Гагарин (второй справа) с друзьями.

Мне подумалось, что это качество, привитое с детства, стало натурой Юрия Гагарина. Помню его неизменный вопрос: «Чем я могу помочь?» Да с кем бы ни приходилось говорить о Юрии Алексеевиче, люди неизменно отмечали его активную доброту, выраженную в поступке.

— Обычно нам в редакцию о воспитании пишут женщины,— возвращается наш разговор к письмам.— А тут как-то написал отец: «Что только ни делал: и ругал, и — сознаюсь — ремнем стегал, а ничего с парнем поделать не могу. Не слушается. Для него будто запретов не существует».

— Как же так «ремнем стегал»? — возмущается Анна Тимофеевна.— Да ребенок обязательно должен понять, почему ему запрещают что-то. Тогда ему и запрет будет легче соблюдать.

Было это в сорок четвертом.

В дом братья вошли гуськом. Младший, девятилетний Борис, как-то очень виновато жался за спиной Юры.

— Мамоньки родные!..— схватилась за голову Анна Тимофеевна, увидев черное от копоти лицо, опаленные брови младшего сына. А когда пришла в себя, строго взглянула на Юру: — Самострелом баловались?

В тот год ребячьи карманы так и распирали от гильз, патронов, осколков снарядов. Где-то мальчишки раздобывали порох, и, конечно, каждому хотелось стрелнуть.

— Как еще глаза ему не выжег! — сокрушалась мать и вдруг

Курсант авиационного училища Юрий Гагарин с родными. Слева направо: Юрий Алексеевич, Анна Тимофеевна, Зоя Алексеевна, Алексей Иванович и Валентин Алексеевич Гагарины.

сильным движением притянула к себе Юру и сказала тихо, по строго: — Нельзя! Пойми: нельзя...

Она еще хотела добавить, что ей и так горя достаточно: гитлеровцы, отступая, угнали в Германию старших — Валентина и Зою. И с тех пор... Освобождены наши, советские земли, Польша, а вестей от старших — никаких. Живы ли?

Но не добавила. Ее младшие только взглянули в осунувшееся лицо матери — поняли ее горе. Больше самострелами они не баловались.

— Долг родителей,— становится строгой Анна Тимофеевна,— рассказать ребятишкам, в какой стране они живут, показать, что нам дала Советская власть. Объяснить доходчиво, так, чтобы понял ребенок своим детским умом.

Иногда это была прочитанная страничка истории, иногда объяснение увиденного (создали в Клушине колхоз, открыли новую школу, пришел в село первый трактор), иной раз — задушевный разговор.

Однажды сын подошел к матери и тихо, чтобы не услышал отец, спросил:

— Мама! А почему ты нам книжки читаешь, а папка только сказки рассказывает?

Анна Тимофеевна посадила мальчика рядом на лавку:

— Хорошо, Юра, объясню. Слушай внимательно.

И рассказала, как в давние дореволюционные времена жила их семья, Матвеевых, в Петербурге, как училась она, Нюра, в школе. Очень хорошо училась. Учителя говорили: «Способная». Три года ходила в школу. А тут пострадал на работе отец, тяжело заболел. Не смог больше работать. Хозяева завода заявили: «Уходи». До учебы ли тут было? За гимназию-то надо было платить. А где денег взять? Пришлось всей семье возвращаться в деревню. Читать-то научилась, а дальше не пошла. Ну, а Алексей Иванович родился в беднейшей семье. Было у Гагаринных восемь детей. И чтобы прокормиться, приходилось ребятишкам идти в подпаски. Какая тут учеба, когда до октября — в поле и с мая — в поле.

— Отец года два в школу ходил. Едва читать выучился,— закончила мать рассказ.— Поймешь ли, Юрик, что Советская власть людям дала? — раздумчиво добавила она.

— Вот сейчас, когда спрашивают о воспитании, думаю: то не упустить, об этом рассказать. Растила ребят — вроде все просто

было, а теперь вспоминать станешь — подумаешь: сложное это дело — человека вырастить.

Да и не только вырастить. Мать-то за детей всегда в ответе, всю их жизнь. Вместе ли они живут с родителями, одни ли.

Она ответственность за дела детей своих никогда не слагала с себя. И они искали ее совета, слушались ее мудрости, брали с нее пример доброго отношения к людям.

— Хочется ответить на все вопросы,— кладет Анна Тимофеевна руку на стопку писем.— А не всегда могу.

— Почему?

— Да вот иные ребяташки спрашивают: как стать космонавтом, что для этого надо делать. Ждут, наверное, от меня ответа: поступай так-то и так-то. А рецептов нету. Мы с мужем наших детей одинаково воспитывали. А профессии дети мои выбрали разные. Валентин — заводской мастер, Зоя — медсестра, Борис — шлифовщик. Вот и хочется ребятам ответить: важно не какую работу ты выполняешь, а как. Хорошо. С любовью. По чести. Тогда и люди тебя будут уважать. Космонавтом ли ты будешь, ученым, трактористом, учителем.

Много писем приходит в этот дом по улице Гагарина. Анна Тимофеевна отвечает на них просто, искренне.

Часто ее приглашают на встречи с рабочими, студентами, комсомольцами, пионерами, колхозниками. «Учить не могу, а что знаю — расскажу»,— соглашается она и не скупится на примеры, делится наблюдениями, отчего ее выступления убедительны. Лишенные назидательности — убеждают.

К семидесятилетию Президиум Верховного Совета СССР наградил Анну Тимофеевну Гагарину орденом Трудового Красного Знамени. Так были оценены ее работа в колхозе, ее труд воспитателя.

г. ГАГАРИН СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Т. КОПЫЛОВА

Фото В. ЗИМИНА.

по следам
неопубликованных
писем

Требования удовлетворены

В редакцию поступило письмо Л. Черновского, младшего научного сотрудника лаборатории приготовления и хранения кормов Сибирского научно-исследовательского института кормов. Как он сообщил, для химического анализа кормов лаборанты применяют различные химические реактивы: серную и соляную кислоты, гидроокись калия и натрия и тому подобное. Эти анализы проводятся круглый год. Однако администрация института, в частности главный бухгалтер И. Лоза, отказывает в бесплатной выдаче молока и в сокращении продолжительности рабочего времени.

Письмо Л. Черновского для проверки и принятия мер было направлено в Новосибирский областной совет профсоюзов.

Как сообщил редакции и. о. директора Сибирского научно-исследовательского института кормов И. Овчаренко, требования, изложенные в письме Л. Черновского, совершенно справедливы. Сейчас научные сотрудники и лаборанты лабораторий технологии приготовления и хранения кормов, которые проводят химические анализы, обеспечиваются молоком, им также установлен в соответствии с законом сокращенный рабочий день.

Факты подтвердились,

но... все осталось по-старому

Жительница г. Златоуста Л. Валькова написала, что в книжных магазинах города журналы, пользующиеся повышенным спросом, а также хорошие книги можно купить только в наборах, то есть с нарушением правил торговли.

Редакция направила письмо Л. Вальковой в Государственный комитет Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли с просьбой проверить письмо и принять меры.

Через некоторое время Валькова снова обратилась в редакцию.

«Получила ответ,— писала она,— от заместителя директора облкниготорга Сиразевой: «Факты, изложенные в письме, имели место. С работниками книжных магазинов проведена соответствующая беседа. Директор Златоустовского отделения книготорга В. Соколовская предупреждена. Книгами, скомплектованными в библиотечки-подарки, можно отоваривать только билеты Всероссийской книжной лотереи».

Л. Валькова поспешила в магазин за необходимым ей журналом. Но здесь ее ждало разочарование: порядок торговли не изменился, и нужный журнал можно было купить только в комплекте с книгами, которые ее совсем не интересовали.

Как сообщает Валькова, она обратилась к работникам магазина с вопросом, почему они продолжают нарушать правила торговли. Работники магазина были удивлены: никакой беседы с ними никто не проводил. Настала очередь удивляться Вальковой.

Странно: факты подтвердились, но... все осталось по-старому. Может быть, заместитель директора облкниготорга тов. Сиразеева объяснит нам этот ребус-загадку?

К хлебу — бережное отношение

Жители г. Вельска Архангельской области Г. Булатов, Ю. Некрасов и А. Гусев сообщили редакции о расточительном отношении некоторых граждан города к хлебу. Они писали, что Вельск за последние годы значительно похоршел, в нем строятся многоэтажные жилые дома со всеми удобствами, вступили в строй водопровод, канализация. Все больше многоквартирных домов переводится на центральное отопление. И вместе с тем многие жители во дворах домов строят свинарники. Строят без разрешения, без всякого плана, где где захочет. Наиболее предприимчивые «свиноводы» переоборудуют под свинарники типовые сараи. Свиной кормят свежеспеченным хлебом. Продавец едва успевает выкладывать на прилавок горы буханок. Люди берут столько, сколько могут унести.

Для проверки редакция направила письмо в исполком Вельского городского Совета депутатов трудящихся. В ответ редакция получила решение исполкома Вельского городского Совета депутатов трудящихся, принятое по письму Булатова и других. В решении исполкома указано, что Булатов правильно отметил факты скармливания хлеба свиньям.

Исполком горсовета обязал правление горпо, орс объединения «Вельсклес», Вельский куст Кулойского орс упорядочить торговлю хлебом.

Руководителям предприятий и организаций, ЖКО и домоуправлений предложено в установленный срок выявить все неплановые строения, особенно хлевы, свинарники, и принять меры к их сносу. Виновных в самовольном строительстве привлечь к ответственности.

Через некоторое время исполком Вельского горсовета дополнительно сообщил, что в 1975 году в городе снесено свыше ста неплановых строений. Квартальные комитеты и домкомы проводят среди населения разъяснительную работу о соблюдении правил благоустройства и санитарного состояния города.

суд и гет!

КРАДУТ... И КАЮТСЯ

Читая письма осужденных, нередко встречаешь строки, полные острой тоски по вольной жизни, раскаяния, стыда, душевной боли... И кажется порой, что автор письма смотрит на себя со стороны, сумел подняться над прошлым, сумел с высоты взглянуть на пройденный ухабистый путь. Взглянуть и с печальной искренностью подвести итог своей непутевой, обездоленной жизни. В нелегкий период лишения свободы человек, видимо, не раз крепко задумывался над тем, как пусто, горько и бесполезно протекли его годы и как надо изменить свою безотрадную жизнь. Такие глубокие раздумья, естественно, могли привести к единственно правильному выводу: с прошлым надо порвать навсегда, и чем скорее, тем лучше. И очень многие, отбыв наказание, честно трудятся и живут, не нарушая законов. Но, к сожалению, бывает и так, когда ранее судимый, особенно за корыстное преступление, не порывает с прошлым и, выйдя на свободу, жадно и зорко присматривает, где и что плохо лежит.

Такие люди упорно не хотят трудиться и представляют собой повышенную опасность для общества. Потому-то уголовный закон и предусматривает более строгую меру наказания за повторную кражу, за кражу, совершенную рецидивистом...

На Волжском шинном заводе работал грузчиком Мангутов, ранее судимый. Зарабатывал прилично, до трехсот рублей в месяц. Обзавелся семьей. Жена тоже работала. Ему сорок четыре года. Казалось бы, пора и угомониться. Тем более, как говорят, прозвонел звонок: суд признал его особо опасным рецидивистом. Куда уж дальше? Да и двое детншек требовали постоянного внимания, заботы и уж, вполне понятно, нормальных условий жизни, при которых и может быть обеспечено развитие, воспитание, учеба и досуг ребят. Такое резкое жизненное потрясение, как осуждение отца, не может не отразиться на судьбе всей семьи, особенно детей. И это обстоятельство должно было бы удержать человека от неверного шага, от опасной черты, за которой зияет пропасть.

Но Мангутова это не удержало. Причина — пристрастие к легкой наживе оказалось для него сильнее семейных привязанностей, а душевная глухота погасила чувство ответственности за благополучие семьи и будущее детей. Расчет на безнаказанность для Мангутова в данном случае был чистейшим самообманом. В этом его неоднократно убеждала собственная неудачная жизнь. И все-таки он надеялся избежать ответственности. Надеялся на какое-то чудо. И оно, естественно, не произошло.

Друзьки Мангутова по тайному «ремеслу» — Гавашелишвили, Мусланов, Добычин, В. Белоглазов, Умняков, Акмаев — в прошлом

также были судимы, причем некоторые из них неоднократно. Мусланов, к примеру, дважды судился за хищения, приговаривался к длительным срокам лишения свободы. Работал он слесарем на Волжском заводе асбестовых технических изделий. У него трое детей.

Ну что им не работалось на заводах? Заводские коллективы приняли их в свои ряды как равных членов. Оба завода хорошие, первоклассные, оснащены новейшим оборудованием. Да и сам город Волжский чудесный — молодой, зеленый, красивый. Рядом — Волга. В выходные дни отдыхай в свое удовольствие: рыбачь, купайся, загорай. В общем, живи, трудись да радуйся. Нет же, как в поговорке: бог свое, а черт свое...

Организовавшись в преступную группу, Мангутов, Мусланов и другие стали красть с шинного завода и завода асбестовых технических изделий автопокрышки с камерами и тормозные накладки к автомобилям.

Как-то осенью Гавашелишвили, Белоглазов и Ситников прошли через проходную на территорию завода асбестовых технических изделий и остановились возле склада. Было еще светло, но это их очень-то смущало. Знали они, что склад не охраняется, людей поблизости не было. Ситников перепилил ножовкой дужку замка на двери склада, и, хотя им ничто не препятствовало, они решили подстраховаться. Уж! больно много затеяли украсть. Стали ждать вечера. Под покровом темноты все-таки надежнее. И когда сгустились сумерки, Ситников подогнал от цеха к складу электропогрузчик и начал грузить на электрокар, стоявший здесь же, поддоны и ящики с тормозными накладками. Но... показался человек. Шел он быстро, деловито. Это был начальник смены Рачевский. О краже он ничего не знал, просто проходил мимо. И хотя расхитители подчас крадут нагло и открыто, все равно страх их преследует на каждом шагу. А у страха, известно, глаза велики. Так было и на этот раз. Гавашелишвили, наблюдавший за обстановкой, пронзительно закричал, предупреждая соучастников об опасности. И всех — как ветром сдуло. Задержать их не удалось.

Факт крупного хищения был налицо. Событие для завода весьма тревожное. Но за большими производственными делами факт этот прошел бесследно: не взбудоражил общественного мнения, не вызвал у работников завода большой озабоченности. Охрана государственного имущества не была усилена. Уголовное дело не возбуждалось. А хищения между тем продолжались. И только зимой, после двух крупных краж, напали на след расхитителей...

В январе Мангутов, Гавашелишвили, Добычин и другие договорились похитить с шинного завода автопокрышки с камерами. Встреча была назначена на семь часов вечера в курилке, возле склада готовой продукции. Готовясь к этой операции, Мангутов заранее подобрал ключ к замку склада. В назначенное время к курилке один за другим потянулись члены шайки. Когда все собрались, приступили к делу. Похитили 45 автопокрышек с камерами на 2497 рублей (каждая стоила 55 рублей 50 копеек). На автомашине клуба ДОСААФ (шофер Бабушкин) покрышки вывезли через проходную (по договоренности с охранниками) и спрятали в дачном поселке «Цветущий сад» у Добычина.

На следующий день Гавашелишвили и Мангутов с соучастниками тем же путем похитили со склада готовой продукции еще 78 автопокрышек с камерами к автомобилю «Жигули» на сумму 4329 рублей. Украденные покрышки отвезли (опять же на машине Бабушкина) на дачу к Добычнину. Оттуда 60 покрышек вскоре перекочевали к скупщику Умнякову. За них он уплатил Гавашелишвили и его соучастникам 3000 рублей. Из этой суммы 600 рублей Мангутов передал охранникам Симакову и Акмаеву за содействие в краже. И все: наступил конец...

По горячему следу в дачный поселок «Цветущий сад» выехал инспектор уголовного розыска Скрыбневский. Спешил он на улицу Алычевой, к дому № 11. Высокий кирпичный дом этот выделялся среди других: сделан добротно, основательно. И загородка вокруг него покрашенная, аккуратная. В доме инспектор застал Добычнина. При осмотре дачного участка обнаружил 58 автопокрышек. Специалисты установили: автопокрышки производства Волжского шинного завода. Добычнину ничего не оставалось, как сознаться в совершенном. Преступные связи стали выявляться одна за другой. Потянулась стежка-дорожка и в рабочий поселок города Волжского, к дому Умнякова. Работники милиции обнаружили у него 75 автопокрышек, из которых 67 штук были новые.

Группа расхитителей постепенно пополнялась новыми участниками и перед судом предстала в полном составе.

Почти все признали свою вину, каялись (в который уже раз!), не отрицали фактов, оспаривали лишь детали.

Только скупщик покрышек Умняков твердил суду одно и то же: «Я не понимаю, за что меня судят. Ничего не знаю, ничего не видел. Жена купила шестьдесят покрышек за три тысячи рублей, а я тут ни при чем». Почему же Умняков, несмотря на веские улики, перекладывал тяжесть ответственности на плечи жены? Боялся он суда. Ведь раньше Умняков дважды судился за спекуляцию. И теперь вполне ясно представлял, что милости от суда ему ждать нечего. Вот и сваливал на безвинного человека свои прегрешения. Сейчас Умняков совсем другой, чем был до ареста. Выдает себя за человека, жившего под каблуком жены. А было-то в действительности совсем наоборот. Вот показания его дочери, Татьяны Михайловны Умняковой:

— Всем хозяйством у нас ведал отец. А хозяйство наше большое: корова, восемь свиней, десяток кур. Была у отца и машина «Жигули». Деньги хранились у него. Мать без его ведома не могла истратить даже двугривенного. Возвращаясь с покупками, она всегда отчитывалась перед отцом.

Так вот каким был Умняков — домовитым, расчетливым стяжателем. К показаниям его дочери добавим, что дом у Умняковых большой, капитальный, обнесен надежным забором. Рядом — кирпичный гараж. В доме два холодильника. Полуподвальное помещение дома сдавалось жильцам за 30 рублей в месяц. Здесь из чего только можно извлекалась выгода. В погоне за ней Умняков и пошел на новое преступление. Пренебрег народной мудростью: краденым не наживешься.

Гавашелишвили говорил суду, что «соблазнился наживой, отбился от родственников, потерял совесть и стал нарушать закон».

«Отбился от родственников...» Действительно, отбился. В сорок лет мотался туда-сюда, не имея ни семьи, ни постоянных занятий, ни кола, ни двора... Впрочем, имел автомобиль «Волга». Не свой, а сестры. Развезжал на нем, устраивая темные дела: встречался с нужными людьми, договаривался об очередной краже, о сбыте похищенного, о дележе выручки...

Когда-то Гавашелишвили работал шофером в тресте «Грузгидро-энергострой», работал неплохо, если судить по характеристике, распространенной к делу. Выполнял задания на 140—150 процентов. И зарабатывал хорошо, в среднем — 460 рублей в месяц. Из треста ушел в армию. После службы вернулся в тот же трест, проработал до лета 1969 года и уволился. Иллюзия занять большие деньги повела его кривыми путями-дорогами... Был судим. Отбыв наказание, не сделал серьезных выводов. Призрак легкой наживы снова одурманил его и теперь привел в Волжский. И здесь Гавашелишвили нашел применение своим «способностям», но... опять оказался на скамье подсудимых.

«Отбился от родственников...» Кстати, и их не очень-то тревожило это обстоятельство: то ли махнули на него рукой, потеряв надежду на его возвращение в родные края, то ли рассчитывали, что сам выкрутится из любой беды. Забеспокоились они, когда возникла угроза конфискации имущества. Тут-то из Кутанси в Волжский срочно прибыла сестра Гавашелишвили: Прибыла и предъявила работникам милиции свои права на машину: «Волга»-де моя, брату я поручила продать ее (будто в Грузии это нельзя было сделать!), а он использовал машину для себя. «Волгу» успела спасти, а брата упустила...

Сейчас подсудимые бичуют себя, пытаются убедить суд в чисто-сердечном раскаянии. И Мангутов, и Мусланов, и Гавашелишвили, и Добычин, и Белоглазов... все-все просят суд не лишать их свободы на длительный срок. А ведь ранее, до разоблачения, молчали, не явились с повинной, их нисколько не мучила совесть за то, что так нахально разворовывали народное добро. Крали систематически и помногу.

Всего ими похищено с шинного завода 142 автопокрышки к «Жигулям» на 7825 рублей и с завода асбестовых технических изделий 18 ящиков с тормозными накладками стоимостью 9000 рублей. Кроме того, они пытались похитить еще 11 658 тормозных накладок на 29 095 рублей, но помешал Рачевский.

Волгоградский областной суд приговорил Мангутова к пятнадцати годам лишения свободы, Гавашелишвили и Мусланова к тринадцати, Белоглазова к двенадцати, Добычинна к шести и Умякова к четырем годам лишения свободы. Все они осуждены с конфискацией имущества. Остальные подсудимые также получили по заслугам.

В приговоре суд отметил, что Мангутов, Мусланов и Гавашелишвили были инициаторами хищений и вовлекли в преступную деятельность других. Ранее судимые, стало быть, верховодили шайкой.

Одни, подавляющее большинство, болели душой за производство, не жалея сил стремились изготовить больше доброкачественной продукции, а другие, ничтожное меньшинство, эту самую про-

дукцию растаскивали. Судят их, а они опять за старое. Никак не прозреют. Крадут и каются... В чем тут причина? Давайте разберемся. Прежде всего скажем, что государство всякого гражданина обеспечивает работой. Отбывших наказание трудоустраивают. В частности, этим занимаются исполкомы местных Советов депутатов трудящихся. Конечно, при оформлении на работу ведется серьезный разговор. Поступающий заверяет администрацию, что будет трудиться на совесть, честно и без «баловства». Большинство так и делает: доверие старается оправдать добросовестным трудом. Некоторые же злоупотребляют доверием, используя его в корыстных интересах. Иной, работая даже на самой рядовой должности, ухитряется чем-нибудь да поживиться. Видите ли, у него чешутся руки на народное добро, когда оно без надежного охраны.

Поэтому иногда возникают затруднения при приеме на работу бывших осужденных. Некоторые им не доверяют. Но такой подход к делу незаконен и несправедлив. Нельзя ведь огульно ко всем относиться подозрительно. И надо учитывать, что доверие — благоприятная почва для нравственного становления человека. Но доверие не исключает контроля, проверки, наблюдения за поведением на работе и в быту. А именно этого в рассказанном деле и не было. Мангутову, Мусланову доверяли коллективы заводов, но ни администрация, ни общественные организации, ни товарищи по труду не интересовались их стремлениями, склонностями, особенностями характера, духовным миром. А без этого немислима всякая воспитательная работа, тем более индивидуальная — самая эффективная и надежная. Значит, в коллектив-то приняли, а с людьми не работали.

Потому-то суд в частных определениях и указал, что в производственных коллективах шинного завода и завода асбестовых технических изделий слабо проводилась воспитательная работа и не уделялось достаточного внимания сохранности государственного имущества.

В ответе на частное определение директор Волжского шинного завода И. Гайдуков сообщил суду, что в цехах намечено провести цикл лекций о сбережении общенародной собственности. С участием работников охраны проведено собрание, на котором обсуждался вопрос о работе с кадрами. Возле склада готовой продукции установлен круглосуточный пост. Для борьбы с хищениями из партийно-комсомольского актива созданы на заводе оперативные группы. На всех проходных предусмотрена установка системы автоматизированного и табельного учета («Колхида»), автоматизация всех автомобильных и железнодорожных ворот, устройство охранной сигнализации и огораживание зоны по всему периметру химического комплекса.

Несомненно, эти серьезные меры будут способствовать охране государственного имущества от преступных посягательств.

В. ТОНКИХ

Контроль фабзавместкомов профсоюзов за расторжением трудового договора по инициативе администрации

Установленный советским законодательством порядок расторжения трудового договора по инициативе администрации имеет целью не допускать необоснованного увольнения рабочих и служащих.

Администрация предприятия, организации вправе уволить работника по своей инициативе лишь при наличии оснований, прямо указанных в законе, и, как правило, с предварительного согласия фабрично-заводского, местного комитета профсоюза. Необходимо подчеркнуть, что согласие ФЗМК требуется при увольнении работника по инициативе администрации по любому из оснований, предусмотренных статьёй 33 Кодекса зако-

нов о труде РСФСР и соответствующими статьями КЗоТ других союзных республик (ликвидация предприятия, учреждения, организации, сокращение численности или штата работников; обнаружившееся несоответствие рабочего или служащего занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации либо состояния здоровья, препятствующих продолжению данной работы, и так далее).

Иногда приходится слышать такое утверждение: прогульщиков, в том числе лиц, появившихся на работе в нетрезвом состоянии, и других нарушителей трудовой дисциплины можно уволить и без согласия комитета профсоюза.

Неверно. И в этих случаях, осуществляя контроль за действиями администрации, решившей расторгнуть трудовой договор, ФЗМК имеет право и обязан проверить обоснованность увольнения работника.

Основания расторжения трудового договора по инициативе администрации, предусмотренные статьей 33 КЗоТ РСФСР, являются общими, то есть они могут служить причиной увольнения рабочих и служащих любой категории. Вместе с тем законодательство устанавливает для расторжения трудового договора по инициативе администрации и дополнительные основания, касающиеся работников некоторых категорий при определенных условиях. В этих случаях, как правило, при увольнении рабочих и служащих также необходимо предварительное согласие ФЗМК (например, при расторжении трудового договора в связи с утратой доверия к работнику, непосредственно обслуживающему денежные или товарные ценности; вследствие совершения человеком, выполняющим воспитательные функции, аморального поступка, несовместимого с продолжением данной работы).

Согласие ФЗМК необходимо и при увольнении рабочих и служащих, не являющихся

членами профсоюза, а также штатных работников. Такое согласие требуется и тогда, когда увольнение производится вышестоящей организацией. Так, увольнение учителей общеобразовательных школ производится по приказу соответствующего отдела народного образования. При этом независимо от того, кто ставит вопрос об увольнении — администрация школы или отдел народного образования, согласие на увольнение должно быть дано местным комитетом профсоюза школы, а не вышестоящим профсоюзным органом.

Товарищеский суд вправе поставить перед руководителем предприятия, учреждения, организации вопрос об увольнении лица, выполняющего работу, связанную с воспитанием несовершеннолетних и молодежи, или с распоряжением либо хранением материальных ценностей, если суд, с учетом характера поступков этого лица, сочтет невозможным доверить ему такую работу в дальнейшем. И в этом случае увольнение допустимо только при наличии законных оснований, дающих администрации право расторгнуть трудовой договор по своей инициативе, и притом с предварительного согласия ФЗМК.

Если администрация уволит работника, не обращаясь в ФЗМК за получением согласия

или несмотря на то, что ФЗМК не дал согласия на увольнение, расторжение трудового договора признается незаконным, а уволенный должен быть восстановлен на прежней работе.

Иногда администрация — в нарушение закона — обращается в ФЗМК уже после того, как приказ об увольнении работника издан. Президиум ВЦСПС в постановлении от 28 июня 1974 года разъяснил, что ФЗМК в таких случаях не должны рассматривать представления администрации. Поскольку работник был уволен без предварительного согласия ФЗМК, он безоговорочно должен быть восстановлен на прежней работе.

Цеховые комитеты профсоюзов по общему правилу не имеют права рассматривать вопросы о даче согласия на увольнение. Однако фабзавместкомы крупных предприятий, которым предоставлены права районного комитета профсоюза, могут передавать цеховым комитетам некоторые права, относящиеся к компетенции ФЗМК, в том числе и право давать согласие на расторжение трудового договора по инициативе администрации.

На небольших предприятиях (в учреждениях), где менее пятнадцати членов профсоюза, избирается не фабзавместком,

а профсоюзный организатор. При увольнении работников таких предприятий (учреждений) по инициативе администрации необходимо согласие профсоюзного организатора.

Законодательство не предусматривает какой-либо обязательной формы обращения администрации к комитету профсоюза за получением согласия на увольнение. Это может быть записка, проект приказа и тому подобное. Однако представление должно быть подписано руководителем предприятия, учреждения, организации или другим должностным лицом, которому предоставлено право приема и увольнения работников. Это правило действует и в тех случаях, когда право давать согласие на увольнение предоставлено цеховым комитетам профсоюза.

Вопрос о расторжении трудового договора по инициативе администрации должен быть согласован с ФЗМК как коллегиальным органом, а не с председателем комитета профсоюза.

В соответствии с Уставом профсоюзов СССР заседание фабзавместкома считается правомочным, если в нем участвует не менее двух третей членов комитета. Это требование необходимо выполнять и тогда, когда некоторые члены комитета находятся в отпуске,

больны или временно отсутствуют по другим причинам. Если, однако, отдельные члены фабзавместкома выбыли из его состава в связи с увольнением с работы, то, пока не проведены довыборы комитета, его заседание правомочно и при участии двух третей оставшихся членов. Постановления фабзавместкома, принятые при отсутствии необходимого кворума, считаются недействительными. А приказы администрации об увольнении, составленные на основании таких постановлений, рассматриваются как изданные без согласия комитета профсоюза.

Постановления фабзавместкома принимаются большинством голосов членов комитета, присутствующих на заседании. Если, например, в заседании завкома, в состав которого избрано 13 человек, принимают участие одиннадцать (кворум имеется), то для принятия постановления за него должно быть подано не менее шести голосов. Рассматривая представление администрации с просьбой дать согласие на увольнение, фабзавместком обязан пригласить на заседание работника, о котором идет речь. Однако неявка работника на заседание без уважительных причин, если он своевременно был приглашен, не препятствует рассмотрению вопроса по существу.

Вопрос о том, дать ли согласие на увольнение, фабзавместкомы должны решать после всесторонней проверки материалов, представленных администрацией. Причем наличие оснований, по которым закон допускает увольнение рабочих и служащих, еще не предопределяет решения фабзавместкома, который и при этих основаниях может признать увольнение нецелесообразным.

Обращаясь в фабзавместком за получением согласия на увольнение, администрация должна указать конкретную причину, по которой она считает необходимым расторгнуть трудовой договор. И фабзавместком может дать администрации согласие на увольнение работника лишь по совершенно определенному, конкретному основанию. Если работника уволят не по тому основанию, которое было предметом рассмотрения комитета профсоюза, увольнение считается незаконным.

Постановление фабзавместкома об отказе дать согласие на увольнение является окончательным и не может быть отменено ни вышестоящим профсоюзным органом, ни судом. (Если право давать согласие на увольнение предоставлено цеховому комитету профсоюза, то его постановление по данному вопросу так

же не может быть пересмотрено).

Получив согласие фабзавместкома, администрация вправе (но не обязана!) уволить работника. Причем трудовой договор может быть расторгнут не позднее одного месяца со дня получения согласия ФЗМК. А при увольнении за систематическое неисполнение обязанностей и за прогул (пункты 3 и 4 статьи 33 КЗоТ РСФСР) действует, кроме того, и другое правило: договор можно расторгнуть не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка. Если трудовой договор расторгается администрацией с нарушением этих правил, увольнение считается незаконным и уволенный должен быть восстановлен на работе. Период, в течение которого работник временно нетрудоспособен или находится в ежегодном отпуске, не прерывает месячного срока, до окончания которого администрация, получив согласие ФЗМК, имеет право расторгнуть трудовой договор.

Чтобы уволить по инициативе администрации работников некоторых категорий, требуется, кроме согласия ФЗМК, разрешение еще и других органов, а именно, при увольнении:

— рабочих и служащих моложе 18 лет — согласие районной (городской) комиссии по делам несовершеннолетних;

— молодых специалистов (в течение установленного срока работы в соответствии с назначением комиссии по персональному распределению) — разрешение министерства, ведомства, которому подчинено предприятие, учреждение;

— рабочих и служащих, избранных председателями или членами фабзавместкомов и не освобожденных от производственной работы, — согласие вышестоящего профсоюзного органа;

— депутатов — предварительное согласие Совета, а в период между сессиями — предварительное согласие соответственно исполкома, Совета или Президиума Верховного Совета.

В порядке исключения из общего правила законом разрешается увольнение по инициативе администрации без согласия ФЗМК работников:

— занимающих должности, указанные в перечне № 1 приложения № 1 к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров (к ним относятся руководители предприятий, учреждений, организаций, их заместители и помощники; главные инженеры, главные врачи; начальники цехов и их заместители, руководители управлений, отделов министерств, ведомств и некоторые другие);

— занимающих должности,

замещаемые по конкурсу, если эти лица освобождаются от работы в связи с неизбранием на новый срок или признанием их в установленном порядке не соответствующими занимаемой должности, независимо от того, приняты ли они по конкурсу или временно замещают должности без прохождения конкурса (увольнение этих работников по инициативе администрации по другим основаниям разрешается лишь с согласия фабзавместкома);

— увольняемых согласно уставу о дисциплине, если данным уставом не предусмотрено согласование увольнения с фабзавместкомом (такие уставы действуют в некоторых отраслях народного хозяйства, например на железнодорожном, морском, речном, воздушном транспорте);

— работающих по совместительству — с совмещаемой

должности или работы.

Без согласования с ФЗМК освобождаются также работники, не выдержавшие испытания, установленного для них при приеме на работу.

Закон, таким образом, устанавливает обязательность предварительного согласия ФЗМК лишь при расторжении трудового договора по инициативе администрации. Такое согласие не требуется при прекращении этого договора по другим основаниям: по соглашению сторон; в связи с истечением срока договора либо срока временной или сезонной работы, кроме случаев, когда трудовые отношения продолжают существовать и ни одна из сторон не потребовала их прекращения; в случае призыва или поступления рабочего или служащего на военную службу; в связи с переходом на выборную должность и так далее.

Е. ГЕРШАНОВ;

кандидат юридических наук

В седьмом номере нашего журнала за 1975 год помещена консультация о новых Правилах пользования городской телефонной связью, введенных в действие с 1 января 1975 года. В практике применения новых Правил возникли некоторые дополнительные вопросы. Они были рассмотрены и разрешены Министерством связи СССР. Учитывая пожелания многих читателей, редакция публикует разъяснения по этим вопросам.

Правилами предусмотрена внеочередная установка телефонов работникам связи, проработавшим в системе Министерства связи СССР не менее 10 лет. Теперь дополнительно разъяснено, что этой льготой пользуются лица, работающие на момент установки телефона на предприятиях и в организациях связи, а также ушедшие с предприятий и из организаций связи на пенсию, если до ухода на пенсию они проработали на предприятиях и в организациях связи не менее 10 лет.

Правила предусматривают возможность перестановки телефона индивидуального пользования на новое место жительства абонента, если он переехал в пределах данной АТС, а при отсутствии технической возможности для перестановки — право на внеочередную установку телефона. Нередко бывает, что переезжает не вся семья, проживавшая в одной квартире и пользовавшаяся одним телефоном, а лишь некоторые члены семьи, либо семья разъезжается по разным местам. Как быть с телефоном в этих случаях?

Если часть семьи остается проживать по старому адресу, а абонент выезжает, то он вправе: перенести телефон на новое место жительства (если есть техническая возможность), сдать телефон городской телефонной сети и на новом месте жительства получить право на внеочередную установку телефона либо оставить телефон по старому месту жительства. В последнем случае на новом месте жительства бывшему абоненту может быть установлен телефон

лишь в порядке общей очереди. Если семья разъезжается по разным местам, то «судьбу» телефона также вправе решить только абонент, исходя из тех же правил. При этом следует иметь в виду, что членами семьи считаются все совместно проживающие с абонентом лица, вписанные в финансово-лицевой счет на квартиру, независимо от степени родства.

При трехстороннем и четырехстороннем обмене квартирами, когда не все обменивающиеся стороны имеют телефоны, они сохраняются у тех обменивающихся граждан, которые на момент переезда являются абонентами данной городской телефонной сети и переселяются в квартиры, в которых также имеются телефоны.

Граждане, пользовавшиеся коллективным телефоном, при переезде на новое место жительства, как и абоненты индивидуальных телефонов, получили льготы, если их переезд произошел после 1 июля 1975 года. Если такой гражданин переезжает в квартиру (общую или отдельную), где нет телефона, то коллектив жильцов (если квартира общая) либо переехавшее лицо (если квартира отдельная) получают право на внеочередную установку телефона. Если гражданин, пользовавшийся коллективным телефоном, переехал в отдельную квартиру, где есть телефон (такой случай возможен, когда по новому месту жительства семьи, проживавшей ранее в этой квартире, телефон перенести по техническим причинам не представилось возможности), то такой телефон не снимается, а передается в пользование нового жильца. Во всех случаях днем переезда следует считать дату выдачи ордера на новую жилплощадь.

Правилами предусмотрено, что в коммунальной квартире может быть установлен только телефон коллективного пользования.

Одному из жильцов коммунальной квартиры телефон индивидуального пользования может быть установлен лишь при наличии письменного отказа всех остальных жильцов данной квартиры от пользования коллективным телефоном. В дальнейшем, в связи с изменением состава семей, проживающих в коммунальной квартире, и по другим причинам телефон индивидуального пользования, установленный в комнате такой квартиры, по заявлению остальных жильцов квартиры может быть вынесен в коридор. Вопрос о выносе телефона рассматривается руководством организации, вышестоящей по отношению к городской телефонной сети или телефонному узлу.

К. БУДАЕВА,
заслуженный юрист РСФСР

**В. Барсуков
из Тюменской области
просит рассказать
о задачах, порядке
назначения, правах
и обязанностях
общественных
воспитателей
несовершеннолетних.**

Основная задача общественных воспитателей несовершеннолетних — оказание помощи родителям или лицам, их заменяющим, в перевоспитании подростков, совершивших правонарушения. Общественными воспитателями могут быть рабочие, служащие, колхозники, представители интеллигенции и другие граждане, имеющие необходимую общеобразовательную подготовку и жиз-

ненный опыт и рекомендуемые коллективами трудящихся, в которых они состоят, либо собраниями жильцов по месту жительства. Списки рекомендованных направляются в комиссию по делам несовершеннолетних при исполкоме районного (городского) Совета депутатов трудящихся.

Подросток передается под наблюдение общественного воспитателя районной (городской) комиссией по делам несовершеннолетних на основании определения, приговора или постановления суда, признавшего необходимым это сделать, либо по инициативе самой комиссии или по инициативе государственных органов, общественных организаций и граждан. При назначении воспитателя в каждом отдельном случае учитываются его личные качества, возраст подростка, совершившего правонарушение, характер его проступка и другие конкретные обстоятельства.

Общественный воспитатель работает в тесном контакте с родителями несовершеннолетнего или лицами, их заменяющими, с администрацией предприятий, организаций, с педагогическими коллективами школ и специальных воспитательных учреждений, сотрудниками милиции, профсоюзными, комсомольскими организациями по месту учебы, работы или жительства подростка. Воспитатель систематически отчитывается перед комиссией по делам несовершеннолетних и выдвинувшим его коллективом о своей работе.

Каковы же его обязанности? Общественный воспитатель должен заботиться об исправлении несовершеннолетнего, о подготовке его к сознательной общественно полезной деятельности. Необходимо воспитывать подростка в духе революционных, трудовых и боевых традиций нашего народа, уважения к старшим, прививать ему чувство ответственности перед обществом и государством, любовь к Родине.

Воспитатель добивается того, чтобы переданный под его наблюдение несовершеннолетний аккуратно посещал учебные занятия, выполнял домашние задания, хорошо вел себя в школе, на работе, в семье, на улице. Если в этом есть нужда, принимаются меры к созданию надлежащих условий для правильной организации учебы, труда и досуга подростка.

Воспитатель оказывает также, когда требуется, содействие в привлечении несовершеннолетнего к общественно полезному труду, в устройстве его в учебное заведение.

Чтобы общественный воспитатель мог эффективно выполнять свои обязанности, ему даны необходимые права. Он может контролировать поведение подростка по месту его жительства, учебы или

работы, проверять, как он расходует заработок. Если требования воспитателя систематически не выполняются, он вправе вносить на обсуждение комиссии по делам несовершеннолетних вопрос о применении к подростку тех или иных мер воздействия.

Подчеркнем, что назначение общественного воспитателя не освобождает родителей и лиц, их заменяющих, от обязанности воспитывать подростка и отвечать за его поведение. И общественный воспитатель имеет право требовать добросовестного выполнения родительских обязанностей, а при необходимости предлагает обсудить неправильные действия родителей на заседании комиссии по делам несовершеннолетних.

Воспитатель вправе также потребовать от администрации и общественных организаций по месту учебы, работы или жительства несовершеннолетнего создания наиболее благоприятных условий для перевоспитания подростка.

Изложенные правила предусмотрены Положением об общественных воспитателях несовершеннолетних, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1967 года. Сходные положения действуют во всех других союзных республиках.

Е. НОВИКОВ,
юрист

**Прошу разъяснить, можно ли обменять жилое помещение без согласия бывшего супруга, в одной квартире с которым продолжает жить после развода его прежняя жена.
З. Касаткина,
Ленинград.**

Словами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и республиканскими гражданскими кодексами предусмотрено, что наниматель жилого помещения имеет право обменять его на жилье, занимаемое другим нанимателем, со взаимной передачей прав и обязанностей по договорам найма. Порядок обмена жилых помещений установлен инструкциями, действующими в союзных республиках.

Возможен и принудительный обмен, о котором спрашивает З. Касаткина, но только по решению суда.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 5 от 27 июня 1975 года «О практике применения судами жилищного законодательства» разъяснил, что, разрешая споры об обмене жилья, суд учитывает сложившиеся взаимоотношения сторон, препятствующие проживанию в одном жилом помещении, в частности в связи с расторжением брака между супругами, а также все другие заслуживающие внимания доводы и интересы лиц, проживающих в жилом помещении. Истец не обязан представлять доказательства, свидетельствующие о нарушении ответчиком правил социалистического общежития, о неприязненных отношениях между сторонами. Сам факт распада семьи свидетельствует о целесообразности раздельного проживания.

Предъявляя иск о принудительном обмене, заинтересованное лицо представляет суду сведения о том, на какие другие жилые помещения предлагается обменять занимаемую сторонами жилую площадь. Наниматели этих помещений, объединяющиеся в одну семью, также представляют в суд необходимые документы (о разрешении наймодателя, согласии членов семьи и другие) и привлекаются к участию в процессе.

Ответчик может не согласиться на предлагаемые истцом условия и вправе предложить свой вариант. По этому варианту обмена также представляются все необходимые документы, а заинтересованные в обмене наниматели привлекаются к участию в деле. Суд рассматривает предложенные варианты, выбирает наиболее приемлемый для обеих сторон и выносит решение, обязательное для сторон и других заинтересованных лиц.

Размер жилой площади, на которую имели право стороны в прежнем помещении, не обязательно должен точно соответствовать размеру жилплощади, предоставляемой в порядке принудительного обмена. Однако при явной неравноценности обмена и нарушении прав ответчика суд отказывает в иске. Это не лишает заинтересованную сторону права вновь обратиться в тот же суд с иском о принудительном обмене жилой площадью и представить новый вариант.

Приведем характерный пример. Михайлов, его дочь от первого брака, жена и их сын занимали трехкомнатную квартиру площадью 40 квадратных метров. Две комнаты в квартире были смежными. После расторжения брака Михайлов не хотел разменивать квартиру. Тогда его бывшая супруга подыскала для себя с сыном однокомнатную квартиру площадью 18,8 квадратного метра, для ответчика с дочерью — комнату размером 17,5 квадратного метра в двухкомнатной квартире и обратилась в суд. В удовлетворении иска ей было отказано, поскольку при таком варианте существенно нарушались права другой стороны. Через некоторое время Михайлова предложила новый вариант, по которому ответчик и его дочь получали две комнаты размером 23 квадратных метра в общей квартире. Михайлов и на эти условия был не согласен, однако других вариантов обмена не представил и по решению суда был переселен.

Следует также иметь в виду, что в ряде случаев закон вообще не допускает обмена жилья, в частности если он носит спекулятивный или фиктивный характер, если жилое помещение является служебным или находится в общежитии. Кроме того, в некоторых случаях обмен жилья разрешается лишь с согласия наймодателя. Например, обмен жилых помещений в домах государственных, кооперативных и общественных организаций производится с разрешения руководства соответствующей организации. (Подробно о порядке обмена жилья рассказано в консультации, опубликованной в № 2 нашего журнала за 1975 год. — Р Е Д.).

Е. НИКУЛИН,
заслуженный юрист РСФСР

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

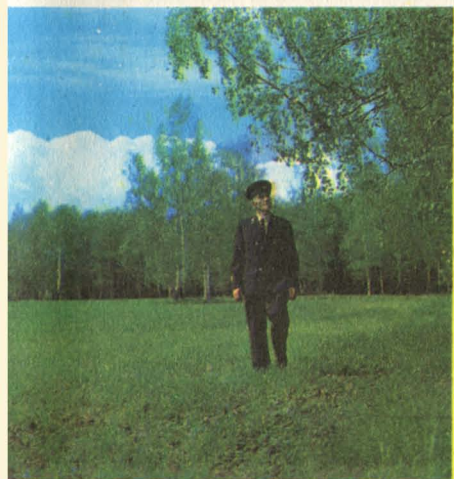
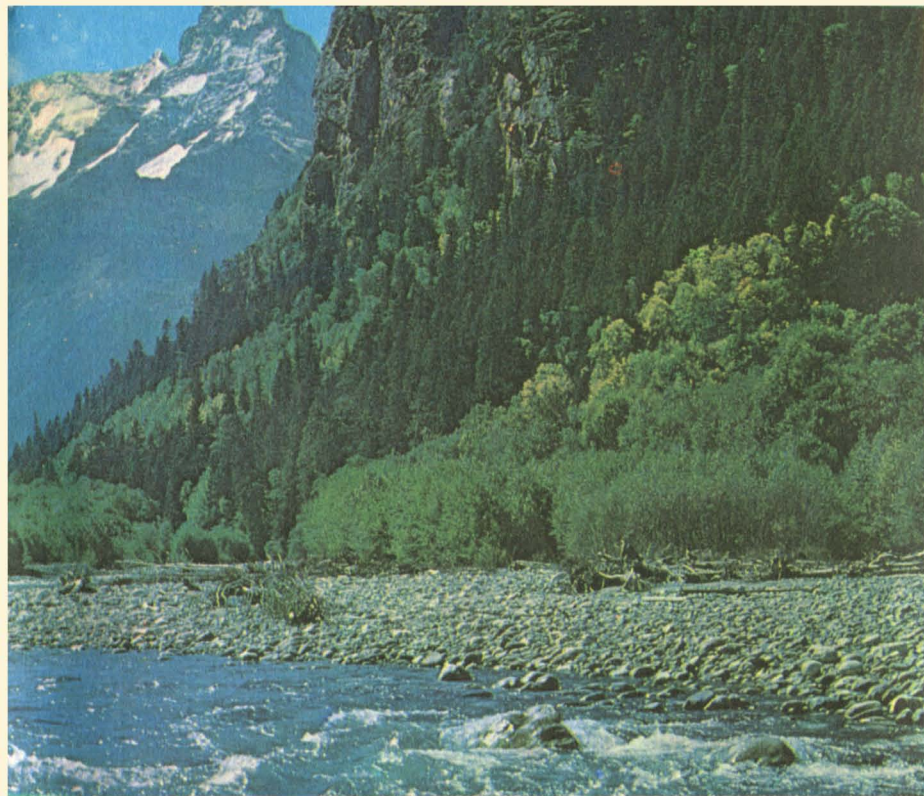
**В АПРЕЛЕ — ВЫБОРЫ НАРОДНЫХ СУДЕЙ
РАЙОННЫХ (ГОРОДСКИХ) НАРОДНЫХ СУДОВ**

Отчет заслуженного юриста РСФСР, председателя Гагаринского городского народного суда Николая Степановича Терентьева перед избирателями на молококонсервном комбинате г. Гагарина (Смоленская область).

Охрана природы в современных условиях — одна из важнейших общегосударственных задач, от решения которой зависит успешное выполнение народнохозяйственных пла-

нов, благосостояние нынешнего и будущих поколений. (Читайте статью «Охрана природы: законодательство и административная ответственность»).

НАШ ГЛАВНЫЙ ДОКУМЕНТ

Вручается паспорт гражданина Союза Советских Социалистических Республик. » Простые, но полные торжественности слова эти звучат сейчас повсюду в нашей стране — советские люди получают паспорта нового образца...

Начавшийся в этом году обмен паспортов прямо связан с дальнейшей демократизацией всей жизни нашего общества, расширением гражданских прав советского человека. Новое Положение о паспортной системе вместе с тем будет способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка во всех сферах нашей жизни.

Теперь паспорт выдается человеку на всю жизнь и удостоверяет не только его личность, но и советское гражданство. Ответственность страны с полным одобрением отнеслась к этому важнейшему мероприятию по совершенствованию паспортной системы в СССР. Недаром вручению новых документов везде сопутствует праздничная, торжественная обстановка.

...В клубе Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича, предприятия, известного на всю страну своими революционными и трудовыми традициями, собрались ветераны труда, Великой Отечественной войны, ударники производства, шестнадцатилетние юноши и девушки — жители Москворецкого района столицы. Сегодня у них особый день — они получают новые паспорта.

В зале, украшенном цветами, звучит Гимн Советского Союза. Рядом стоят здесь герой войны и совсем еще юная девятиклассница, седовласый рабочий — ильичевец с орденом Трудовой Славы на груди и высокий, хрупкий парнишка в школьной форме... Глаза присутствующих устремлены на сцену, к портрету человека, чье имя носит этот завод, с чьим именем связана вся наша жизнь.

В числе первых секретарь Москворецкого райкома КПСС В. Г. Карижский вручает паспорт участнику Октябрьских боев, члену КПСС с 1920 года В. Н. Анашкину.

Документ с золотым гербом Страны Советов получает дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации М. В. Кузнецов. Летчик-истребитель, он начал войну 22 июня 1941 года и закончил ее 12 мая 1945 года в Праге. За эти годы Михаил Васильевич сделал 345 боевых вылетов и сбил 28 самолетов противника. Его авиационный полк участвовал в Сталинградской и Курской битвах, в освобождении Львова, Польши, штурме Берлина. И везде этот беззаветно преданный Отчизне человек высоко нес звание гражданина Советского Союза. Уйдя в 1974 году в запас, Михаил Васильевич работает в гражданской авиации...

Людей старшего поколения сменяет молодежь.

По взволнованным лицам юношей и девушек, только что получивших паспорта, видно, что они переживают один из самых торжественных моментов в своей жизни. Да их и не трудно понять — сегодня они как бы перешли зримую грань в собственной судьбе. За ней начинается новая ступень их гражданской жизни, их ответственности перед людьми, государством.

— Скоро вы окончите школу,— сказал, поздравляя молодых, делегат XXV съезда КПСС, слесарь-ильичевец, один из инициаторов всесоюзного движения «Пятилетке качества — рабочую гарантию» Н. В. Метелкин,— придете на заводы, в институты, учреждения. И где бы вы ни работали, всегда помните, что в нашем трудовом Отечестве первейший долг каждого гражданина — работать честно и добросовестно. В труде нашем — благо государства. Получив сегодня паспорт, берегите его, как собственную честь, смолоду...

Вручение паспортов продолжается. И как символ преемственности поколений — у стола президиума ветерана революции сменяют рабочие, школьники... Они получают главный документ советского человека, удостоверяющий не только личность, но и принадлежность к великой общности граждан — советскому народу. И нет счастья больше, чем чувствовать себя его частицей!

Наш фотокорреспондент В. Зимин сделал в клубе завода имени Владимира Ильича несколько снимков, которые вы видите на четвертой странице вкладки. На верхнем фото: идет торжественное вручение паспортов. Внизу — новые документы граждан СССР только что получили дважды Герой Советского Союза М. В. Кузнецов, слесарь-ильичевец, кавалер орденов Ленина и Октябрьской Революции К. И. Сахаров (они в первом ряду в центре) и десятиклассники Т. Трофимова, С. Левин и И. Владимирова (во втором ряду слева направо). Их поздравили начальник УВД исполкома Москворецкого районного Совета депутатов трудящихся полковник Г. А. Данков и слесарь завода имени Владимира Ильича, делегат XXV съезда КПСС Н. В. Метелкин (справа).

В редакцию журнала «Человек и закон» Г. А. Ремжина прислала аккуратно перепечатанный «Анализ нарушений», допущенных, как она считала, должностными лицами при ее увольнении. Просила заодно сказать ей, в чем ошиблась, в чем она виновата, может быть, не права, обвиняя кого-то другого... У нее два высших образования — педагогическое и торговое. Двенадцать лет стажа педагогической работы на одном месте и диплом, дающий право занимать руководящие должности в торговле. Теперь она нигде не работает. Куда бы она ни пришла в Кур-

СОБСТВЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ске устраиваться на работу — мест вакантных нет. И у нее нет иной возможности — она подала в суд исковое заявление о восстановлении ее на работе в торговом техникуме. Ленинский районный народный суд города Курска принял ее заявление, прошло почти два месяца, а ее не вызывают для слушания дела и даже для переговоров...

Поначалу я читал ее жалобы и приложенные к ним копии документов без особого сочувствия. Возникал, например, вопрос: почему она не обжаловала решений, которые считала несправедливыми, в установленные для таких действий сроки? Были и другие вопросы. Но чем дальше я читал, тем более заинтересовывала меня судьба этой женщины — Галины Александровны Ремжиной.

Приехав в старинный русский город Курск, я прежде всего познакомился с администрацией учреждения, где работала Ремжина. Ее бывшие начальники стали сразу же мне говорить, какой она невыносимый, какой она дурной человек — воровала овощи в колхозе, а в магазине «Стрела», куда ее приняли заведующей отделом, ей

выразили недоверие материально ответственные лица ее бригады, она склочничает, пишет всюду жалобы. Выслушав этот поток обвинений, я стал задавать вопросы.

— Вот вы сказали, она воровала овощи. Серьезное обвинение. Откуда это стало известно? Был ли суд?

— Суда не было,— ответили мне.— Ее разбирали в коллективе. Но вины своей она не признала.

— А эти продавцы, которые отказались с ней работать. Они ее хорошо знали? У них были серьезные доводы?

— Они знали ее недели три,— сказали мне.— Ремжина еще не успела принять отдел.

— Что же выходит? Воровка — без суда, недоверие выразили лица, которые с ней по сути дела вместе еще не работали...

— Ее критиковала наша областная газета.

— Но позвольте,— сказал я, прочитав предложенную мне вырезку из газеты «Курская правда».— Здесь ни слова не говорится о Ремжиной.

— Но она подразумевается. Здесь критикуется ее муж Калугин и его жена Галина Александровна,— сказали мне.

Разговор принимал интересный оборот, и мне нужно было снова и снова вчитываться в газетную статью.

Статья работника областного УВД называлась «Под охрану каждый корень». Вот что конкретно писал автор:

«Старший специалист института «Курсксельхозпроект» Ю. С. Калугин решил бесплатно обеспечить себя различными продуктами на зиму за счет ближайшего колхоза. Вместе с женой Галиной Александровной он на собственном «Москвиче» выехал на поживу на поля соседнего Октябрьского района. Предприимчивые супруги сразу прихватили 48 килограммов моркови, столько же лука, 23 килограмма помидоров, 13 килограммов капусты,— перечислял автор и далее говорил: — **Теперь они привлекаются к уголовной ответственности**» (здесь и далее подчеркнуто мною.— М. А.).

Так как под статьей стояла подпись авторитетного в области должностного лица, то сообщаемые им факты ни у кого не вызывали сомнений, исключая критикуемых супругов. Мы доверяем милицией работникам и давно привыкли к тому, что в милиции работают грамотные, хорошо образованные люди. Читатели с особым интересом знакомятся со статьями и выступлениями любящих свое дело знатоков. Что же касается данного случая, то сообщение о поведении на колхозном поле Калугина и его жены не должно было попадать в печать до окончания полного расследования обстоятельств дела или до рассмотрения дела судом.

Я особенно подчеркиваю эти азбучные истины, ибо за каждой такой историей — судьба человека, судьба его родных и близких — семьи.

Истина же в нашем случае состояла в том, что в момент выхода номера газеты уголовное дело, возбужденное против инженера Калугина, **было прекращено**.

Как официально уведомили Калугина, дознание по его делу **«прекращено с передачей на рассмотрение товарищеского суда по месту работы»**.

В соответствии с законом Калугин мог обжаловать это постановление в пятидневный срок со дня получения уведомления.

Я прошу читателя обратить внимание на это обстоятельство, потому что снежный ком недоразумений катился именно с этой горы.

Что же произошло тогда, в сентябре 1973 года, на проселочной дороге, возле колхозных полей?

На дороге стоял «Москвич» с заляпанными грязью номерными знаками. Возле машины находились мужчина и женщина. Подъехала другая машина, легковая. Из нее вышли двое. Одним из прибывших был начальник Октябрьского РОВД Курской области И. Захаров. Заподозрив неладное, он предложил Калугину открыть багажник. Увидев в машине овощи, выслушав краткие объяснения, И. Захаров задержал Калугина и его жену. Оба были доставлены в райотдел. Задержанных допросили. Оба, муж и жена, рассказали, что отправились на своей машине в пригородный колхоз, чтобы купить овощей. В правлении колхоза не оказалось работника, который выписывает квитанции на отпуск сельхозпродукции, и Калугину посоветовали приехать в другой раз. Калугин и его жена поехали обратно. По дороге они встретили колхозников, которые продали им разные овощи, а колхозный бригадир, оказавшийся поблизости, разрешил супругам выкопать на убранном поле оставшийся в земле лук.

Против Калугина возбудили уголовное дело. Его документы были проверены, личность установлена, на него запросили характеристики — все по порядку следствия. Был вызван в милицию и бригадир колхоза, который подтвердил, что он действительно разрешил Калугину и его жене собрать оставшийся в земле лук. Что это было — хищение колхозного добра, законное приобретение овощей, сбор оставленного в земле урожая? Кто был винозат? Почему было прекращено уголовное преследование Ю. С. Калугина? Мне думается, что на такое решение повлияло свидетельство колхозного бригадира, невысокая общая стоимость овощей и отличные характерис-

тики, которые поступили в милицию с места работы и с места жительства Калугина. Он характеризовался как хороший специалист, дисциплинированный работник, выполняющий общественные поручения, уличный комитет знал его как порядочного человека, примерного соседа, трезвенника и хорошего семьянина.

Сейчас, спустя два с лишним года нам ничего не остается, как согласиться со следователем, который занимался «делом Калугина» и квалифицировал его поведение как проступок. Следователю виднее. Через месяц Калугину вернули автомобиль.

На работу Калугина сообщили о его проступке, и он стал предметом обсуждения его коллег по проектному институту. Ему объявили выговор. Никто более не напоминает об этой весьма прискорбной для него истории. С тех пор работа инженера-экономиста и исполнение им общественных обязанностей были не раз отмечены поощрениями.

Я спросил Калугина, почему он не обжаловал решения РОВД.

Он ответил:

— Вся наша семья была потрясена этим задержанием. Мы были буквально выбиты из колеи. Посудите сами. Нас задержали, написали о нас в газете. Прежде чем писать жалобу, сто тысяч раз подумаешь. Мы вместе с женой получали четыреста рублей в месяц. У нас никогда не было и в мыслях воровать в колхозе овощи. Все, что мы делали, мы делали с разрешения колхозного бригадира. Мою машину держали в милиции целый месяц, грозились отобрать. В случившемся есть и моя вина, и я несу за нее ответственность.

Тут нужно сказать, что ни для Калугина, ни для другого «собираателя» общественного урожая нельзя найти оправданий. Общественная собственность священна, и «перераспределять» ее по своим законам никому не позволено. Другое дело, что всякое «перераспределение» наказывается в установленном порядке и этот порядок должен быть тщательно соблюден.

Галина Александровна Ремжина проработала в торговом техникуме двенадцать лет, учила других и училась сама, повышая свое мастерство. Будущим поварам и торговым работникам, студентам заочного отделения преподавала она физику и математику.

В техникум Ремжина пришла со скромным педагогическим стажем, после окончания института и нескольких лет работы в сельской школе.

Директором был в те годы историк по образованию Иван Рома-

нович Головин. Он приехал в Курск еще во время войны, был организатором этого техникума и бесценно директорствовал в нем целых двадцать восемь лет, заслужив многие награды. За годы его работы в техникуме сложился коллектив опытных, знающих свое дело преподавателей, старшие преподаватели помогали молодым осваивать трудную науку педагогику. Техникум выпустил более десяти тысяч специалистов для народного хозяйства. Конечно, и при Головине преподаватели уходили с работы, но директор всякий раз старался помочь человеку, покидавшему техникум, устроиться на новое место работы, звонил, узнавал о вакансиях, ручался. Так было заведено при старом директоре. В числе тех, кто учился мастерству у старших, была и молодая учительница Ремжина. Ее наставницей стала опытная преподавательница физики Галина Никифоровна Рахлеева, которая в течение многих лет избиралась председателем месткома. Ремжина научилась работать, работала хорошо. Забегая несколько вперед, хочу привести характеристику, которую дали ей перед самым уходом из техникума.

«...Зарекомендовала себя как преподаватель, имеющий хорошую деловую квалификацию: взаимными посещениями преподавателей ее уроки признаны соответствующими современным требованиям. Участвовала в общественной жизни техникума: неоднократно избиралась председателем общества Красного Креста, агитатором. Проводила внеклассную работу с учащимися: экспонаты и приборы, изготавливаемые учащимися под ее руководством, занимали призовые места на техникумовской и областной выставках технического творчества. Повышала деловой уровень своей квалификации, обучаясь заочно в институте советской торговли.

Директор Курского техникума
советской торговли

В. В. Шевелев

Председатель местного комитета
5 мая 1974 года».

Г. Н. Рахлеева

...Ушел на пенсию Головин. На его место был назначен Владимир Васильевич Шевелев. Вскоре Ремжина обратилась к новому директору с просьбой освободить ее от уроков по одной из бухгалтерских дисциплин и «догрузить» часами по физике — ее основной специальности. Директор отказал. Ремжина подала заявление в комиссию по трудовым спорам, и комиссия решила дело в ее пользу, а точнее сказать — в пользу учебного процесса. Рассказывая мне об этом случае, Владимир Васильевич не мог сдержать своего запоздалого негодования по поводу, как он выразился, «не-

этичных» домогательств Ремжиной. Странно, что теперь, спустя годы, он все еще считал себя правым в этой конфликтной ситуации, без почтения относясь к решению уважаемых педагогов из комиссии.

Появление в областной газете статьи было ударом для Ремжиной. Поначалу коллеги ее не обратили внимания на статью, в которой критиковалась какая-то Калугина, поскольку техникум в статье даже не упоминался.

Но директор техникума был человеком догадливым. Владимир Васильевич сразу понял, о ком идет речь. Он проверил свои догадки. Да! «Калугина» из этой статьи — Ремжина, та самая, которая конфликтовала с ним по поводу «догрузки» физикой.

«На меня никаких представлений следственных органов по месту моей работы не было,— пишет в своей жалобе Ремжина.— Я показала директору техникума Шевелеву В. В. и председателю местного комитета Рахлеевой Г. Н. уведомление, полученное моим мужем, о прекращении уголовного дела и просила меня не разбираться в техникуме. Тов. Шевелев, однако, настоял на обсуждении статьи на объединенном заседании местного комитета и партбюро с целью обнародовать якобы мое преступление и вынести мне наказание. Что и было сделано».

И действительно, на состоявшемся обсуждении газетной статьи Владимир Васильевич не скрыл своего отношения к Ремжиной. Он говорил:

— Мы с вами часто встречались на крутых поворотах, когда разбирался вопрос о педчасах. Это пропасть, в которую вы попали. Вы не нашли ни одного из семидесяти человек, кому бы все рассказали или к кому бы обратились за советом. Кому с вами по пути? Надо сделать вывод о невозможности использования вас в качестве воспитателя!

Коллектив техникума знает Ремжину больше, чем знает ее новый директор. Здесь знают, что она хороший педагог, умеет поставить классную и внеклассную работу, выполняет то, за что берется. Знают и то, что характер у нее не из легких и что она бывает подчас строптивая, может погорячиться, может надолго обидеться. И вот решение, которое выносит собрание, идет вразрез с призывом директора «сделать вывод о невозможности использования». Ремжиной выносятся порицание. И добавочное наказание — освобождают от руководства методическим кабинетом.

Со дня вынесения порицания проходит два месяца.

Подобно древнеримскому сенатору Катону, прославившемуся постоянными призывами к разрушению Карфагена, директор тех-

никума отныне каждое свое выступление на педсовете заканчивает напоминанием о проступке Ремжиной.

В январе Ремжина получает уведомление, из которого можно заключить, что в милиции «дооформили» дело. Вот редчайший по своему содержанию документ:

«Калугиной Галине Александровне (следует домашний адрес)

Уведомление

В соответствии со статьей 209 УПК РСФСР сообщая, что в отношении Вас уголовное дело по факту мелкого хищения колхозно-кооперативной собственности производством дознания прекращено с передачей на рассмотрение товарищеского суда по месту работы. Данное решение можете обжаловать в пятидневный срок прокурору Октябрьского района с момента получения уведомления.

Начальник Октябрьского РОВД
капитан милиции

И. Захаров».

Так все же, кому адресовано уведомление — Калугиной или Ремжиной?

Октябрьский РОВД находится в получасе езды от Курска. Была ли у милицейских работников возможность проверить фамилию человека, которого они задержали, привлекли к дознанию, которому официально сообщили о прекращении дознания?

Я полагаю, что возможность такая была.

Преподавательницу техникума вот уже два месяца как начазали, и предложение «обжаловать в пятидневный срок» выглядит теперь более чем странно.

Вернемся в техникум советской торговли. Июнь 1974 года.

Идет заседание местного комитета. Перед Владимиром Васильевичем Шевелевым лежит проект «Представления» на увольнение Ремжиной за аморальное поведение. В «Представлении» пересказывается уже известная нам сильно устаревшая история с приобретением овощей и допущенные ею, Ремжиной, нарушения правил приема экзаменов. На основании изложенного директор просит местный комитет дать согласие на увольнение Ремжиной, как человека аморального с соответствующей записью в трудовой книжке, как человека, которому нельзя доверять уроки физики и математики.

Еще совсем недавно, что называется вчера, директор писал в выданной Ремжиной характеристике, какой она умелый преподава-

тель и общественник. Я уже цитировал эту характеристику месячной давности. Как могло случиться, что за несколько недель преподаватель, уроки которого «соответствуют современным требованиям», вдруг превращается в зловещую фигуру? Эта метаморфоза объясняется не столько качествами Ремжиной и всеми перипетиями ее судьбы, сколько амбициозностью Владимира Васильевича Шевелева.

— Ремжина никогда не будет работать в техникуме! — кричал он во время беседы с корреспондентом журнала, не говорил, а именно кричал, забывая следить за собой.

В техникуме работала комиссия, которая обнаружила нарушения правил приема экзаменов на заочном отделении. Были неясности в оформлении документов поступающих. Экзаменовали разные преподаватели. Директору предложили привлечь к дисциплинарной ответственности нарушителей правил приема. Таких нарушителей было несколько, их наказали, и они уже «сносили» свои выговоры. К ответственности была привлечена и Ремжина. Директор объявил ей строгий выговор.

И тут, не выдержав, Ремжина подает заявление об уходе из техникума по собственному желанию.

Я не ставлю под сомнение работу и выводы комиссии. Главное для нас то, что Ремжина уходила из техникума **по собственному желанию**. Соответствующая запись в трудовой книжке подводила как бы черту под ее многолетней работой. Какие бы конфликты у нее ни были с директором, что бы там ни происходило, В. В. Шевелев отпускал Ремжину с миром.

Ремжина тогда никуда не жаловалась. Ни на действия Владимира Васильевича Шевелева, ни на действия милиции. Она много пережила за эти месяцы, здоровье членов ее семьи и ее самой пошатнулось, но она не жаловалась. И если бы не последовавшие за всем этим события, она бы (Ремжина это настоятельно повторяет в своих жалобах) никогда не стала жаловаться и искать помощи. И я верю ее словам, потому что то, что произошло потом, возмутительно.

Ремжина, погоревав о том, что приходится расставаться с любимой работой, решила освоить новое для себя — работу в торговле, как она писала, «по специальности оканчиваемого мною второго института».

Горпромторгу нужны образованные работники.

Ремжина заканчивает заочно второй институт — торговый. Директор горпромторга А. Н. Тархов, внимательно изучив трудовую

книжку Ремжиной, хорошую характеристику, предлагает ей место заведующей отделом велосмототоваров в магазине «Стрела». Ремжина сомневается, сможет ли она быстро освоить новые для себя обязанности. Но руководители торгова обещают ей помочь. Нужны грамотные работники. Директор торгова, конечно же, кое-что слышал обо всей этой техникумовской истории, но он — человек дела, а документы у Ремжиной вполне соответствуют требованиям. Никаких нарушений в трудовой книжке не записано, характеристика — путевка в рай. Ремжину принимают на работу в специализированный магазин. Руководители торгова вместе с нею едут в «Стрелу» и там представляют Ремжину ее будущим коллегам — продавцам отдела велосмототоваров. Договариваются: сначала Ремжина осмотрится, познакомится со своей будущей работой, а там, через несколько недель, примет отдел и подпишет договор о бригадной материальной ответственности. Магазин «Стрела» находится поблизости от дома, где живет Ремжина, и ее — хозяйку, мать семейства — это устраивает.

Теперь мы вынуждены перейти к хронологии, чтобы показать читателю, как мало нужно времени, чтобы «состряпать» новое обидное «дело».

Конец 1974 года.

18 ноября, понедельник.

У Ремжиной приняли документы. Документы — обычные. «Листок по учету кадров», трудовая книжка, копия характеристики.

20 ноября, среда.

Ремжину представляют коллективу магазина «Стрела», она приступает к работе.

25 ноября, понедельник.

Подписан приказ о зачислении Ремжиной в штат.

Заместитель директора торгова по кадрам М. В. Шевелева с пристрастием изучает личное дело Ремжиной. Ее внимание привлекает запись в трудовой книжке: «Освобождена от занимаемой должности преподавателя физики и математики по собственному желанию. Директор В. Шевелев».

Знакомая подпись мужа не вызывает у нее сомнений. Владимир Васильевич всегда именно так и расписывается. А вот подпись нотариуса, которая стоит на заверенной копии характеристики, ей кажется подозрительной. Вот почему Майя Валентиновна официально запрашивает у Владимира Васильевича новую характеристику на Ремжину. Чего проще — попросить Ремжину принести подлинник? Но нет, Майя Валентиновна Шевелева запрашивает **другую характеристику.**

15 декабря, воскресенье.

Продавцы магазина «Стрела», материально ответственные лица, составляют докладную записку в торг. Накануне они провели собрание работников отдела, не пригласив на него ни директора магазина Э. Б. Голуба, ни представителя профсоюзной организации, зато пригласили Ремжину. Выступающие материально ответственные лица прямо, в лицо сказали Ремжиной, что они не будут работать под ее началом, что она ничего не понимает, она им не нравится и вообще лучше бы ей уйти из магазина. Выступления продавцов были зафиксированы в докладной, которую они (через голову директора магазина) направили непосредственно Тархову: «Учитывая, что наша группа товаров является технически сложной,— писали авторы докладной,— а тов. Ремжина Г. А. не имеет практического опыта работы вообще в торговле, бригада материально ответственных лиц нашего отдела сомневается и возражает против данной кандидатуры». И несколько неразборчивых подписей. Увидев в личном деле Ремжиной этот документ, я попросил Майю Валентиновну Шевелеву сказать, кто именно подписал эту бумагу. Она долго сидела над ней, разбирая и сличая подписи материально ответственных лиц, но ничего определенного не смогла сказать мне, и я вынужден был устанавливать, чьи это подписи, сам. Итак, получив эту бумагу с неразборчивыми подписями, заместитель директора по кадрам подшивает ее к личному делу Ремжиной.

18 декабря, среда.

Владимир Васильевич Шевелев шлет Майе Валентиновне Шевелевой следующее послание: «На ваше письмо от 25 ноября 1974 года высылаем характеристику на бывшего преподавателя Ремжину Г. А.»

Что же это за характеристика, пришедшая «негласно», но с соблюдением всех формальностей бумагооборота? Такую характеристику Шевелев постеснялся бы дать в руки Ремжиной. Написав вынужденные слова о хороших деловых качествах Ремжиной, он продолжает: «Как стало известно из статьи «Курской правды» от 16 октября 1973 года «Под охрану каждый корень», Ремжина Г. А. участвовала в хищении сельхозпродуктов с колхозных полей. За что совместным решением партбюро и местного комитета получила взыскание — общественное порицание, а также была строго предупреждена». Далее он сообщает, что Ремжина получила выговор за нарушения правила приема экзаменов.

19 декабря, четверг.

Личное дело Ремжиной «готово». В нем лежат теперь две со-

вершенно различные характеристики, подписанные одними и теми же людьми: одна характеристика говорит о том, что Ремжина человек честный, другая — что Ремжина человек нечестный. И на первой, и на второй — подписи Шевелева и предместкома Рахлеевой. Тут же и другой компрометирующий Ремжину «документ»: просьба материально ответственных лиц избавить их от новой заведующей. Что же еще надо?

Ремжину вскоре вызвали в торг и сказали, что работать в созданных условиях ей не придется, в магазине ей не доверяют.

Возникает вопрос: почему супругам Шевелевым понадобилось устраивать подобный спектакль? Один супруг отпустил с миром, другой принял на работу... чтобы тут же и «снять» с работы? В конце концов, если Ремжина не годилась на должность заведующей отделом, почему ее месяц тому назад принимали в торг да еще обещали помочь освоить новую специальность?

Ремжина заболела. Один бюллетень следует за другим, и главный врач поликлиники, где она лечится, подтвердила мне, что состояние здоровья пациентки тревожное.

С этой поры и начинается «эпистолярный» период в жизни Ремжиной. Она ищет защиты у министерства торговли, которому подчинен техникум. Она не требует чего-то особенного — она просит работу по душе, по тем специальностям, которые она получила. В техникуме В. В. Шевелев демонстрирует проверяющим газетную вырезку, выводы комиссии и протоколы объединенного заседания местного комитета и партбюро.

В горпромторге М. В. Шевелева показывает характеристику, где Ремжина представлена аморальным человеком, докладную материально ответственных лиц и говорит:

— Вот докладная записка членов бригады магазина, в которой они выражают ей недоверие. Она воровала вместе с мужем. Об этом сообщил нам из техникума товарищ Шевелев!

Председатель объединенного комитета профсоюза торгова Александра Ивановна Ефимова показывает бюллетени Ремжиной и говорит:

— Смотрите, она все время болеет. Она заслужила в бригаде недоверие. Она занимается склоками, пишет жалобы и за период своей работы не проявила себя положительно.

Я цитирую эти заявления администраторов торгова по их обширной докладной записке начальнику областного управления торговли Котозу. Странную позицию в этом деле занял директор торгова

Тархов, который пришел на помощь Ремжиной в трудную минуту. Он вселил в Ремжину уверенность, что ее знания нужны обществу, в частности горпромторгу, а тут поддался влиянию безответственного заявления «материально ответственных лиц» магазина «Стрела» и спасовал.

Новый год Ремжина встречала в ожидании новых бед.

Будучи в горпромторге, я говорил, что здесь обошлись с Галиной Ремжиной не только незаконно, но и без милосердия. Такой постановкой вопроса я удивил и Майю Валентиновну Шевелеву, и защитницу прав работников Александру Ивановну Ефимову, которая, кстати, должна была разобраться, в каких именно случаях работнику торговли выражается недоверие.

Уважаемый автор статьи, узнав, что его неверная газетная информация попала в характеристику Ремжиной и в другие важные для ее судьбы бумаги, искренне воскликнул:

— Если она пострадала из-за моей оплошности, я готов оказать ей помощь!

Но это, конечно же, не выход. Думаю, что Галина Александровна Ремжина, как и любой другой человек, оказавшийся жертвой чужих амбиций и административного своеволия, нуждается прежде всего в том, чтобы ей толково объяснили, какие именно промахи или ошибки она допустила и какое ей отмерено за это наказание. Это ее бесспорное право, как и право на работу по специальности.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» ВЫШЛИ В СВЕТ НОВЫЕ КНИГИ.

Богат Е. М. Диалог с судьей. Цена 12 коп.

Рассматривая различные судебные дела, конфликтные ситуации, просто интересные человеческие судьбы, писатель еще раз доказывает, что жизнь человека, его отношения с окружающими, его судьба во многом зависят от того духовного богатства, которым он обладает, от тех норм морали и нравственности, которых придерживается.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Борщевский Л. М., Морозова Л. В. Правовые вопросы планирования в РСФСР. Цена 25 коп.

Книга посвящена наиболее актуальным вопросам планирования хозяйственного и культурного строительства, в ней рассказывается об основных задачах и правах плановых органов республики, о порядке разработки, утверждения и изменения планов.

Рассчитана на работников промышленности, строительства, транспорта, экономистов, юристов

Группы народного контроля в сфере управления. Цена 15 коп.

Книга рассказывает о возросшем значении деятельности групп народного контроля в связи с переходом различных отраслей народного хозяйства на новую систему планирования и экономического стимулирования. Авторы книги — руководители комитетов и групп народного контроля, партийные работники — делятся опытом, накопленным лучшими группами министерств, объединений, предприятий страны.

Рассчитана на членов народного контроля, на читателей, интересующихся этой темой.

Леонидов Л. С. Законное основание. Цена 25 коп.

В книге подробно, на практических примерах разъясняется постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве», говорится о необходимости строгого соблюдения законности в деятельности различных предприятий и организаций, о различных формах связи следственных и судебных органов с коллективами предприятий. Широко использованы судебные архивы, приведены интервью с работниками юстиции, руководителями предприятий.

Рассчитана на широкий круг читателей.

ИНФОРМАЦИЯ...
ИНФОРМАЦИЯ...
ИНФОРМАЦИЯ...
ИНФОРМАЦИЯ...

Исполнительный комитет Володарского районного Совета депутатов трудящихся города Брянска дважды отклонял ходатайство Тиксинского управления гидрометеослужбы о выдаче охранного свидетельства (брони) на жилую площадь В. Агееву, работающему на Крайнем Севере.

Прокурор района направил в райисполком протест на эти решения, так как они приняты с нарушением законодательства о льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним. Как установлено проверкой, Агеев до заключения трудового договора о работе на Крайнем Севере постоянно проживал в Брянске в доме, принадлежащем на праве личной собственности его матери. Согласно пункту «в» статьи 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 года «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1960 год, № 7, статья 45), за работниками, которые переводятся, направляются или приглашаются в эти районы на работу, сохраняется на весь период действия трудового договора жилая площадь по месту прежнего жительства независимо от того, остаются ли там члены семьи работника или выезжают вместе с ним. В последнем случае жилая площадь сохраняется и за выехавшими членами семьи.

В соответствии с Инструкцией о порядке бронирования жилых помещений, утвержденной приказом по Министерству коммунального хозяйства РСФСР от 8 октября 1965 года № 275 («Справочник для работников сельских и поселковых Советов», часть II. «Юридическая литература», 1970, стр. 80—83), охранный документ (броня) выдается на жилую площадь, занимаемую в домах местных Советов депутатов трудящихся, государственных, кооперативных (потребительской кооперации) и общественных организаций, а также в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности.

В связи с протестом прокурора нарушение законности устранено.

ИНФОРМАЦИЯ

ИНФОРМАЦИЯ

ИНФОРМАЦИЯ

ИНФОРМАЦИЯ

Проживающий в городе Тосно Ленинградской области М. Иванов однажды уже привлекался к судебной ответственности за мелкое хулиганство, но не сделал из этого выводов и продолжал нарушать правила социалистического общежития. В пьяном состоянии он пытался проехать в поезде без билета, нецензурно обругал контролера-ревизора и опять нахулиганил.

Тосненский городской народный суд приговорил Иванова к двум годам лишения свободы.

Ночью в Кузнецкий горотдел внутренних дел Пензенской области поступил тревожный сигнал. Неизвестные преступники проникли в магазин села Тихменево. На место происшествия выехала оперативная группа, члены которой вскоре задержали одного расхитителя. Расследованием было установлено, что ранее судимый Родин, воспользовавшись отсутствием охраны, влез через окно в помещение магазина и похитил там деньги. Вскоре был задержан и его соучастник Лукин. Как выяснилось, оба они совершили кражи и в других магазинах.

Народный суд приговорил их к различным срокам лишения свободы.

На широкую ногу жила Ю. Киселева — работница Кизинского отделения связи Брестской области, а по совместительству — контролер агентства центральной сберкасссы Ивацевичского района. И, как оказалось, благодаря похищенным у государства деньгам. Это удавалось ей из-за отсутствия контроля за ее работой. При обыске у Киселевой было обнаружено одних только платьев — 184, отрезов разных — 134, блузок — 43, большое количество обуви.

Органами прокуратуры она была арестована и привлечена к ответственности. Верховный суд БССР приговорил Киселеву к длительному сроку лишения свободы. Не остались безнаказанными и те, кто по долгу службы обязан был осуществлять строгий контроль за деятельностью Киселевой и учетом денежных средств. Заведующий сберкассой А. Бежко и главный бухгалтер В. Петрова за халатное отношение к обязанностям приговорены к полутрех годам лишения свободы каждый.

ЭРНСТ САФОНОВ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

ЗОЛОТО ДОЛГИХ ПЕСКОВ

«Взрослых газелей преследует, кроме человека, мало врагов...»

Брэм. «Жизнь животных». СПб, 1902, т. 1.

«Джейран (*G. subgutturosa*) — высоконогая, стройная газель средних размеров... В настоящее время охота на джейрана полностью и повсеместно запрещена и он включен в Красную книгу как редкое и исчезающее животное».

«Жизнь животных». М., 1971, т. 6.

Егерь заповедника старый Курбан Рахимов, за угрюмость характера и бродячую — в песках — жизнь свою прозванный Одиноким Волком, или просто Волком, а чаще звали его Курбан-Волк, разглядывал свежие отпечатки копытцев. На серо-грязной такырной глине, островком, кругло, как огромное блюдце, лежавшей среди сыпучих гряд, следы читались легко.

«Крупней самец, еще тут молодой парнишка, остерегающийся, сбочку от стада, и пять козочек», — определил Курбан-Волк.

Следы бежали далеко, к дикой пустынной равнине, начинающейся за Красными камнями, острые выветренные вершины которых отсюда просматривались в бинокль.

Егерь распрямился, поправил за спиной карабин, такой же изношенный временем, как сам он, с облупленным, утратившим вороненую строгость стволom, неоднократно чиненным, в заклепках, прикладом и легко пошел прочь от новой джейраньей тропы. Его брезентовые сапоги совсем не давили глину и песок, были как два неутомимо работающих птичьих крыла, в своем странном полете лишь осторожно задевая земную поверхность.

Все, что можно и нужно, Курбан-Волк уже знал про этих пришлых джейранов.

Обитает стадо там, за границей заповедника, на равнине, выбирая для лежки места где-нибудь возле черных саксаулов, и сюда джейраны пришли в поисках водопоя. К усыхающему озеру, пробив тропу, они станут теперь наведываться раз или два в неделю, пробегая в один конец не меньше пятнадцати—двадцати километров. И самки в стаде — прошлогоднего помета, первые брачные игры их впереди, осенью, в октябре-ноябре, а если есть среди них одна-другая из старых, зрелых, то, значит, остались яловыми. Затяжелевшие отбиваются от стада еще по весне, затем живут сами по себе, с народившимися детьми своими...

И понятно, почему эти джейраны выбрали для себя не самое лучшее место — вдали от реки, зеленых прибрежных выпасов, где даже в разгар лета можно отыскать, чем поживиться. Там нынче

шумно, дымно, тракторы и машины гудят, там — куда ни глянь — человек за каждый лоскуток полезной земли жадно цепляется, арыки строит, поливальные машины за собой тянет. Хлопка много, а все мало: давай, давай! И ружья — вот что — там стреляют. Другая человеческая жадность: не к полю, не к работе. К добыче дешевой. Охота запрещена, но в песках — глухо в них: сколько стрельбы за все годы было — той, что никто не услышал... Пески — молчание, немые пески. Не для всех, почти для всех.

Коричневое, в жгутах морщин лицо егеря, на котором так же, как в пустыне траза, робко и редко пробивались лохмушки бороды, было замкнуто-отрешенным; кто посмотрел бы — даже сонливым показалось бы оно. Но, шагая с прежней птичьей легкостью в сверкающем сиянии и духоте раскаленного дня, вслушиваясь в монотонный шорох ползущих неведомо куда песков, Курбан-Волк волновался. Он вспоминал свой утренний разговор с директором.

— Заслуженный ты человек, Курбан-ага, — сказал ему директор Сердоморов, усадив напротив себя за маленьким столиком, дождавшись, когда он выпил первую пиалу зеленого чая. — Заслуженный! И государству для тебя пенсии не жаль...

— Хей, пенсия-пенсия! — ответил он и хотел сплунуть, однако некуда было — послунил кончики пальцев лишь, вытер их об истасканные, вылинявшие до белизны солдатские шаровары. Такая ж — из «хабэ» — гимнастерка на нем, утратившая былую зеленоватость, с заштопанными прорехами на локтях и подоле, подпоясанная широким офицерским ремнем, подаренным по дружбе пограничным лейтенантом. А на голове — папаха; он, как подобает аксакалу, не снял ее, входя в директорский кабинет; хорошая папаха, такую раньше, в старину, беки носили, из благородного каракуля «сур», когда мягкое коричневое поле подернуто нежной золотистой.

Директор Сердоморов, сощурившись, смотрел на жужжавших мух, густо облепивших лужицу пролитого чая. Его худые, до синевы высокoblенные бритвой щеки подрагивали, жесткие губы кривились в усмешке; он вдруг резко пристукнул ладонью по столу — то ли мух отогнал, то ли недовольство свое показал. Однако голос его по-прежнему оставался ласково-вкрадчивым, вроде бы к непонятливому и избалованному ребенку он обращался:

— Курбан-ага, ты мой лучший егерь. Из пяти необходимых пальцев на руке ты — вот этот...

Директор поднял руку, подергал указательным пальцем, согнул его так, словно на невидимый курок нажимал.

И — говорил, говорил, заглядывая в глаза:

— Вот ты, Курбан-ага, для меня кто! Понял? Без этого пальца — какая рука? Не рука — обрубок.

— Что ты хочешь?

— Государство, Курбан-ага, проявляет заботу, понимаешь...

— Хочешь что?

— Тебе семьдесят...

— Годы считает, кто устал работать.

— Пра-авильно-о! — Сердоморов обошел стол, у распахнутого окна постоял, с любопытством понаблюдав, как завтракают в тени старого карагача приезжие, из России, студенты-практиканты: шумные длинноволосые парни и в таких же, как у них, джинсовых, в обтяжку брюках и клетчатых рубашках веселые девушки. Резали дыни, ели их с чуреком; один из пареньков, озоруя, бросал полумесяцы выеденных дынных корок в облезлого, сонно вздрагивающего длинными ушами ишака. Тот утробно, сипло взмыкивал, будто автомобиль, которому надоело гудеть, но приходится, — и все смеялись.

— Молодость, — вздохнул, сказал директор, потянулся до хруста в костях всем своим тяжелым, но подбористо слепленным телом; снова сел за столик, нажал на кнопку вентилятора — и тугая струя прохладного воздуха ударила их обоих по глазам. Теперь в голосе директора не чувствовалось просьбы — голос приказывал:

— Ты работать не устал — знаю. Будешь работать. Как всегда. Но вместо зарплаты — пенсия. Понял, Курбан-ага? Деньги станешь получать пенсионные...

— На деньгах написано, что они — пенсия?

Сердоморов засмеялся:

— Юморист, однако!

Признался виновато:

— Пенсия поменьше зарплаты. Но не обижу, Курбан-ага. За счет премиальных... директорский фонд есть. Куда мы без тебя, и не думай... Ты гигант в нашем деле!

Еще что-то настойчиво и ласково говорил директор, а он, уже не слушая, поднялся с неудобного, пружинно податливого кресла, изготовленного для современных мягкозадых скучающих людей, и, взяв из угла карабин, толкнул дверь. Обернулся, произнес с досадой:

— Не как мужчина — как старуха, много слов потратил.

— Но-но! — улыбаясь, радуясь, видно, что разговор закончился, как надо, прикрикнул Сердоморов. — Не очень-то...

И растягивал-растягивал в той же довольной улыбке свои жесткие, с темной запекшейся каемкой на нижней губы. Тонкая негнущаяся проволока черных волос на голове директора стояла верным торчком, словно у рассерженного ежа.

Когда Курбан-Волк шел уже длинным коридором, отражаясь своей прекрасной папачкой в надверных стеклянных табличках, Сердоморов в несколько прыжков нагнал его, сунул в руки три большие пачки чая и два необношенных кирзовых подсумка, туго набитых патронами, пахнущих фабрикой, металлом и новизной.

— Знай наших! — с силой хлопнул по плечу, сверкнув нездешними синими глазами — хитрыми и веселыми.

Во двореке, где егеря присел на парковую, в чугунных завитушках скамью, через раскрытое окно было слышно, как директор громко позвал секретаршу; и речь его теперь — при молчавшей девушке-секретарше, обращенная к самому себе — была похожа на те, что он красиво умел произносить на собраниях:

— Что наш заповедник по обширности территории — уточним! А чего нам, спрашивается, уточнять — все великолепно и бесспорно доказывает карта. Любая. Географическая. Политическая. Контурная! Она доказывает, что какое-нибудь там великое герцогство Люксембург, признанное Организацией Объединенных Наций, мы накроем собой, как двуспальным одеялом. При этом ни рук его, ни ног, ни прочего ничего люксембургского из-под этого одеяла видно не будет... Впечатляет? Дальше... А дальше все ж придется уточнить. Там, в Люксембурге, какая-никакая — монархия, государственный совет, палата депутатов впридачу, пожалуй, всякие государственные учреждения с раздутыми штатами. А у нас в заповеднике? У нас штаты не раздуты — со-кра-щены. Слово длинное — результат короткий. Нет лишних у нас — и нет! Мало нужных — и мало! Нет и мало...

И тут же серьезно — очень серьезно — сказал секретарше:

— Что ж ты, Гульбахар, застенчиво хихикаешь? Я ж тебя, Гуленька, не щекочу. Но-но-но, не краснеть — я пошутил. Пошутил!.. Забылся! Склоняю виновную голову... Пиши приказ! О чем? Разъясню — сформулируешь. С понедельника, оформляя нашего Волка, нашего исключительно незаменимого Курбана Рахимовича Рахимова на пенсию, возьми на освобождающуюся ставку еще одного егеря. Поняла? Вместо одного егеря — сразу два! Один плюс один, Гуля... Поздно я, лошак, дотумкал, пять лет назад уже мог такое провернуть!..

«Не человек — радио», — подумал егеря.

Но уважает он директора.

Директор знает пески, зверей и птиц так, будто родился в курганче¹, в молоке матери будто был уже для него тот необходимый привкус пустыни, без которого не вырастешь для песков своим. Директор пишет книги; не в пример прежнему, переведенному в Ашхабад, никаким (самым важным!) гостям не разрешает охотиться в заповеднике, и когда бывает у него, Курбан-Волка, на участке — не один час проходит у них за раздумчивой мужской беседой. Десять — пятнадцать чайников выпьют — и директор ни разу на часы не посмотрит...

Егерь сидел недвижно и думал, а горячее утро меж тем разгоралось с быстротой костра. Глохли под зноем не успевшие нашептаться листья на деревьях. Усыхала, теряясь, голубизна неба. Серебро облаков превращалось в тусклую бронзу. Поржавевшая крыша конторы парила, подобно разогретой сковородке, сизым дымком... Летний день быстро набирал удушливую силу.

— Салам алейкум, Курбан-ага! Как здоровье?

— Саг бол².

Это знакомый лаборант пробежал мимо. Длинноногий, как верблюд. В белом халате. Две кобры, крепко перехваченные пальцами у грозно раздутых «воротников», извивались в его руках...

Конюх вывел, стал прогуливать директорского любимца — неспокойного, застоявшегося жеребчика ахалтекинских кровей.

Студенты, наевшиеся дынь, осторожно грузили на машину картонные коробки, заклеенные поверху бумажными полосами.

Возле конторского крыльца выкусывали друг у дружки блох ничейные собаки. А рядом ходил, по-куриному одноглазо косясь вокруг, за жиревший фазан. К его ноге был привязан красный лоскуток, чтоб все знали: домашний, не ловить...

Звонили в конторе телефоны.

Двери хлопали.

Стучала пишущая машинка.

Курбан-Волк снова — уже в последний, прощальный раз — скрыто бросил взгляд на раскрашенный фанерный щит, напротив которого — через асфальтовую дорожку — сидел на скамье.

На щите под стеклом среди других была его фотография. Большой снимок. Размером с экран телевизора.

И он, передовой егерь заповедника Курбан Рахимов, которому было присвоено звание победителя соцсоревнования ударного года пятилетки, смотрел с фотоснимка прямо как из телевизора.

¹ Глинобитный азиатский дом с таким же глинобитным подворьем.

² Спасибо (туркм.).

На праздничной гимнастерке белели медали и выпукло посвящал большой, затейливо изукрашенный знак победителя соревнования.

На папаче был виден каждый завиток.

На бороде — следы расчески.

Такое фото: кто ни пройдет тут — обязательно взглянет.

И сам он, посидев, посмотрелся...

С директором побеседовал.

Тот просил: работай. Чай подарил. Патронташ.

Пора идти работать. На свой дальний — самый трудный и скудный, как кажется остальным егерям в заповеднике, — околоток «Пески».

Откуда-то из глубины умиротворенного сердца — вдруг и пугая — выскользнула мысль: и все-таки — слова директора словами — не отнимет ли он у него околоток? Молодого туда поставит! А?!

Покоя уже как не было...

Через четыре дня, синеющим рассветом, Курбан-Волк опять пришел к новой джейраньей тропе — туда же, где среди песчаных гряд круглилась такырная впадина. Надеялся на везенье: а что — увидит он стадо?! «Своих», на участке, джейранов знал — какое стадо, сколько голов, чем приметны; а эти — новенькие — каковы?

И ему повезло.

Копытца били тут глину только-только — час-полтора назад.

Джейраны у озера! Будут возвращаться.

Он спрятался за тонким барханным гребнем. В слежавшемся песке выбил локтями ямки, устроился — удобно и надолго; под руку положил бинокль, солдатскую фляжку с водой, карабин... Наметанно, за секунды, определил сектор обзора, возможное направление стада, если оно, чем-то вдруг напуганное, сойдет с освоенной тропы.

С гребня скатился серый песчаный еж; смотрел подслеповато и с любопытством: кто это тут затаился — большой, живой, с незнакомыми запахами? Курбан-Волк вытянул губы трубочкой, фыркнул по-ежиному — легонько, дружелюбно. Еж ответил так же и побегал дальше. А вверху, косо раскинув темные крылья, повис ястреб-тювик: засек движение серого комочка, но боялся спикировать — человек возле! Егерь слегка приподнял карабин: улетай, тебя еще не хватало, — птица резко развернулась, на крутом вираже ушла к далеким утренним тучкам.

От еле различных отсюда зарослей можжевельника — сизой стрелки, косо вонзившейся в рыжие барханы,— долетел слабеющий порыв ветра, стронул с места песчинки, пустил вскачь сухой шар перекасти-поля... И снова — неподвижность густого воздуха, монотонное потрескивание перекаленного песка, набухающая завеса миражного тумана, в котором ломались и прыгали игольчатые обломки тонких солнечных лучей.

«Пи-пи-пи»,— звала одна мышь другую.

Внезапно появившись, распоров небо раскатистым грохотом и рваной бороздой, блескуче пронеслась стальная стрела реактивного самолета...

«Вот шайтан!» — Курбан-Волк, воткнув кончики пальцев в забытые самолетным ревом ушные раковины, потряхивал головой, возвращая себе чистоту слуха.

В это время, чуть отвлекшийся, он уже запоздало увидел на желтой всхолмленной равнине бегущих вроссыпь джейранов. Всех семерых.

Издали джейраны выглядели совсем маленькими, не больше проворных кузнечиков саранчи, и лучше сказать, что не бежали они — взлетали, вот так же, по-кузнечьи, мягко и сильно. Впереди — крупнее остальных — вожак. Сторонкой, делая глубокие полукружья, в нетерпении убегая и вновь возвращаясь к стаду, мчался молоденький самец, еще только входящий в силу.

Там, где сейчас свободно и торопясь бежали они, держался в низине скрадывавший четкость линий и всегдашний оранжевый отсвет пустыни неясный полусумрак. Будто обволакивающий кизячный дымок вился... Но замечалось: вожак мастью намного светлее других.

Раза два-три, скрываемое высокими дюнами, стадо исчезало из поля зрения егеря, однако он знал, где джейраны снова выскочат на обозримый простор.

На какие-то затяжные минуты стадо пропало вовсе — и на ровном месте вроде бы: кругом волнисто стлались мелкие серые наносы. Он крутил окуляры, шарил биноклем, пока не обнаружил: джейраны, упав на колени, лизали соль, всегда обильно проступающую там поверх солончаковой корки. В долгом пробеге — короткая передышка... И вот ведь как: припали к земле (а иные легли), скрыв тем самым белоснежный, броско оттеняющий всю их красоту и одновременно предательский для них, издали приметный мех подбрюший, а спины и бока песчаного окраса надежно слились с бурой расцветкой местности — разгляди-ка! Недаром даже низко парящие орлы не замечают вжавшихся в песок кро-

шечных — недельного возраста и меньше — джейранчиков. Лишь две черные точки — испуганные, немигающие глаза — выдают малышей...

Но Курбан-Волк опять увидел: вожак не то что светлее самок, он — как светящееся пятно.

Светится!

Прежняя, грязновато колеблющаяся завеса мешала. Вдавливал ребристые края бинокля в надбровья, ловил в перекрестья на линзах, будто на мушку брал, удивительные очертания вожака.

В груди — в волнении — нарастали гулкие толчки. Тревожный шум возбуждающейся крови.

Неужели... Золотой Джейран?

Не может быть!

А если так?

Каким же тогда высоким знаком отмечена его, Курбана Рахимова, судьба?

...Вдруг стадо, повинувшись вожаку, резко снялось с места, подняв над собой густое облачко пыли; а после двухсот-трехсот метров бешеного галопа джейраны, вновь остановившись и оглядевшись, побежали уже неторопливо, сберегая в себе влагу и энергию. Вожак, чье тело все явственнее отливало чистой желтизной, уводил стадо от тропы круто в сторону. Кто-то напугал? Зверь? Человек, неосторожно оставивший следы?

Уменьшались, становясь игрушечными, фигурки джейранов...

Пробив рассветную дымку, широко хлынуло на равнину солнце, и самый мощный его луч, как молния, ударил в вожака удалявшегося джейраньего стада. Ударил — и вожак, вспыхнув, превратился в солнечный осколок.

Золотой!

Золотой Джейран. Это он! Сомнений нет.

Егерь встал со своего скрытого лежбища и зачарованно смотрел туда, на исчезающих в лазури утра джейранов...

Потом он сидел на том же самом барханном гребне, заталкивал в рот кусочки ишлекли¹, запивал их водой из алюминиевой фляжки, жевал молодыми фарфоровыми зубами, месяц назад поставленными ему в стоматологической поликлинике доброй женой директора Сердоморова, — и думал.

Мир, казалось, раздвинулся и дал ему, Курбану Рахимову, новую силу. Что-то ждало еще впереди!

И не сон же это, в самом деле? Видел он. Видел!

¹ Туркменская лепешка с мясной начинкой.

А ведь из миллионов людей Золотого Джейрана видят единицы.

На миллион... нет, на десять миллионов... на сто... на миллион миллионов джейранов когда-то рождается один особенный, диковинный, волшебный — Золотой.

Один такой!

Кто-нибудь, возможно, посчитает: сказочка, старинная сказка!

Наука ведь пока не зарегистрировала Золотого Джейрана на своих дотошных страницах, не занумеровала его как инвентарную вещь. И директор Сердоморов, наверно, услышав про Золотого Джейрана, сузит свои хитрые глаза в снисходительной насмешке, жалея и презирая дозрчивость и непростительную отсталость современных простачков.

Но не наука ли предостерегает, что нет предела познанию природы и открытиям в ней?

Не об этом ли постоянно твердит сам директор Сердоморов, ругая на собраниях ленивых, равнодушных или разуверившихся в своей работе младших и старших научных сотрудников заповедника?

И пусть кто-то посчитает за сказку, пусть кто-то не верит: тысяча человеческих голов — и каждая умна по-своему и глупа по-своему.

Не верьте, однако не спорьте.

Он, Курбан-Волк, однажды — давно тому — уже видел Золотого Джейрана.

Правую руку готов отдать на отсечение, чтобы, если понадобится, молчаливым достойным кивком при этом подтвердить перед народом правду о Золотом Джейране.

Правду жизни своей...

Он тогда был юн, тощ и строен, как элиф¹, и не было еще прозвища этого, ставшего вторым именем, — Одинокий Волк. Просто Курбан, сын Рахима. И если звали еще каким словом, то — игид. Значит, доблестный юноша, храбрец, настоящий джигит. Так окликал его командир отдельного кавалерийского эскадрона Чарыев, восхищавшийся удалью и неуязвимостью своего семнадцатилетнего бойца в кровавых братоубийственных атаках. Туркмены под красным революционным знаменем сражались с теми туркменами, что подняли над голубыми чалмами знамя зеленое — ис-

¹ Первая буква арабского алфавита в виде прямой палочки.

лама, прикрывавшее собой растрепанные перья российского самодержавного орла и высокие надменные фуражки англичан...

Не пуля — тиф свалил Курбана.

Когда он, наголо обритый и в шелушившихся струпьях на слабом теле, вышел из керкинского тифозного барака, эскадрон гонял басмачей в далеком хивинском оазисе.

Русский врач, провонявший карболкой и чесноком, сказал ему:

— Ступай, герой, в свой аул, месяц иль два лежи, пей чал¹, а то помрешь.

Врач отдал ему маузер, подаренный комэском Чарыевым, и написал справку-документ. Бумага с жирной лиловой печатью удостоверяла, что красноармеец товарищ Рахимов направляется по месту прежнего своего жительства для окончательного излечения сроком на двенадцать недель, он имеет право на котловое довольствие на пересыльных воинских пунктах узловых железнодорожных станций.

Но какие железнодорожные станции могли встретиться в пустыне, через которую лежал его, Курбана, путь?

В ауле у него оставалась дряхлая полусумасшедшая бабка, да и той, возможно (он не знал), давно не было в живых.

Выйдя за городскую черту, посидев в тени под стенами знаменитого керкинского медресе², он решительно направился через пески к отчому порогу... Кто-то, по виду служка ишана³, соблазнившийся, видно, тем, что красноармеец заморенный, а на нем почти новые английские ботинки гранатового оттенка, хищно двинулся следом. Долго он тащился за его спиной, не приближаясь и не отставая, как шакал, плотноядно стерегущий раненое, обессиленное животное, и лишь когда Курбан показал маузер — тот неохотно повернул назад...

От смерти на длинной пустынной дороге спас Курбана верблюд. Он беспокойно бегал среди барханов, ошалевший от ненужной ему свободы и ночного звериного воя, и сам помчался навстречу бредущему человеку. Был он такой же, как Курбан, — в гноившихся лишаях, с настрадавшимися лихорадочными глазами. Курбан дал ему больничный сухарь и затем неделю качался на его твердой высокой спине, видя в своем нездоровом забытии всякие радужные картины.

То была, конечно, искрящаяся брызгами вода: в арыках с влажными откосами, в ведрах, из которых ее выплескивали мягкие

¹ Кислое верблюжье молоко, нечто вроде кумыса.

² Высшая мусульманская школа.

³ Духовное лицо высокого ранга у мусульман.

осторожные губы строевых кавалерийских коней, в пиалах, где она зеленовато дымилась ароматным чаем, бьющая, наконец, тугими струями из простреленных цистерн и бурдюков, когда можно подставить под нее потное, свербящее от жгучей пыли лицо...

То были — тоже влажно поблескивающие — черные глаза Огульджан, ее черные, из-под весеннего дождя, косички, ее пугливые, как дождевые всплески, слова...

Он ехал сейчас в аул за тем еще, чтобы освободить Огульджан от ее хозяина Адамбая Орунова. Освободить и жениться на ней по новому советскому обряду — с записью в советской книге.

Не сделает он этого — Адамбай продаст Огульджан (если уже не продал) богатому мужчине, потому что срок ее давно подошел: два года назад, когда Курбан с эскадром покинул аул, ей было не меньше четырнадцати.

Огульджан — сирота; Адамбай малюткой привез ее издалека, и она не эрсаринка — из другого племени, то ли иомудка, а может, гокленка даже, потому что когда-то Адамбай Орунов служил в нукерах¹ у бека Карры-Кала. Огульджан выросла на дворе курганчи Адамбая, как вырастают отнятые у матери щенки: тихо скуля от голода, холода и в боязни хозяйских пинков. Нет, она выросла как красная роза посреди липкого и смрадного ила, и болото окзалось бессильным помешать расцвету ее природной красоты.

Так он, Курбан, думал, часто тайком с высокого фисташкового дерева наблюдая за печальной жизнью сироты в рабстве у Адамбая.

Говорили, что, уезжая, Адамбай приковывает подростую девочку длинной тонкой цепью к ткацкому станку — чтоб плела ковровые узоры, чтоб сама не убежала и никто не похитил бы.

Курбан как-то подстерег ее у трещины, разломившей дворовую глиняную стену, громким шепотом сказал:

— Не бойся меня, Огульджан... послушай...

— Ты кто? — изумленно спросила она.

— Я Курбан.

— Парень с дерева?

— Да.

— Хозяин меня убьет, если заметит, что я с тобой...

— Послушай, Огульджан, я хочу помочь тебе...

— Как?

— Не знаю, — признался он.

— У тебя нет денег, чтоб выкупить меня.

¹ Воин, чаще всего — наемный.

— Я заработаю.

— Сидя на дереве?

Она горько — по-взрослому — засмеялась...

И вот, иссушенный тифом, тащился он на приبلудном верблюде спасти ее, тонкую девочку с неверящим — исподлобья — взглядом темных, как ночь, очей.

В эскадроне, оттирая после боев узкий клинок сухим песком, он, задумываясь, не раз отраженно видел на безжалостном заточенном лезвии эти, из непонятной ночи, глаза.

И во время стычек, привстав на стременах, выбросив руку с клинком вперед и вверх, он мчался навстречу врагу, мстительно видя в каждом Адамбая Орунова... И-э-э-э... вва-а-а-а!

Что там, в ауле, теперь?

И в какой-то час приплюснутые домишки и юрты аула выплыли из тусклой песчаной бесконечности, как призрачный сонный остров. Глухое ватное небо, не всеобщее, а как бы только свое, аульное, укрывало здешнюю жизнь.

На въезде — кривые, торчком из песка, кости, до близны обкатанные ветрами, и окаменелые горки нечистот. Ублюдочные, с тупыми мордами псы, полосатые от выпирающих ребер, не гавкнули, не побежали следом. Хоть бы какой-нибудь человечешко на безмолвной улице... пусто!

Где-то яростно воевали, где-то устало и бессонно сражались с тифом и дизентерийными поносами, где-то упрямо, суматошно — в перестуке тысяч лопат и скрежете металла — уже строили социализм, а тут, понял Курбан, пустыня, окончательно засыпав слабые тропы тяжелым песком, продолжала таить в глубине своей горькие семена человеческой скорби. Красноармейский конный отряд Чарыева, уведший отсюда его, Курбана, был, скорее всего, первым и пока единственным вестником грядущих перемен.

Пустыня — это века, и что для нее три-четыре смутных года, два-три десятка быстротекущих человеческих жизней: на песке выросли — в песок уйдут.

Но оказалось — не покинула еще мира бабка Курбана, живой лежала на куче тряпья, и ее сморщенное, обросшее зеленым пухом лицо при виде внука не выразило никакого удивления. Однако, выбравшись из дырявой юрты наружу и натолкнувшись на верблюда, она преобразилась: с громкими хриплыми воплями принялась исступленно целовать золотушные верблюжьи лодыжки, его вислую дряблую губу... У ее юрты верблюд, у нее есть теперь верблюд!

Верблюд презрительно плюнул в безумное лицо старухи, и она, счастливая, умылась этим плевком; погрозила Курбану изогнутым, как звериный коготь, пальцем: не отдам... уйди!

Он вытащил из кармана и протянул ей последний сухарь; не оборачиваясь, сердясь, что плачет, на нетвердых ногах, со звенящей головой пошел к курганче Адамбая Орунова.

Но Адамбай пребывал не в комнатах: с каким-то нездешним гостем сидел на коврах в своей праздничной — из белой кошмы — юрте, тоже кое-где пробитой острыми камнями времени и все же хранившей надменный блеск богатых дней. Некогда тугое, лицо Адамбая обвисло жалкими складками, а узкие коричневые глаза по-прежнему впивались в человека сверляще и с острым кинжальным взблеском, будто у зверя перед прыжком на жертву.

Появлению давно забытого тут Курбана он, как и бабка, не удивился; равнодушно спросил:

— Ты хочешь заплатить мне?

— За что? — поддавшись первым словам Адамбая, Курбан на миг растерялся.

— Ты бросил старуху, а я кормил ее.

Курбан увидел на блюде обглоданные косточки барашка, не улетучившиеся запахи недавнего мясного обеда густой волной ударили в ноздри, он вспомнил безлюдье вымершей улицы и свою, как угасающая тень, бабку — и ему захотелось достать из-за пазухи маузер, беспощадной пулей насквозь прострелить эксплуататора аула.

Но одумался: может, вправду Адамбай подкармливал бабку — ведь что-то она должна была есть, чем-то питалась. И другое: незнакомец в юрте Адамбая, внимательно осмотрев его, Курбана, изодранный военный френч и кожаную фуражку с пятиконечной звездой, сунул руку под полу халата. А Курбан хорошо знал, как басмачи красиво и верно умеют стрелять через халат.

— Я пришел с просьбой: отдайте мне в жены сироту Огульджан.

Вот когда Адамбай Орунов удивился. Открыл рот, но, сдержавшись, не дал выскочить внезапным словам. Вырвал длинный волос из бороды, вертел его в пальцах, наблюдая, как тот скручивается.

Курбан ждал.

— Ты, сын абдала¹, — произнес наконец Адамбай, — ты где научился паскудной дерзости... там?

И мотнул головой — в сторону севера.

¹ Нищий, бродяга.

— Не дерзость это, Адамбай-ага, просьба.

— Ты, вероятно, принес оттуда хурджин золота? У тебя есть сто золотых монет царской чеканки?

— Нет.

— У тебя пятьсот баранов?

— Нет.

— Двести инеров¹?

— Нет.

— Десять чистокровных аргамаков?

— Тоже нет.

— Что ж у тебя есть? — ухмыльнувшись в бороду, спросил Адамбай.— Ты что — забыл обычай предков: хочешь жену — плати калым. Ступай прочь!

— Я буду платить вот этим золотом,— со значением проговорил Курбан, подбросив на ладони тупорылые, холодной желтизны маузерные патроны, и, не торопясь, как бы раздумывая о чем-то, вышел из юрты.

Он сделал несколько шагов и, как только поднялся на взгорок, повинясь неясному, но требовательному, знакомому, не раз спасавшему его чувству, упал. И тут же — с секундным запозданием — просвистела над ним пуля.

Он тотчас выстрелил в юрту, услышав грохот в ней; подождав, еще выстрелил, дырявя ее повыше, так как догадывался: Адамбай и его гость наверняка лежат, вжавшись в ковры...

И Адамбай крикнул ему:

— Кончай, парень. Продолжим разговор!

— Продолжим, Адамбай-ага,— согласился он.— На всякий случай советую помнить: за мной красный эскадрон товарища Чарыева в полтораста сабель.

— Ва-а, зачем эскадрон — так договоримся!

Упасть было легче — встать труднее.

Собрав последние силы, он медленно поднялся, стряхнул пыль с колен — и пошел к юрте.

Там, не дожидаясь приглашения, сел.

Гость Адамбая смотрел на него уважительно.

Сам Адамбай, оглаживая бороду, долго молчал.

А начал издалека, как новый запев старой песни:

— Золотых монет не имеешь...

— Нет.

— Баранов, верблюдов, коней...

¹ Одногорбые верблюды, отличающиеся особой выносливостью и силой.

— Нет.

— Ковров, парчи, бухарских халатов...

— Ничего нет.

— Зачем пришел?

— Просить в жены сироту Огульджан.

Адамбай вздохнул, с укоризной заметил:

— Аллах, известно, подарил человечеству семьдесят два языка, каждый народ говорит по-своему. Мы с тобой из одного аула, а понять тебя нельзя... Однако я терпелив. Слушай. Эту девчонку Огульджан я купил и привез сюда в кармане. Такая она была маленькая. Я из нее вырастил невесту, даже в холодные дни не звал ее к себе в постель, чтобы она погрела меня... Есть ей цена, как думаешь?

Он предупреждающе поднял руку: не перебивай. Продолжал:

— Вижу, что орсы¹ одели твое сердце в железо, ты стал глух и слеп! Ты забыл обычаи земляков.

Курбана неодолимо тянуло в сон, монотонный голос Адамбая сливался с заунывным посвистыванием апрельского ветерка снаружи юрты. Встряхнувшись, он пробормотал любимую фразу комэска Чарыева:

— Классовая борьба — вот наша религия.

— Запах крови возбуждает тебя,— сухо посмеиваясь, сказал Адамбай; лицо его передернулось, побелело; восторг и бешенство были в его голосе: — О-о, сам в молодости... сам горел изнутри! Нам же в молодые годы надо вот так...

Он схватил с блюда обглоданную кость, зажал ее в пальцах, согнул — и та с треском обломилась. Другую схватил — и эта вмиг была расщеплена напряжением твердых рук. И третья, четвертая за ней... Только слышалось: ва-кpp!.. ва-кpp!..

— Так вот,— обронил запаленно Адамбай, успокаивая нарабывавшиеся пальцы афганскими четками: бережно перебирал голубые камешки, нанизанные на извивистый шелковый шнур.

Курбан вдруг подумал: а может быть, поздно все же он появился тут — и затеянный им об Огульджан разговор ничего уже никому из них не даст? Может быть, только ветер знает, где она, Огульджан, сейчас?

Помимо воли вырвалось из его сдавленной груди:

— Где она?

Адамбай захохотал, ощерясь острыми и загнутыми, как у матерого кобеля, клыками, выпирающими из кровоточащих десен. Сказал через смех:

¹ Русские.

— Он с ума сошел, пожив с орсами. Теперь вижу! Правду, выходит, говорят, что у орсов мужик — это баба, а баба — это мужик. Ха-ха-ха... Кто ж из наших уважающих себя мужчин спросит про женщину: где она? О, всемогущий аллах, что творится... можно ль терпеть такое? Семена презренных гяуров прорастают на святом мусульманском поле!

Заметив, как обугленное болезнью лицо Курбана покрывается в ярости мучнистой белизной, как вздернулся тонкий длинный ствол маузера в его руке, нацеленный теперь с колена ему в подбородок, Адамбай быстро и злобно заговорил:

— Она в надежном месте.— Махнул рукой: — Там... с баранами моими, с женами моими. Один я знаю, где... А ты гость, ты по делу... или как ты? Я не понимаю.

Бешено повел глазами на черную опасную игрушку, приросшую, казалось, к руке Курбана: уберил

«Застрелить его, как не поднявшего рук врага? — мучился своим Курбан.— Командир не похвалит за это. Командир говорит, что убивают в бою. Революционное оружие, говорит он, должно быть чистым... А так — пусть судит врага трибунал. Приговор вынесет трибунал... Надо подождать. И ведь застрелю если — где потом найду в песках Огульджан?..»

— Время такое,— снова, уже совсем спокойно, даже тихо заговорил Адамбай,— когда аллах ниспослал нам, недостойным рабам его, тысячу испытаний. Нас мало останется, но останутся самые сильные и нужные. Они обновят жизнь горячеей, как кипяток, кровью, вольют ее в женщин, и те народят на смену ушедшим таких могучих людей, которых еще не было на нашей земле! А пока — кто кого... Я не обижаюсь на тебя, хоть ты должен быть почтительнее к моему возрасту, должен руки мне целовать, что я — один из мужчин! — храню жизнь нашего аула, не даю ей угаснуть. Я не обижаюсь на тебя, ибо ум твой еще не вызрел и оружие в твоих пальцах — не от аллаха, от врагов его! Подожди-подожди, старший говорит... Знаешь ведь ты, что я не отдам тебе девочку задаром, ты обязан заплатить. Чем? А вот послушай...

Он указал кивком на своего молчаливого гостя, пояснив при этом, что тот из Ходжамбаса, уважаемый купец и вольный хозяин пустыни; и попросил его повторить рассказ о небывалом чуде, обьявившемся в песках...

Гость в знак согласия наклонил голову, задумался — и речь его вскоре зазвучала вкрадчиво и таинственно, будто он боялся, что кто-то посторонний подслушает большую тайну... Обильные капли пота, стекавшие из-под туго закрученной чалмы, застревали — как

посверкивающие камешки-самоцветы, нашедшие для себя оправу,— в глубоких оспяных рытвинах его лица, отчего оно сияло, смущая Курбана.

А больше всего смутил его сам рассказ ходжамбасского купца — рассказ о необыкновенном Золотом Джейране, высекающем копытцами искры на голых нагромождениях Красных камней.

В воспаленном, изглоданном тифозной горячкой мозгу Курбана всплывало и ширилось золотое облако близкого счастья, и когда Адамбай Орунов приказал: встань, иди, выследишь и подстрелишь Золотого Джейрана, а за него я отдам тебе Огульджан,— он повиновался.

Он добудет Золотого Джейрана, уведет отсюда за руку Огульджан, с доблестным эскадроном Чарыева снова вернется в свой аул... И знай, недолго останется тебе торжествовать, Адамбай Орунов!

У доверчивости и безрассудства юности тайные, не сразу открывающиеся достоинства. Старая, человек благодарит судьбу, что молодые годы его были бурными, в приключениях, он прошел их не крадучись, под защитой стен — летел, будто птица, замороженная дальним светом и неизъяснимостью простора... Курбан-Волк, во всяком случае, часто вслушивался в голоса своего прошлого — и они, как музыка тонко настроенного дугара¹, украшали однообразие текущих дней.

Золотой Джейран, несравненный подарок ему на склоне лет, тоже примчался оттуда, из юности.

Лишил сна и покоя.

Золотого Джейрана надо заманить на территорию заповедника и поселить тут.

Как бы по весне, когда оплодотворенные самки разбегутся, каждая сама по себе, стадо не исчезло б вовсе... Или Золотой Джейран уйдет за афганскую границу — не может разве быть такое?

Ой-е-е!..

И Курбан-Волк, томимый опасениями, сбежал к Красным камням, обернувшись туда и обратно за полтора бессонных суток.

Там от горячих базальтовых глыб несло жаром.

Неподалеку, под редкими перекрученными саксаулами, он, как и предполагал, обнаружил углубления джейраньих лежек — с горошинами помета по краям.

¹ Двухструнный национальный музыкальный инструмент.

В одной из ямок поднял короткий и жесткий золотой волосок. На его темной ладони волосок был как тончайшая золотая иголка. Вспыхивал под солнцем.

Он бережно положил находку в пустую гильзу, заткнув ее войлочным пыжом. И, пятась, не оставляя следов, торопливо убрался подалее от этого места.

Потом, уже на расстоянии от камней, затаившейся ящерицей лежал среди бедных зарослей обкусанного джейранами, выжженного зноем мятлика — и вот тут желанные голоса далекого прошлого звучали для него отчетливо, пережитое когда-то и сегодняшнее сливались в его сознании в единый поток, на бурных волнах которого он неся на утлом, опасно перегруженном каюке...

Хотя на каюке, если вспомнилось про него, он летал по кипящей воде Джейхуна¹, перевозя грузы экспедиций, уже намного позже тех дней, когда почти на самом этом месте, где сейчас лежит, подыхал от жажды и лихорадки... Подыхал, охотясь на Золотого Джейрана, связанный словом.

Тогда он бесчисленное число дней, как ему казалось, с оттягивающим руку маузером и рогожным мешком за поясом, бродил по вязким пескам вокруг Красных камней; ожесточенно рвал зубами сырое мясо пойманных в предвечерних сумерках черепах и гадюк; язвы на его теле сочились гноем, нещадно чесались, и он, рыча, падал на барханные склоны, терся о них, стараясь унять невыносимый зуд... Ночами бил холодный озноб, он забывался, а очнувшись, чувствовал, как в груди бушует огонь, выжигавший остатки его силы. Затем дневной свет и ночная тьма слились в одно сплошное оранжевое пятно, и он ощущал себя крошечной букашкой, заползшей в центр этого необыкновенного, радужно переливающегося пятна.

А однажды он проснулся от собственного крика — он всю ночь печально звал к себе Огульджан — и вдруг поразился: спокойная утренняя синь была разлита вокруг, а на возвышении, среди багрово полыхавших камней спокойно стоял и разглядывал его, Курбана, Золотой Джейран... Золотой-золотой, сияющий, ослепительный!

Всего один выстрел — и точеные золотые ножки медленно подогнулись, золотое джейранье тело мягко и покорно легло на умытые рассветной свежестью камни.

В провалах памяти все же осталось — как запикивал Золотого Джейрана в мешок, а глаза слезились от нестерпимого блеска; как брел с тяжелой ношей на спине по долгим пескам, затем полз, не выпуская драгоценного мешка из окостеневших пальцев... Терял

¹ Одно из местных названий Амударьи, что означает: необузданная, бешеная.

сознание, приходил в себя — полз, полз... Как, в конце концов, оказался меж бедных жилищ своего аула, и Адамбай Орунов, поджидая, стоял, заложив руки за спину, у входа в белую юрту. Был Адамбай высок, словно башня минарета, и загнутые носки его сапог смотрели на ползущего Курбана узкими собачьими мордами.

— Сколько ж золота ты мне принес? — громыхнул сверху голос Адамбая. — Какой калым платишь за девчонку?

Зубами растаскивал Курбан узел на горловине мешка и распаханул его, бессильный, но гордый от сознания победы: смотри!

Адамбай присел к мешку и — отшатнулся.

В мешке было черное гнилое мясо, на котором сыто шевелились белые, в палец толщиной черви...

Адамбай ударил его, Курбана, острым сапсом под горло и, опрокинутого навзничь, проткнул кинжалом.

А к вечеру в аул въехал на конях летучий отряд революционных каспийских матросов, в котором среди молодой, горластой братвы был старенький бывалый фельдшер: вот почему он, Курбан, выжил.

Моряки, обнаружив в его кармане справку керкинского военврача, увезут истекавшего кровью парнишку с собой, как боевого — по борьбе и духу — товарища.

Позже, оклемавшись, он узнает от них, что Адамбай Орунов успел уйти — в Афганистан скорее всего. Но, уходя, он порезал в ауле всех старух и стариков, которые кое-как существовали посреди пустыни в своей убогой отрешенности и беспросветной нужде. Наверно, Адамбай так рассуждал: служили эти люди мне — пусть никому теперь, кроме аллаха на небе, не служат.

Тронутую умом бабку Курбана нашли с пробитым черепом и судорожно зажатыми в кулачках ключьями верблюжьей шерсти. Видимо, она не отдавала Адамбаю полюбившегося ей верблюда, цеплялась за верблюжьи ноги в свой последний час...

А годы спустя Курбан узнает: когда он в горячечном тумане у Красных камней охотился на Золотого Джейрана, Огульджан в ауле не было и не могло быть — уже давно Адамбай ее продал в жены керкинскому лавочнику. В тот самый город, где он, Курбан, валялся в тифозном бараке, откуда пошел за ней в свой аул.

Снова в рассчитанный им срок Курбан-Волк был на джейраньей тропе, в удобном для наблюдения месте, и, взглянув на следы, выругался. Надо же — опоздал: выслеживая стадо, вчера ходил тут человек! Глубокие отпечатки его сапог тянулись далеко в глубь равнины.

Рассматривая их, Курбан-Волк двинулся по тропе.

Но и так, что надо было, он уже видел.

Человек, гнавший стадо, хромал на правую ногу.

Этот человек употреблял наз¹, время от времени сплевывал, и зеленые сгустки, как кляксы птичьего помета, пятали песок.

Там, где равнина бугрилась барханами, человек какое-то расстояние пробежал на четвереньках, затем укрылся во впадине, еще пробежал... И вот они: две картонные, шестнадцатого калибра гильзы, черно прижженные сгоревшим порохом... Стрелял!

В джейранов. В Золотого Джейрана!

Но издалека, потому не достал; стадо ушло из-под картечи.

В груди остро кольнуло — и Курбан-Волк удивленно прислушался к тягучему отзвуку этой неожиданной короткой боли. Тревожно подумал: «Теперь Золотой не поведет тут стадо...»

Солнце легким тонким диском взмывало в поднебесье. Рассекая знойный воздух, пронесли над головой красавицы гоккеррек — синие, с атласными перьями птицы пустыни.

Он положил чужие отстрелянные гильзы в карман и пошел, куда вели отпечатки сношенных подошв. Знал: так километров через семь-восемь выйдет к автострате.

Боль в груди давила, или тоска это была. Он боялся за Золотого Джейрана.

На автострате остановил проезжавшую машину и слез с нее у развилки перед поселком колхоза «Освобожденный труд».

Дома поселка дремали в окружении седых от пыли абрикосовых деревьев.

Жизнь отзывалась голосами за грядой остроконечных тополей, на хлопковом поле, где ярко пестрели разноцветные платья женщин, дробно стучал двигатель, слышался веселый смех молодых.

В поселке приметное оживление было только у кафе-чайханы. Тут в разгар колхозной работы сидели мужчины, очень уважающие себя: маленькими начальниками их на сегодня не назначили, а ничем другим, кроме как указывать, командовать, взыскивать, распорядиться, они никогда не занимались. Поэтому неустанно — чайник за чайником — пили кок-чай, важно обсуждали новости, играли в нарды, а иногда кто-нибудь денежный звонко щелкал пальцами — и мейханщик² живо приносил компании запотевшую, из холодильника, бутылку.

¹ Снадобье, обладающее определенными наркотическими свойствами, приготовленное из смеси местного табака, жира, извести, пепла тутовника или трав; кладется под язык

² Мейхана — питейный дом.

Они дружно приветствовали появление в их поселке Одинокого Волка.

Он поздоровался с сидевшими у входа — с каждым за руку — и поискал глазами того, к кому шел сюда.

Тот — не ошибся — был здесь.

Привалившись к засаленным подушкам, полулежал за дастарханом¹ в глубине чайханы, курил дедовский чилим². Грубое, в непонятных затвердевших пузырях лицо его было оцепенелым, равнодушно-серым. Досыта накурился уже — и не табаком, видно...

В чайхане, догадываясь, напряженно примолкли, ждали... Лишь слышалось тяжелое жужжание больших мух, словно это далекие машины гудели на трассе.

Курбан-Волк бросил найденные в песках картонные гильзы на дастархан, сказал:

— Я предупреждаю, Италмаз, не появляйся там больше.

— Когда сдохнешь? — отчетливо, как бы очнувшись, спросил в тишине Италмаз.

— Побойся аллаха, Италмаз, — испуганно крикнул кто-то от дверей. — Такое — старому человеку!!

— Я плевал на его волчью старость, — с прежней отчетливостью сказал Италмаз, отложил в сторонку дымящийся чилим, и в проворных, исколотых фиолетовой татуировкой руках его серебристо заиграло лезвие ножа. Оттягивал пальцами сталь, чуть сгибал, забавлялся.

— Предупреждаю, — повторил Курбан-Волк.

Служба обязывала его к терпению. Он научился пропускать оскорбления мимо ушей. До поры до времени, конечно.

— А тебя, говорят, уволили на пенсию, — Италмаз в презрительной улыбке по-сусличьи приоткрыл черные зубы. — Говорят, как дряхлого ишака — под зад пинком?

— Работаю я — не надейся.

— В заповеднике?

— Там, в заповеднике.

— Чего ж ты ко мне цепляешься? В твой заповедник я ни ногой... И ты не вскидывайся! Где тебя на цепь посадили, там и бегай.

— Охота на джейранов, знаешь, запрещена всюду. Они под охраной закона. А где мне ходить — не твое слюнявое дело!

¹ Скатерть с хлебом и другими кушаньями; еще, в наши дни, — низенький, не выше 15—20 сантиметров, накрытый для еды столик, перед которым сидят по-азиатски, скрестив ноги.

² Прибор для курения, изготовленный из тыквы; через нее, заполненную водой, пропускается дым.

— А ты поймай меня, а потом доказывай: охотился я иль нет.
Ну!

— Пока помни — предупреждал.

— А ты сам, Волк, тех джейранов видел?

— Нет, не видел,— не признался он.— Как нагадил ты там — вот что я увидел. Потому пришел. Остерегайся, Италмаз.

— Плевал я,— пробормотал Италмаз.

Лицо его опять тускнело, щеки и рот мгновенно сделались дряблыми, глаза, утратив живость,— подслеповато-студенистыми; слова теперь падали в тишину глухо, с большими паузами; произносил он их, отвернувшись от егеря, шаря растопыренной пятерней в поисках откатившегося чилима:

— Ты, Волк, два раза мне срок мотал... В Сибирь загонял... погоди, волчье мясо... зарезу когда-нибудь... а джейрана назло тебе, сучья кровь, убью... того джейрана убью...

И заорал, дико вращая желтыми нездоровыми белками расширенных глаз:

— Убью-ю-ю!

Рванул красную замызганную рубаху на груди, с пеной на губах повалился на подушки, будто весь во власти своего яростного припадка. Но быстрый, холодно-беспощадный взгляд Италмаза секундно полоснул по Одиному Волку, и так это было — вроде бы Италмаз ножом в заклётого врага своего бросил: пригвоздил и отвернулся.

«Людей пугает,— подумал Курбан-Волк.— Туг и так его все боятся — он еще пугает.— Вздохнул: — Тамаша¹! Однако сволочь...»

Отвернулся, к двери пошел, поправляя сползший с плеча ремень карабина, раздельно, с достоинством произнес, чтоб все услышали:

— Зовете меня Волком. Кое-кому не следует забывать, что у волков хорошие клыки и нюх хороший.

Смущенное молчание было ему ответом.

Скрипел зубами дергавшийся на подушках Италмаз.

Застойное жаркое дыхание улицы обжало горевшие щеки невидимыми шероховатыми ладонями.

На обочине шоссе, присев, достал из сумки казенный блокнот и, обливаясь потом, не меньше часа трудился, пока крупными печатными русскими буквами не составил записку Сердоморову:

Когда рассвет
приезжай красные камни
смотрим золотой джейран

Твой егерь Рахимов

¹ Забавное, веселое зрелище.

Бумажку, скрученную трубочкой, воткнул в гильзу, в которой лежал найденный под черными саксаулами золотой волосок, опять закрыл ее войлочным пыжом — и отдал одному из водителей проносившихся мимо машин, чтоб завез в контору заповедника.

Сам — через пески — направился к себе на участок.

Он, зная Италмаза, на девяносто девять из ста был уверен: тот завтра же пойдет на джейранов. Одинокий Волк, скажет себе Италмаз, вчера предупреждал, будет надеяться, что уж неделю-другую я выжду, повременю, — а я сейчас, сейчас!.. Пусть после Одинокий Волк рыщет — песок затаяет следы...

Так — уверен он был — рассудит и поступит Италмаз. И на тропе ему делать нечего: доберется Италмаз до Красных камней, до джейраньих лежек...

Видел ли Италмаз Золотого?

Он ведь кричал: «...Того джейрана убью!»

Золотого?

И вечером, готовя ужин, бессонно ворочаясь потом на скрипучих нарах в своем пустом, гулком, собранном из щитов «финском» домике, поставленном ему Сердоморовым посреди зарослей карагача, где жили лишь он, старик, да поджидавшая его с обходов лохматая чабанская собака по кличке Караель — Черный Ветер, он беспокойно размышлял о том, как тесно переплетены в этом мире человеческие судьбы, как могучи высокие силы природы, указывающие людям их жизненные дороги... Он давно, в юности, отказался от святых сказок про бога, восседающего якобы на арше¹, знал от ученых людей, с которыми общался, почему из облаков падает дождь, в чем причина землетрясений, не раз смотрел на тайны микробов в увеличительный глаз микроскопа, видел железное — в проводах, лампах и трубочках — нутро телевизора, такое же, как у машин и других приборов, и твердо уяснил для себя: бог — это сама природа.

Человек, машина, выстрел — все рождено природой.

Природа безгранична.

Умный директор Сердоморов полагает, что всю природу можно очень понятно занести на линейчки и в клеточки тетрадей, зарисовать в картинках, обозначить цифрами, загнать в стеклянные пробирки и вольеры, остричь или раскормить, каждому ее движению и предмету дать имя или присвоить номер...

Однако он, Курбан Рахимов, проживший такую жизнь, которая рассчитывалась не на одного — самое меньшее на десятерых, счи-

¹ По мусульманским представлениям — высшее небо, где престол аллаха.

тает, что природа, она, например, как тот же звук: услышал его, но не всегда узнаешь, откуда он и где его эхо... Сегодня ты не скажешь, что будет с тобой завтра. Природа — тайна, и прежде всего в этом она бог.

Сердоморов говорит ему, что просто не все еще открыли в природе, а вот скоро откроют окончательно — природа будет такой же, как склад: каждая вещь на своем месте, с указанием ее стоимости и для чего употребляется... Он шутник, их директор, любит посмеяться. Сейчас на столе, под фонарем «летучая мышь», лежит его ответ на записку: с час назад привезли на вездеходе пограничники, отдали, сказав, что очень торопятся, прощенья просят, но им не до чая... У них, понятно, своя служба. А на бумажном квадратике — веселый усмешливый голос Сердоморова втиснут в синеватые строчки пишущей машинки:

Курбан-ага, там только Золотой Джейран?

А какнус¹ в твоём околоте не объявилась?

Споет нам!

Видеть праздник в потных буднях — вот наш с тобой движущий смысл.

Твой директор — и курчавая, зелеными чернилами, подпись. Как кольца весенней травы.

Сердоморов, пока ему не покажешь, в Золотого Джейрана не поверит.

А увидит — скажет: дай потрогаю.

Лишь бы отловить, поселить в заповеднике...

Браконьеры тоже не ленятся по пескам ходить. Иные на государственных вертолетах прилетают, с воздуха бьют животных. Были такие случаи.

Недели полторы назад они — директор Сердоморов с шофером и он — с полудня до заката преследовали грузовую машину с браконьерами, и те на ходу выбрасывали тушки козочек из кузова. Девятнадцать тушек... Сердоморов кусал губы, винчестер в его руках плясал, как у припадочного, и повторял директор одну и ту же фразу: «Я размозжу им головы!..» У тех кончился в баках бензин, они сделали два-три выстрела, пугая Сердоморова и егеря, но потом побросали ружья. «Ложись! — приказал им директор, которого по-прежнему трясло, он, казалось, дымился от ярости и ненависти.— Лежать вниз лицом — только так!» Один из браконьеров, толстый, по виду, угадывалось, какой-никакой, но начальник, взвизг-

¹ Сказочная, из древних легенд птица феникс.

нул: «Это произвол!» А Сердоморов закричал: «Молчать! А над природой так — не произвол?» Ругался Сердоморов самыми черными словами — по-русски, по-туркменски, по-узбекски, еще как-то: тысяча слов, и каждое — сильнее не придумаешь. Велел ему, егерю, держать браконьеров под прицелом в том же, лежачем положении, а сам поехал, собрал все козьи тушки, свалил их возле тех людей, заставил каждого подняться, смотреть в объектив — и сфотографировал несколько раз. Потом эти снимки по телевизору показывали, тут же в газете напечатали, все могли увидеть.

Следователь приезжал, расспрашивал — суд будет... И сколько уже таких судов на его егерской памяти! В иной год — по три-четыре случилось. Как оттуда, из зала суда, выходишь — мстительные глаза навстречу. Чьих-то дружков, чьих-то родственников... Но смотришь сам им в глаза — прямо, твердо. Чтó — не по-вашему? Чтó — обожглись?

В спину — было — нож бросали, забить железными прутьями пытались, однажды машиной наехали... Весь в рубцах-отметинах. Право слово — Волк!

Грозят, однако боятся.

Тот же Италмаз...

Разозлил он Италмаза сегодня. Нет, обязательно тот поутру на джейранов пойдет! Не пойдет — от злобы кровь в нем свернется... Но ничего! Ночь длинная — и кто еще раньше встанет!..

Поскуливал во сне маленьким обиженным щенком огромный волкодав Караель. В окна с лунного неба лезли звезды. В карьере, откуда в прошлом году самосвалы из-под далекого Ташауза увозили для чего-то цветную глину, тьякали, подвывали шакалы.

Снова и снова Курбан-Волк, чувствуя, как ноют натруженные за годы, не раз перебитые и сраставшиеся кости его, теперь стариковские, которые поневоле будешь беречь, — они еще неплохо держат, но долго им перед старостью не устоять, — бессонно возвращался к прежним мыслям своим. Он, как и другие, все же песчинка природы — что бы ни говорил ему о гордой власти человека директор Сердоморов, — и зависим от нее, природы. Так он считает, убежден в этом. Кустик ёвшана¹, один-единешенок выросший посреди голой такырной необозримости, — он тоже не зря появляется, ему природой дано свое назначение. Для всяких мелких ползающих и бегающих живых существ этот одинокий кустик как ориентир на местности, на нем роится неведомо откуда залетевшая мошка, под ним, в углублении у корня, скапливаются дождевые брызги, а по весне,

¹ Среднеазиатская полынь.

разбросавший с помощью ветра свои легкие семена, ёвшанный кустик уже переговаривается с новыми, проклюнувшимися из бестолковой соленой почвы ростками, детьми своими... Он брошен был в определенное место природой, она указала ему судьбу его.

Судьба же — как лабиринт: брезжит вдалеке свет, спешишь на него, но оказывается, не выход перед тобой — лбом в глухую стену упираешься и все равно опять, доверяясь, бежишь на призрачный свет в поисках какого-то желанного освобождения... Он, помнится, в двадцать шестом году не хотел оставаться в Хиве, где долечивался в госпитале: город был чужой и равнодушный к нему, жили тут тогда угрюмо, каждый надеясь на ловко упрятанный в рукаве халата нож и на свою изворотливость. А он к тому времени устал от вида оружия. Однако, подчиняясь непонятному велению сердца своего, все же не уехал, поступил в хивинскую милицию, только для того, наверно, чтобы через месяц-полтора встретить здесь Адамбая Орунова,

Адамбая он узнал в бригаде, с изуродованной сабельным ударом щекой тихом человеке, который тайно торговал на базаре восточными девушками... Адамбай, убегая от него, забрался на башню минарета, а услышав близящийся перестук подкованных милицеских сапог по ступеням винтовой лестницы — бросился с пятидесятиметровой высоты вниз на камни.

И в лабиринте судьбы, через двадцать лет после того, хивинского происшествия, была у него еще одна встреча — уже здесь, в поселке колхоза «Освобожденный труд». Посреди улицы его оставила старая женщина, возраст которой позволял ей самой подойти к мужчине, обратиться к нему, и сказала она: «Хочу увидеть лицо кровного врага моей семьи, человека, посадившего в тюрьму моего единственного сына Италмаза. Будь проклят ты!» В черных глазах женщины таились печаль и ненависть; она плюнула ему под ноги...

Медленно уходила та женщина прочь, стягивая узел шерстяного платка у горла, всплескивая чарыками¹ рыжую дорожную пыль, а он столбом стоял посреди улицы.

В состаренной не возрастом, а тяжелой безрадостной жизнью этой женщине он признал бывшую сиротку Огульджан. Она, значит, была матерью начинающего бандита Италмаза, не раз уже грабившего заповедник и умело пойманного им, Курбаном-Волком. Какой ветер забросил их, мать и сына, сюда, за сотни километров от города Керки?

Ветер пустыни?..

¹ Самодельная, из сыромятной кожи обувь.

Несет он, несет песчинки — в одиночку, стадом, с места на место, разводя их в стороны и где-то далеко-далеко, на каком-нибудь твердом гребне опять сталкивая, притирая друг к дружке...

Это только уверенный Сердоморов говорит, что скорость и направление движущихся песков определить просто, загадки тут нет, особенно если знать, какой ветер будет дуть. Но в том-то и дело: какой ветер?! Ждут, что набежит он с отрогов Копет-Дага, прохладный и приятный, вливающий свежесть в тело, дарящий дыням сладковатую вязкость и крепость. Ждут — по всем признакам — его, копетдагский ветер обновления... А небо в считанные минуты прогибается под тяжестью внезапно налетевших грязных туч, и все вдруг тонет во мраке и разбойном свисте, груды песка, вихряще взмытые в поднебесье, обрушиваются на землю страшными, разрушительными ударами. Это начало жестокого хазана¹, который не поддается предсказаниям.

Где окажутся песчинки, разметанные яростью хазана?

...Курбан-Волк, не замечая сам этого, улыбался в темноте, радуясь, что ему удалось в споре, пусть мысленном, одолеть директора Сердоморова и тому лишь остается сказать, как он обычно говорит в такие, неловкие для него моменты: «Пока один ноль в твою пользу, Курбан-ага. Мой книжный интеллект задавлен твоим генетически приобретенным чутьем!»

Он знает наизусть эту директорскую фразу. Ее было так же трудно запомнить, как в детстве затвердить слова непонятной молитвы, идущие вслед за главным, обязательным зачином: «Бис-малла...»²

И все же запомнить, затвердить легче, чем забыть.

В отрочестве Огульджан была для него как прекрасная свежая роза, которую прятали за толстой глиняной стеной.

Воспоминания о ней, потерянной безвозвратно, были так жгучи и болезненны, что сердце в зрелые годы — закаленное, пострадавшее, ровное для радости и грусти — все еще, казалось, кровоточило раной.

Даже схоронив жену свою, не успев толком пожить с ней, народить детей, вспоминал черные глаза жены как те, когда-то виденные у юной Огульджан...

А на склоне лет — вот ведь! — острые шипы почти забытой им розы, увядшей под холодным дыханием ветра-хазана, мстительно вонзились в эту, затянувшуюся уже рану на сердце, застряли в ней, как

¹ Осенний ветер с губительным холодом, уничтожающий всякую растительность.

² «Во имя аллаха...»

напоминание о прошлом и пытка за сегодняшнее... Неси, терпи до могилы!

Розу растоптали, но шипы — тебе!

Ты же когда-то думал о ней ночами.

Тебе!

И примчался Золотой Джейран.

Оттуда же... оттуда...

Не замыкается ли предначертанный круг жизни?

Стонал, ворочаясь на тонком, сваявшемся тюфяке, старый егерь Курбан Рахимов, и лес Караель, встряхивая обрезанными ушами, по-прежнему тихонько поскуливал рядом, а все вокруг домика, как бывает ясной лунной порой, излучало таинственный, неземной свет.

Даже смертоносный каракурт¹, застывший на каменной плите перед дверью, напоминал граненый кусочек оброненного лунного камня: не захочешь — потянешься к нему рукой.

И, может быть, Курбан-Волк подремал бы подольше, опутанный тяжелой лаутиной тревожных видений, но Караель вывел такую резкую, скулящую ноту, что он испуганно приподнялся и с возгласом: «Чтоб тебя... шайтан!» — запустил в собаку брезентовым сапогом.

Тряс головой, сгоняя тяжкий сонный дурман.

Крутанул рычажок «Спидолы», впустив в дом непонятную скороговорку на чужом языке, прислушался к этому живому человеческому голосу, который силился что-то объяснить миру, и стал впотьмах обустраиваться...

В район Красных камней Курбан-Волк пришел, отмахав километров восемнадцать, когда луна уже была бесполезной на небе: висела бледная, испитая ночной тьмой, а утренний свет возникал и разливался независимо от нее. Песок постепенно желтел, но во впадинах и на северных склонах барханов плотно лежали иссиня-черные тени.

Он не стал приближаться к каменным завалам, тем более — к черным саксаулам: джейраны, возможно, чутко спали в неглубоких ямках своих лежек, и если они действительно тут, на месте, он, когда развиднеется, увидит их.

Замаскировался на облюбованной прежде позиции, там, где доживало свой скудный срок мятликовое поле, посреди которого за растресканной глыбой песчаника пряталась удобная ложбинка.

Бинокль, карабин, фляга — все привычно легло под руку.

А солнце, пока невидимое, еще не поднявшееся из-за горизонта, уже стелило тепло на пески. Они розовато поджигались пугливыми

¹ Ядовитый паук песков, укус самки которого бывает для человека смертельным.

бликами, будто язычками огня, и воздух заметно тяжелеет от набегающих знойных волн, обещая дневную температуру не меньше сорока пяти градусов — как вчера было...

Затем незаметно, как-то вдруг, совершился окончательный переход от ночи к утру: синие, желтые, розовые краски пустыни высветились до прозрачности, всхолмленная равнина открылась во всем безбрежии.

И Курбан-Волк, осматриваясь, неожиданно обнаружил метрах в трехстах перед собой лежавшего за низкой грядой валунов человека — вернее, его большой овчинный тельпек¹. Вот тельпек дрогнул — и человек на миг выглянул из-за своей каменной защиты.

Он, Италмаз!

Потянулся, расправляя затекшие плечи. Спал, только проснулся.

Значит, с вечера здесь... Самую малость недооценил его воровскую прыть.

«Однако я его лучше знаю, чем он меня,— усмехнулся Курбан-Волк.— Он на самом деле решил, что сегодня поживится — а я потом локти грызи... Он смеяться хотел надо мной. А я — вот он!»

Чтобы стекла бинокля не вспыхнули под солнечными лучами и не выдали его, он глубоко спрятал их под козырьком из пальцев, стал внимательно — квадрат за квадратом — изучать местность, окружавшую саксаулы.

Вот они... есть!

Один, второй... четыре, шесть...

Но где Золотой? Где он?

Все стадо в наличии, кроме него.

Может, как положено вожаку, он где-то поодаль, на возвышении?

Но тогда — где? На пирамиде Красных камней, только не на самом верху, а где-то сбоку, с той, не видимой отсюда стороны — там?

Скосил взгляд туда, где скрывался Италмаз.

В многократном увеличении — через сильные линзы бинокля — иссеченное зарубцевавшимися болячками лицо Италмаза показалось егерю измученным, обычно стянутые злым напряжением губы его кривились в вялой зевоте.

«Звали тебя сюда,— сердито подумал Курбан-Волк.— Ва-ах, как звали тебя... да?»

Италмаз высунулся из-за своего укрытия повыше, но тут же спрятался — и стал прилаживать длинный, с двумя черными зрачками

¹ Вид туркменской папахи.

ствол ружья в расщелине меж камнями, отыскивая ему надежный упор.

Джейраны вставали с лежек; вздрагивая легкими телами, стряхивали песок с волнисто переливавшихся рыжеватых шубок; делали короткие пробежки, и самый молодой — «парнишка» — в грациозных, тягуче-летающих прыжках, веселясь, перепрыгивал через козочек. Звал их в игру.

Курбан-Волк перехватил карабин так, что указательный палец лежал у курка, а вся ладонь обжимала шейку приклада, и он мог мгновенно выстрелить с одной руки навскидку, уверенный, что попадет, куда требуется, — и не спускал глаз с Италмаза, успевая одновременно следить за стадом.

Лихорадила та же мысль: Золотой — что, где, почему?

Италмаз подался вперед, припадая к ружью...

И — в гибком

долгом

прыжке,

повиснув на какой-то миг в воздухе,

на самую верхнюю глыбу

пирамиды Красных камней

величаво

опустился он —

Золотой Джейран!

— Цок! — ударили его копыта.

— Гр-рах! — сухо распорол воздух вскинутый к небу карабин егеря.

И —

как ослепительный

прочерк моднии

на синем —

прыжок

Золотого

Джейрана

вниз.

— Дрр-ба-а-ах! — гулко, запоздало оглушило окрестность ружье Италмаза.

Стадо, увлекаемое Золотым Джейраном, мчалось вдаль.

— Дрр-ба-ааах... вжи-ик! — и над головой егеря, предусмотрительно упавшего на дно спасительной ложбины, просвистели крупные картечины.

Пока Италмаз перезаряжал двустволку, Курбан-Волк, приподнявшись на локтях, успел оглядеться и крикнул противнику:

— Ты проиграл, Италмаз! Я предупреждал — ты сделал по-своему. Умываться тебе слезами!

Италмаз не мог видеть, что за его спиной на желтой песчаной плоскости медленно катились два коричневых пятна. А Курбан-Волк догадался: это Сердоморов с кем-то из сотрудников скачет сюда, к Красным камням, на конях.

— Я продырявлю твою волчью шкуру, завалю камнями, никто не найдет твоей могилы! — прокричал Италмаз, и опять глухо сданул выстрел, визжащие горошины свинца взрыли и подбросили глинистую землю перед глазами егеря.

Он, перевалившись, живо откатился вправо.

И тут же очередной выстрел рвано взрыхлил глину там, где он секундами раньше лежал.

— Ты, вонючее дерьмо поносного ишака, — что было мочи закричал Курбан-Волк, сплевывая землю с губ, — оглянись ты, ублюдок... Оглянись — и подавишься!

— О-о-о-о-о! — взревел Италмаз. — О-о-о-о-о!..

Вскочив, размахнулся, хряснул ружьем по камням: куда что полетело! Необъяснимая сила корежила, скрючивала плотное, прочно сбитое тело Италмаза: руки, дергаясь, словно бы удлиннились, голова вошла в плечи, как бы сплюснулась, живот выгибался дугой, и ломались, неправдоподобно складываясь, ноги, а вместо лица зиял какой-то ужасный, ускользающий провал...

— О-о-о-о-о-о-о-о-о-о...

Звериный вой.

Курбан-Волк, отвернувшись, смотрел туда, где уже исчезали размытые расстоянием смутные тени умчавшихся джейранов.

Удастся ли отыскать в песках это стадо, которое уже не жди — не вернется к Красным камням?

Покажется ли снова Золотой Джейран?

Не исчез ли он отныне навсегда?

В глазах накапливалась резь, он щурил их и тер задубевшим от пота обшлагом гимнастерки.

Утихнувший Италмаз, скорчившись, сидел на валуне, запустив скрюченные пальцы в раскосмаченные волосы низко опущенной головы.

Волосы у него были такие же седые, как у егеря.

Один из них сидел на камнях, другой, приблизившись, стоял поодаль — и молчали.

Вырастали, накатываясь, кони...

По пиджаку Италмаза на груди, плечах, спине расплзались темные разводы пота. Он пошарил по карманам — то ли закурить

искал, то ли пузырек с назом — и, не найдя нужного или забыв, чего хотел, снова безвольно свесил руки... Потом поднял на егеря воспаленно-красные — в ненависти и плохо скрытой боязни — глаза, выдавил сквозь черные, изъеденные зубы:

— А все равно подохнешь... По-волчьи, от картечи, не моей, так от другой подохнешь...

— Это ничего,— ответил он ему.— Хуже таким, как ты, скорпионам. Их давят подошвой сапога.

— Дави-дави, пока самого...

— Я вот дам тебе разок прикладом по башке... за те выстрелы в меня... подавишься своей руганью, молокосос.

Слабо слышалось близящееся разгоряченное дыхание директорского ахалтекинца: конь, досадуя, что срывается его долгожданный — на воле — бег, боролся с сыпучей тяжестью песков...

— Скажи им, что я не стрелял,— теперь просяще, униженно заговорил Италмаз, и словно не потом — дождем его окатило, такой мокрый был весь.— Скажи им так, скажи. Они чужие, а мы люди этой земли... не стрелял я что — ну!

И руки в мольбе — ладонями вверх — протянул...

Издали донесся веселый голос Сердоморова:

— При-и-ивет!..

Курбан-Волк снова с тоской посмотрел туда, где минутами раньше далеко-далеко в сером неясном облаке растворились тени джейранов, угасла золотая стрелка уведшего их вожака — и, раздражаясь, бросил Италмазу:

— Не скули.

Круто осадив жеребца, осыпав их песчаной пылью, навис сверху директор Сердоморов, спросил нетерпеливо:

— И что здесь?!

«Ва-а-ах!» — услышал за своей спиной повернувшийся к директору Курбан-Волк, и кто из них оказался проворнее — Сердоморов ли, мгновенно бросивший себя с конем ему на выручку, сам ли он, Курбан-Волк, успевший загородиться рукой, — но длинный нож прыгнувшего Италмаза рассек локоть, а сердца не достал.

Сбитый жеребцом, Италмаз, дергаясь, исступленно зарывался лицом в горячий песок; директор Сердоморов, застряв ногой в стремени, силясь высвободить ее, прыгал возле пританцовывающего коня на другой ноге; ему бросился помогать подсакавший наконец-то молодой егерь; а Курбан-Волк смотрел на глубокий кровавый порез на сгибе левой, сразу онемевшей руки — и не понимал, почему обычной боли нет: или такой он уже старый — тело притерпелось?

ЭПИЛОГ

Месяц спустя в самом начале рабочего дня директор заповедника Сердоморов диктовал девушке-секретарю текст приказа:

— Дальше... За обнаружение... или обнаруживание, а?

— Я после посмотрю в словаре.

— ...за обнаружение-обнаруживание за пределами нашей территории джейрана редкостного, ярко-золотистого окраса... записала?

— Диктуйте.

— ...ярко-золотистого окраса... та-ак... и за активное участие в отлове этого удивительного экземпляра самца-джейрана для заповедника объявить благодарность егерю Курбану Рахимовичу Рахимову... Фамилию выделить!

— Хорошо.

Сердоморов спрыгнул с подлокотника кресла, на котором до этого грузно раскачивался в такт произносимым словам, и подошел к раскрытому окну.

Во дворике, на парковой, в чугунных завитушках скамье сидел Курбан Рахимов — Одинокий Волк. Ладонью правой руки он опирался на короткий ствол карабина, поставленного меж колен, левая рука у него была на перевязи — вернее, забинтованная, висела на ремне, перекинутом через шею. Был он в своей великолепной папахе из каракуля сорта «сур» и во всегдашнем солдатском одеянии. У ног, вывалив от жары язык, лежал лохматый Караель: таким вот — «одноруким» — егерь без собаки не ходил.

Казалось, дремал егерь — как раз напротив раскрашенного щита Доски почета, откуда строго смотрели его собственные — с фото-портрета — глаза.

— Гуля, пиши дальше!

— Пишу.

— Также отметить служебную самоотверженность товарища Рахимова, проявившуюся в задержании злостного браконьера... та-ак... денежным вознаграждением из директорского фонда в размере...

Сердоморов задумался, провел растопыренными пальцами по ежику неподдающихся, торчком, как проволока, дыбящихся волос и, сердито сопя, замолчал.

Минута прошла, другая...

Гульбахар по-прежнему держала раскрытый блокнотик перед со-

бой, склонив к исписанной страничке юное, тонкого рисунка лицо, и от того, что вдруг осмелилась она нарушить затянувшуюся паузу, щеки ее полыхнули жаром, голос отозвался дрожью:

— В размере...

— Сколько могу! — пристукнул Сердоморов ладонью по подоконнику, сдвигая густые щеточки бровей.— Пятнадцать рублей могу — вот! Пиши. Мало, скажешь? А я что — король? Я директор со сметой!

И неожиданно синие глаза его брызнули весельем:

— Ладно! Нарисуй ему двадцать пять. Четвертной! И чего краснеешь, Гуля? Директор — это приличное слово. Смета — это, правда, что-то не совсем приличное. Но, как перед аллахом... не я ее, Гуленька, придумал, эту чертову смету с ее кусачими статьями расхода!

— Мне можно идти?

— А как же! Но... минуточку. Взгляни-ка, Гуленька, во двор... видишь?

— Что?

— Какой из себя наш Курбан Рахимов? Какой он?

— Я не знаю... старый? Рука болит у него, наверно...

— Старый... болит... правильно. А еще грустный! Страдает. Именно. Однако — почему?

— Не знаю. Потому что скоро на пенсию?

— Он, понимаешь, Гуля, безгранично разочарован. Когда-нибудь ты тоже поймешь, что разочарование — это путь от себя одного к себе другому... Вы, женщины Азии, умеете прятать свое разочарование... но все же... все же... Для всех это оч-чень болезненный процесс! И тебе, конечно, странно: какой-то там старик с всклокоченной бородой, с винтовкой, как сторож, и такое тонкое, хрупкое чувство — ра-зо-ча-ро-ва-ние... Несовместимо? Да, Гуленька? Ну ну — отвечай! Ты ж десятилетку окончила, литературные журнальчики почитываешь... в рабочее время! Фу ты, опять смущаемся! Я не против, приветствую даже — читай, Гуленька, полезно, это туркменскую девушку украшает так же, как, к примеру, серебряные подвески на тебе... Но — насчет разочарования! Что все-таки скажешь?

— Возможно... так, да.

— Разочарован он, Гуля! Поскольку тот джейран оказался не из золота, не золотая шкура на нем, как он считал... он уже сомневается: а все остальное, что с ним в жизни было, — не обман ли это тоже?

— В жизни? — смущаясь, переспросила Гульбахар.— В какой? Он,

по-моему, всю свою жизнь в песках... удивляюсь я даже... Извините!

И быстро вышла — почти выбежала — за дверь.

Сердоморов шумно — круто вырезанными ноздрями большого носа — втянул в себя воздух, громко захохотал, падая лбурдью на полированный стол, и хохотал так неудержимо, чуть ли не с визгом, сам не понимая, что это — не истерика ли с ним? От жары, от усталости.

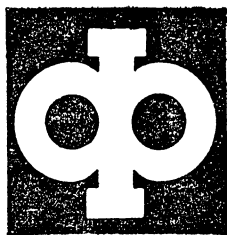
Захлебывался в спазмах судорожного смеха, силясь выговорить: — В какой это жизни, да? В какой...

Во дворе, встряхнувшись, недоуменно прислушивался к странному директорскому смеху егеря Курбан Рахимов.

Поднялся со скамьи, подошел к раскрытому окну, бережно поддерживая раненую руку; наклонившись, заглянул в кабинет...

Блеклые, изжеванные временем губы его вначале недоверчиво — в вопросительно-выжидательной улыбке — шевельнулись, и вдруг он тоже засмеялся, широко обнажая ослепительный ряд своих новеньких фарфоровых зубов.

Рис. И. УРМАНЧЕ

ешенебельное кафе «Монтелло» давно было на плохом счету у чипов местной криминальной полиции («крипо») в западногерманском городе Саарбрюккене. Правда, негласное наблюдение за посетителями этого заведения долго не давало каких-либо результатов. Помог случай. Однажды агент управления «крипо» Франкфурта-на-Майне отправился по личным делам в Саарбрюккен. В поезде его

внимание привлек субъект, очень похожий на человека, розыск которого был объявлен международной уголовной полицией — Интерполом.

Чуть позднее к предполагаемому преступнику подсел попутчик, в котором агент узнал Феликса Леску, личность весьма известную во Франкфурте-на-Майне, где он владел популярным в городе баром.

В Саарбрюккене подозрительная пара прямехонько направилась в «Монтелло». Скоро в штаб-квартиру Интерпола полетела телеграмма, сообщавшая об аресте Хайнца Бреттнера, обвиняемого в транспортировке наркотиков, подделке банковских билетов и прочих неблагоприятных делишках. Вместе с ним в руки правосудия попал и Феликс Леска.

В ходе следствия выяснилось, что его заведение было штаб-квартирой международной банды преступников, именуемой «Евроганг». В кафе «Монтелло» размещался один из пунктов, агенты которого специализировались на хищении произведений искусства. Филиалы в Марселе, Париже, Генуе, Неаполе, Амстердаме, Брюсселе занимались взломами и кражами, торговлей оружием и наркотиками, подделкой валюты, паспортов, документов на автомобили, сутенерством.

— Ну кто бы мог подумать — такой респектабельный господин и вдруг гангстер, — сокрушались, узнав об аресте Лески, франкфуртские бундесбюргеры. В местной печати появились статьи, авторы которых били тревогу по поводу ужасающего роста преступности во Франкфурте-на-Майне. Гамбургский журнал «Штерн» даже сравнил этот город с Чикаго. По мнению журнала, он, «как никакой другой город в ФРГ, приближается к самым неприглядным американским образцам».

Автор статьи в «Штерне», делающий попытку проанализировать причины «бед» Франкфурта-на-Майне, ссылается на своеобразный «географический фатализм»: город, мол, расположен на важном торгово-финансовом перекрестке капиталистического мира. Только через его аэропорт, крупнейший на нашей планете, ежегодно проходит свыше двадцати миллионов пассажиров. Здесь находятся штаб-квартиры большинства банков ФРГ, не считая представительств десяти самых крупных зарубежных банков Старого и Нового Света. Здесь, наконец, действует франкфуртская биржа, занимающая по масштабам операций четвертое место среди себе подобных. Гангстеры, резюмирует «Штерн», «ценят» Франкфурт за те же самые качества, что и представители банковского и промышленного истеблишмента: за удобное географическое положение, за бурную деловую активность. В атмосфере вечной суеты и бешеных спекуляций боссам преступного мира проще осуществлять уголовные «деловые» операции.

Не известно, читал ли Феликс Леска статью в «Штерне» и согласен ли он с философскими умозаключениями ее автора. Но действовал он как самый настоящий менеджер крупного промышленного предприятия: непрерывно получал доклады от агентов в ФРГ и за рубежом, по телефону из своего кабинета в баре давал указания во французские, голландские, бельгийские филиалы «фирмы», центральная бухгалтерия преступного синдиката вела строгий учет «прихода» и «расхода».

Есть ли во всем этом какой-то специфический, «франкфуртский» колорит? Буржуазным журналистам и социологам, занимающимся

проблемами криминалистики, вольно изображать тот или иной город средоточием организованной преступности. В США такая слава укоренилась за Чикаго, в ФРГ соответствующим «лавры» приписывают Франкфурту-на-Майне, во Франции — Марселю, в Италии — Палермо. Но в таком случае должен напрашиваться и логический вывод, будто в других городах страны картина более радужная.

На самом деле это не так. В ФРГ положение таково, что оно приводит бундесбюргеров, не всегда знакомых с социологическими выкладками, но соприкасающихся с гангстеризмом, в ужас. К примеру, франкфуртцы упорно избегают привокзальных районов и кварталов, примыкающих к кабаре «Солнце Мексики», облюбованному преступным миром. Но и мюнхенские обыватели знают, сколь опасно появляться в переулках Швабинга в старом центре города: обчистят до нитки, а то и хуже. Точно такой же репутацией пользуются в Кельне его трущобоподобные северные кварталы.

В Дюссельдорфе — административном центре земли Северный Рейн — Вестфалия чиновники органов юстиции уже несколько лет подряд проводят статистические исследования по преступности. В частности, они задались целью ежегодно фиксировать здесь количество преступников. При этом одна из ЭВМ, подключенная к исследованиям, запрограммирована так, что учитывает лишь тех, кто совершил сто преступлений и больше. Дюссельдорфские криминалисты насчитали восемьдесят три таких «суперзвезды». А всего только на территории Северный Рейн — Вестфалия оказалось свыше двухсот тысяч лиц, виновных в тех или иных противозаконных действиях. Цифра внушительная; она свидетельствует о том, что на лавры Чикаго с успехом может претендовать не только Франкфурт-на-Майне и земля Гессен, административным центром которой он служит.

Но дело не в одних абсолютных цифрах, хотя они сами по себе достаточно впечатляют. Западногерманских криминалистов больше всего беспокоит тот факт, что преступность в ФРГ принимает организованный характер. Руководитель кельнской «крипо» Ханс-Вернер Хамахер констатирует, что налицо становление западногерманской мафии, а если точнее — мафии стран «общего рынка», которая ведет себя подобно «ужасной модели», существующей в Соединенных Штатах. Он предсказывает, что если дело пойдет так и дальше, то к 1980 году преступность в ФРГ «примет невероятные формы и будет иметь поражающие размеры». По словам начальника уголовной полиции Кельна, уже сейчас многие «сигналы тревоги» говорят о таком близком будущем, когда «парки ФРГ по ночам станут похожими на опасные джунгли, а страховые общества нач-

нут отказывать дельцам в страховании от взлома, ибо «риск слишком велик». Ханс-Вернер Хамахер даже немного фантазирует, рисуя на страницах журнала «Шпигель» один из «будничных» дней кельнской «крипо» в 1980 году.

В его представлении он выглядит так. Отдел по расследованию убийств занимается делом о потасовке, в которой от ударов ножом погиб человек. Отдел по экономическим преступлениям допрашивает членов банды, систематически выбивавших стекла в витринах магазинов и универмагов — как выясняется, за соответствующую мзду и по поручению фирмы, которая специализируется на срочном изготовлении стекол. Хватает работы и для группы, расследующей взломы квартир. Наконец, то и дело поступают сообщения от сотрудников «крипо», которые каждый день сопровождают поезда метро для защиты пассажиров от грабежей и нападений...

Впрочем, столь ли далека сегодняшняя действительность от тех «ужасов», которые представляются кельнскому криминалисту возможными лишь в 1980 году? Сдается, что он явно запоздал с прогнозами, ставшими явью. Более того, Хамахер совершенно не касается одного важного «новшества», которое качественно отличает преступный мир ФРГ семидесятых годов, — его широких «интернациональных» связей. «Евроганг» Феликса Лески, например, планируя крупные операции на территории Федеративной Республики Германии, непременно привлекал к «работе» итальянских гангстеров. Специалисты по взлому прибывали на место преступления накануне вечером, их подробно знакомили с тщательно разработанной схемой ограбления. Сделав дело, они тотчас улетали. Требования конспирации соблюдались строжайшим образом. Эти рядовые исполнители из итальянской мафии не знали лично ни своих итальянских главарей, ни тех, в чье распоряжение они поступали.

Федеральное управление уголовной полиции ФРГ считает «Евроганг» классическим образцом европейской разновидности организованной преступности. По самокритичному признанию высших чиновников западногерманской «крипо», ликвидация банды Феликса Лески была крупнейшим и почти единственным достижением на ниве борьбы с «еврогангстерами». «Почти», потому что кроме «Евроганга» западногерманской полиции удалось пресечь деятельность другой крупной банды, чья структура и методы грабительских операций характерны, как пишет западная пресса, для особых средне-европейских или «еврогангстерских» типов преступных синдикатов.

...Итак, в один из дней федеральное ведомство «крипо» передало условный сигнал. Он послужил командой для специальных отрядов полиции, которые начали облавы в Гамбурге, Франкфурте-на-

Майне, Висбадене и Оффенбахе. Всего за решеткой оказалось 30 человек — двадцать семь мужчин и три женщины, составлявших постоянный костяк банды. «Фирму» уголовников возглавлял Эрнест Сепеч, имевший главную резиденцию в Штутгарте. От него нити шли к «агентам», которые разведывали места будущих операций в ФРГ и за рубежом, «ремесленникам», в чьи функции входили взломы банковских сейфов, дверей магазинов и складов, богатых вилл, к «специалистам по сбыту», которые реализовали награбленное.

По свидетельству гамбургского журнала «Шпигель», «еврогангстеры» Эрнеста Сепеча работали как звенья «широко разветвленной промышленной компании». «Специалисты по сбыту» предлагали клиентам самый широкий ассортимент товаров: меха и украшения, ковры и полотна старых мастеров, пистолеты и наркотики. Но самым прибыльным источником доходов в последнее время стали именно наркотики. И в этом тоже своеобразное новшество, ибо еще недавно Западная Германия была побочным рынком для американских опиумных синдикатов, сбывавших здесь часть смертоносного товара через «пушеров» (толкачей) из числа военнослужащих США. Ныне западногерманские конкуренты основательно потеснили своих заокеанских «крестных отцов». «Еврогангстеры» создали под видом уважаемых фирм опорные пункты в Турции, поближе к посевам опиумного мака. Отсюда наркотики сушей, морем или по воздуху (благо, в транспортных конторах, пароходствах и авиакомпаниях у преступников множество своих людей) тайно переправляются в ФРГ и дальше — в Скандинавию. Главный перевалочный пункт — Мюнхен, где среди турецких «гастарбайтеров» затесались агенты-распространители опиумных синдикатов. Именно в сфере контрабандной торговли наркотиками, отмечает «Шпигель», наиболее отчетливо сложилась система многоступенчатой «руководящей» иерархии и «разделения труда». Здесь действуют, пишет журнал, поставщики и финансисты, специалисты по транспортировке, оптовики и дельцы, непосредственно сбывающие товар потребителю. Цепочка функционеров, занимающихся распространением «белого яда», построена по образцу секретных служб: если полиция захватит кого-нибудь, она узнает немного — никто не контактирует более чем с двумя людьми. Арест нескольких членов организации не нанесет большого ущерба ее «штабу», тем более что он, как правило, находится в странах, где культивируется мак или другое исходное сырье для получения наркотика.

В сфере контрабандной торговли наркотиками, как и в американской мафии, тщательно разработана техника борьбы с конкурентами. Тут и сговор, и давление, и... доносы в полицию. Но обычно

стороны стараются поделить сферы влияния. Соответствующие конференции периодически созывались в западногерманском городе Ханау. Здесь же совершались крупные оптовые сделки на основе согласованных «твердых цен» на наркотики. «Нарушителей» изгоняли из районов, где они проштрафились. Тех, кто не исчезал добровольно, убивали. Чиновники западногерманской «крипо» считают, что на долю торговцев наркотиками, павших в междоусобной борьбе, приходится значительная часть нерасследованных убийств на территории ФРГ и других стран «общего рынка».

Особая специализация «еврогангстеров» — создание сети «подпольных универмагов». Их коммивояжеры принимают любые заказы — от покупки драгоценностей до автомобилей. Схема продумана до малейших деталей. Получив от «клиента» заказ на «Мерседес» или «Фиат» последней марки, «еврогангстерская» фирма, работающая под легальной вывеской авторемонтной мастерской или магазина по продаже автомобилей, организует хищение облюбованной модели. В считанные часы автомобиль подвергается сложной косметической операции, которая меняет его внешний вид. Теперь он готов для передачи заказчику.

Гангстерские «универмаги» и «рассылочные конторы» таким же манером поставляют своей клиентуре целыми партиями новехонькие телевизоры, проигрыватели, стиральные машины, магнитофоны. И все за полцены. Но при почти конвейерной организации такой торговли она и «со скидкой» приносит «еврогангстерам» колоссальные прибыли.

По скромным подсчетам ежегодные обороты «еврогангстеров» достигают десяти миллиардов марок. Дело дошло до того, что страховые компании всерьез подумывают об изменении правил страхования от вооруженных нападений и краж со взломом — этот бизнес в Западной Европе становится явно убыточным. Выходящий в Париже журнал «Визьон» отмечает в этой связи, что «еврогангстерам» очень помогают некоторые правовые нормы «общего рынка». Имеется в виду сведенный до минимума пограничный и таможенный контроль в странах «девятки», чем не замедлила воспользоваться западноевропейская мафия. Иначе говоря, «атлантическая» интеграция сыграла на руку гангстерам.

А. БУТЛИЦКИЙ

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

■

Присяжные
пропагандисты
из различных
буржуазных печатных
органов
и «радиоголосов»
к месту и не к месту
похваляются
гарантированными якобы
на Западе
«правами личности».
Как эти права
осуществляются
на деле, а не на
словах, видно
из публикуемого
нами очерка.
И хотя речь в нем идет
«всего-навсего»
о частном сыске,
читатель легко поймет,
что человек
капиталистического
общества
не чувствует себя
в безопасности
в собственном доме.

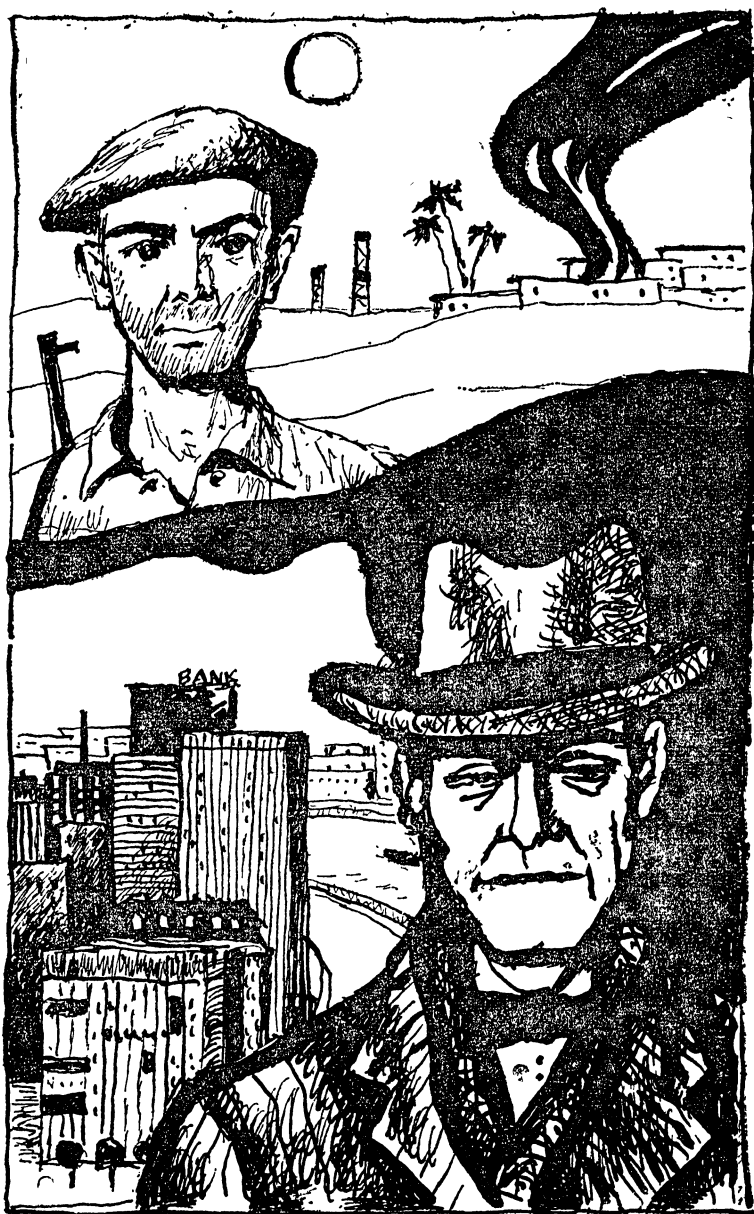
■

*Невыдуманный рассказ о
человеке необычной про-
фессии с несколькими не-
обходимыми отступле-
ниями*

— **Б**онжур, мсье, я — частный
детектив. Извините за опоз-
дание: дела. Рад познакомиться
с советским журналистом. Не до-
водилось мне раньше встречаться
с людьми из вашей страны.

Все это было сказано скорого-
воркой, так, что я едва успел
вставить свое «здравствуйте, гос-
подин» и подтвердить, что «мне
тоже приятно». За это время наш
гость уже огляделся в передней,
снял и сам повесил легкий, серый
плащ.

Собственно, в этой квартире
он уже бывал; ее хозяйка и
устроила по моей просьбе свида-
ние с человеком необычной — для
нас — профессии. Произошло это
в столице Французских Альп —
Гренобле.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ — ГРЕНОБЛЬ

Как описать город, в котором ты провел один день? Стоящий как бы в стороне, на пустынной улице клуб, он же дом молодежи, в маленьких гостинных комнатах которого мы ночевали. Широкая центральная улица — бульвар, окруженный шести-восьмиэтажными домами одного стиля. Такая же широкая набережная реки Изер, вдоль которой проложено шоссе — будто сама река приводит и уводит вас из города. На другой ее стороне холм со старым монастырем-крепостью, над которой, как нарисованная, протянулась белая полоса снеговых альпийских вершин.

Улица имени Сталинграда. Как и на других, на ней маленькие аккуратные магазинчики: бакалея, фрукты, красивые книги по безумным ценам, аптеки, напоминающие отделения банков своей строгостью и решетками на окнах; в них, наряду с лекарствами, продается косметика, детское питание, одежда для самых маленьких, ручки, открытки, жевательная резинка, сигареты и множество других полезных и бесполезных предметов.

Хотя в мае весна уже вовсю царит во Франции, здесь дует с гор холодный ветер. Гренобль — быстро растущий город. Но все же со своими 150 тысячами жителей, с небольшим автомобильным движением, усиливающимся лишь в обеденное время, когда служащие едут на машинах домой или в кафе, чтобы съесть свой «завтрак» — так называют французы питание в полдень в отличие от утреннего «маленького завтрака» и съедаемого после работы «обеда», — со своим спокойным ритмом жизни Гренобль, естественно, производит впечатление провинции. Красивой, современной, уютно расположенной в долине реки, между двумя грядями огромных гор.

Но вот и дом, который я ишу. Меня познакомили с хозяйкой дружья из общества «Франция — СССР». А она в разговоре обмолвилась, что знает одного частного детектива. Я попросил ее устроить с ним встречу, было назначено время. И вот передо мной Поль Марголис.

САМОДЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Разговор завязывается быстро. Поль нисколько не стесняется своей профессии, не беспокоит его и мое журналистское любопытство. Он откровенен. И, мне кажется, я понимаю, почему. Во французской прессе, да и вообще на Западе, о людях его профессии пишут мало. А пресса — это, в первую очередь, реклама. Ну, а советская печать, да и наша страна, настолько далеки от

его, Поля, жизни, что он может позволить себе сказать правду даже тогда, когда она не очень красива. Разумеется, не стопроцентную правду, но все же...

Потом, не так уж часто, вероятно, бывает у этого человека возможность откровенно поговорить и о своей профессии, и о себе лично с кем-то, кого это интересует. А ведь для очень многих нет ничего более интересного, чем поговорить о себе. Один французский писатель даже прославился фразой, сказанной своей поклоннице: «Ну, что вы — все обо мне да обо мне. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Например, о моей последней пьесе...»

Поль достает из внутреннего кармана бумажник, а из него — документ. Называется он «Удостоверение личности». Похоже на обычное «удостоверение», служащее во Франции паспортом: корочка из тонкого светло-коричневого картона. Открываем его. На левой половине — трехцветная (синне-бело-красная — цветов французского флага) полоса наискось, фотография, отпечаток пальца. Крупным, шрифтом надпись: «Частная полиция». Справа — текст помельче: «Директор просит все организации и всех лиц облегчить данному человеку исполнение его обязанностей». Какие-то подписи, печать.

Я спрашиваю:

— А кто директор?

Отвечает:

— Я сам.

И смеется.

— В чем дело?

Он объясняет:

— Я могу просить типографию напечатать документ любого размера и любого содержания. Ведь он самодельный.

— Как так? — недоумеваю я.

— Да очень просто. Во Франции власти не мешают вам открыть частное полицейское агентство или просто стать частным детективом. Не мешают, но и не помогают. Значит, и не выдают никаких документов. А документы нужны, иначе кто же вам поверит. Особенно во Франции, — снова смеется мой собеседник. — У нас все осторожны и никто ничему не верит. Но покажите документ — и перед вами откроются любые двери, хотя он будет абсолютной липой. Каждый делает его как знает. И самое интересное... — Поль делает многозначительную паузу, — самое интересное, что даже государственная полиция не знает, что наши документы ничего не стоят. Фальшивка, клочок бумаги.

Я не могу удержаться от улыбки — уж очень заразительно смеется Марголис.

Теперь, пожалуй, я его хорошо разглядел. Он среднего роста, скорее худощав, волосы каштановые, возраст... между двадцатью пятью и сорока. Легкая походка, свободная манера себя вести, но без развязности. Черты лица мелковаты, хотя правильны. Ничто не бросается в глаза, и ни о чем — ни о росте, ни о возрасте, ни о каких-то особых приметах — нельзя сказать ничего определенного. Говорит не тихо и не громко, грамотно, без всякого акцента, без налета парижского или другого произношения. Не угадаешь, откуда родом. Свободно излагает мысль, видно, что часто разговаривает, умеет «вступать в контакт». Улыбчив. Единственное, что запоминается, — смех. Когда смеется, почему-то чуть-чуть двигает кончиком носа, довольно необычно. Но это замечаешь не сразу.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ — ПРОФЕССИЯ № 595

Дорогой читатель, пусть слова «частный детектив» не волнуют ваше воображение. У героя этого очерка нет ничего общего ни с благородным Шерлоком Холмсом, ни с сухим рационалистом Эркюлем Пуаро, героями известных романов А. Конан Дойля и А. Кристи. В его «работе» нет ничего, что хотя бы отдаленно свидетельствовало о благородстве или даже элементарной этике.

В переводе на канцелярский язык специальность моего собеседника именуется «профессией номер 595». Тайна вянет, оказываясь рядом с пунктуальностью бюрократа. Марголис захватил с собой любопытную книгу — Кодекс о труде. В нем перечислены все официально признаваемые во Франции профессии. Под номером 595 значится «частный детектив». Следующий номер — «частная полиция». Обоим номерам соответствует объяснение: «Занимается охраной людей и имущества, ведет расследование и наблюдение. Может носить форму. Работу осуществляет пешком, на велосипеде, в машине. Профессия относится к торговым или к либеральным, то есть свободным. Во всех случаях ношение огнестрельного оружия запрещено».

Насчет оружия Марголис не согласен с законом. По его мнению, это ограничение свобод. Бандиты ведь оружие имеют. Почему же честным людям оно запрещено?

Ну, а кто же вправе произвести себя в агенты частной полиции?

Уже по пути из Гренобля в Москву, остановившись на несколько дней в Париже, я договорился о встрече с господином Пьером Джованелли, президентом Национального совета частных детекти-

вов — одной из организаций, объединяющих агентов частной полиции во Франции. Он официально заверил, что закон 1942 года позволяет стать частным детективом любому французу, не имеющему судимости. Полицейские, находившиеся на государственной службе, должны получить для занятия этой профессией разрешение министерства внутренних дел.

Поль Марголис, по-видимому, такое разрешение получил десять лет назад, ибо до того он работал во французской уголовной полиции. Однако упоминает о своей предыдущей работе так, что я не успеваю спросить, почему он ее оставил. Впрочем, я чувствую, что этот вопрос может быть ему неприятен.

Много ли во Франции таких детективов? Сведения разные: от 200 до 400 агентств, в каждом из которых, как правило, работают от двух до пяти человек. Всего же десять тысяч французов признают, что живут на средства, получаемые от профессии детектива. А ведь есть еще и те, кто скрывает это занятие, кто работает безо всякого объявления и рекламы, принимая клиентов в темных углах кафе, в подсобных помещениях, у себя на квартире.

Но и десять тысяч — это немало. Во французских газетах и журналах я часто видел их объявления — где-то между приглашениями в школу танцев, советами астролога и рекламой средств для увеличения бюста.

— Реклама для нас особенно важна, — отмечает Марголис. — В этом смысле у нашей профессии особые трудности. Очень нелегко добиться постоянной и обширной клиентуры. Мало возможностей доказать, что ты хорошо работаешь. Представьте себе, что вам поручают охранять кого-то или следить за кем-то в ночное время. Не будешь же, в самом деле, прикалывать к двери записку: я, мол, тут, проходил в таком-то часу. Или каждые полчаса звонить клиенту с сообщением: слежу, все в порядке.

Рекламу обеспечивают адвокаты, нотариусы и поверенные, которые могут рекомендовать клиентов. Но они будут это делать, если детектив известен им, надежен, хорошо работает и не ведет «двойной игры». Главное же — доверие.

ДОВЕРИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

— Далеко не все, — говорит мой собеседник, — верят нам, а многие просто опасаются. И, порой справедливо. Скажем, только за последний год в нашем Гренобле арестовано и отдано под суд семь детективов и агентов частных полицейских бюро...

Четыре детектива занимались охраной банков. Трое из них были

взяты под стражу за... сообщничество с гангстерами. Теперь директора банков обращаются к официальной полиции. Хотя, как утверждают злые языки, легче им не стало: количество нападений на банки и грабежей несколько не уменьшилось.

Что касается «двойной игры», примеров тут тоже немало. Какой-нибудь человек, желая выследить другого, обращается к частному сыщику. Тот, ничуть не смущаясь, сообщает об этом преследуемому и... берет деньги с обоих. Точно так же можно поступать и в отношении целой организации. Не всегда это сходит с рук, однако есть «специалисты», которые работают таким образом по многу лет.

Должен ли частный детектив обладать какими-то особыми качествами? По мнению Джованелли, хороший детектив должен, обязан быть скрытным, иметь интуицию, а то и дар психолога, неограниченный запас терпения. Требуется еще крепкое здоровье: проводить часы и часы, днем и ночью, в любую погоду в засаде не так-то легко. Но еще важнее уметь быть незаметным.

Пожалуй, с этой точки зрения мой гренобльский знакомый, бесспорно, подходил для своей профессии как никто другой. А что он считает важнейшим в своем деле? Доверие — о нем уже была речь — и эффективность. Почему именно эффективность? Ответ Поля Марголиса меня удивил:

— Потому что француз — жулик.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ — «СИСТЕМА Д»

Жульничество стало своего рода узаконенным институтом.

Если хотите, целой системой. Норовят обмануть при покупке и при продаже, при поездке в автобусе, при уплате налогов. Только у одних дело ограничивается сантимами или десятками франков, а у других — миллионами, которые, например, укрываются от налогообложения в швейцарских банках. Происходит это потому, что люди привыкли к мысли, что их обманывают. Кто? Все! Частные фирмы — повышая цены, уменьшая количество и ухудшая качество продуктов и услуг, государство — сдирая как можно больше всевозможных налогов и также повышая цены на свои услуги. Заступиться некому и жаловаться некуда. Отсюда — скептическое отношение француза к администрации, его стремление обойти закон. Всем известно, что его удается так или иначе обойти множеству людей, причем чем они богаче — тем успешнее. Существует особое выражение «се дэбруйе» (выкручиваться). По первой букве этого глагола стремление и умение приспособиться к трудной жизни и преуспеть в ней называют во Франции «системой Д».

Длинный и страстный монолог Поля на эту тему — хотя в нем есть преувеличение — фактически обращен против буржуазного общества. Поль не произносит этих двух последних слов, но прямо утверждает: «Образ жизни и взаимоотношений между людьми, характер государства — все поощряет француза к мошенничеству. Поэтому нам, детективам, чтобы убедить клиситов в нашей пользе, требуется особая пробивная сила, я бы назвал ее полной проходимостью, а также аккуратность, точность, строгость, скромность...»

СЕМЬЯ И СТРАХОВКА

Ногда я заинтересовался этой профессией, то думал, как и многие другие, что работа детектива связана со слежкой, в частности в семейных делах. Однако это представление оказалось неверным.

Получить развод во Франции, стране католической, до самого недавнего времени было очень трудно, особенно если один из супругов не давал согласия. При этом инициатору или виновнику развода это стоило очень дорого. Помимо оплаты высоких судебных издержек при разводе встает непростой вопрос раздела имущества. Если же кому-либо из супругов удастся доказать неверность другого, то развод может быть возбужден через суд, который возложит вину (и оплату расходов) на неверного или неверную. Однако для этого необходимо, чтобы человека на «месте преступления» застал представитель закона. К услугам частного детектива прибегают как раз для того, чтобы выследить измену и вызвать на место происшествия судебного исполнителя или полицейского агента.

— Тут нам, — рассказывает Марголис, — выпадает нелегкая и очень неприятная работа. Главное же: в этих историях, как правило, речь идет вовсе не о любви, а только о деньгах. Грязные скандальные денежные дела, — подчеркивает он. — И чем выше положение в обществе у людей, возбуждающих такие дела, тем они грязнее.

Не менее часто, пожалуй, обращаются в частную полицию по вопросам, связанным со страхованием. Надо сказать, что система страхования на Западе вообще и во Франции в частности очень развита.

Детективам часто поручают проверять страховые договоры или контролировать законность выплат по ним. Ибо возможны симуляции грабежа, воровства, обмана, пожара.

Марголис, улыбаясь, приводит в пример ферму, расположенную недалеко от Гренобля. В течение двух лет она горела пять раз.

Затем рассказывает историю о женщине, у которой украли из квартиры драгоценности и другие ценные вещи. Кроме магнитофона, все украденное было застраховано, и компания собиралась выплатить пострадавшей большую сумму денег.

— Я пришел к ней,— вспоминает Поль,— представившись торговцем — разносчиком псков. Женщина поговорить любила, а детективам только этого и надо. Люди ведь не понимают, что таким образом помогают нам. Дошла она и до своего «несчастливого случая». Воры, мол, не взяли только магнитофон. Да, впрочем, он все равно не работает. «Очень странно, думаю я,— лицо Поля становится каким-то злым, хищным,— все взяли, кроме него. Ведь грабители-то не знали, что он испорчен». Дальше — больше. У женщины был брат, ее доверенное лицо. Я приехал к нему неожиданно, сказал, что все известно. Он «раскололся»: сестра, в самом деле, попросила его на время взять вещи к себе...

ХОРОШИЕ ИЛИ БОЛЕЕ?

Но ведь помимо частной существует и государственная полиция. В беседе со мной Джованелли называет отношения двух полиций «хорошими, но не более». И, сожалея, добавляет:

— Многие в государственной полиции до сих пор имеют какие-то предубеждения против нас. Одни считают, что мы слишком много зарабатываем по сравнению с их скудной зарплатой...

Марголис же выражается яснее: конечно, связи эти достаточно широки.

— Вот я вам расскажу случай,— говорит он,— и вы сами поймете. Не так давно я следил за одним человеком по просьбе его жены. По-видимому, он знал об этом или подозревал. Во всяком случае, ездил он в машине очень осторожно: срывался с места на перекрестках перед тем, как зажигался красный свет, чтобы оторваться от возможных преследователей. И тому подобные трюки. Чтобы не спугнуть его, приходилось держаться от него как можно дальше, а чтобы не упустить — время от времени догонять на большой скорости. В один из таких моментов,— продолжает Поль,— когда я выжал 120 километров в час, меня задерживает полиция. Скорость в городе ограничена 80 километрами. Объясню, кто я, почему нарушил правила. Полицейские и слушать не хотят: отбирают права. Пришлось отказаться от погони и отправиться в комиссариат. Его начальника я хорошо знал еще по службе в уголовной полиции. Он мне тут же вернул документы.— Поль самодовольно усмехнулся.— Надо, правда, добавить, что и до того, и позже я ему

оказывал кое-какие услуги. Какого рода? Ну, всякие сведения... Об одном мошеннике, например.

...Прошло уже много времени после преступления, и Полю удалось разыскать любовницу преступника. Ему назвали место, куда тот с ней приезжал. Детектив поехал туда и выяснил ее профессию: барменша. Когда вернулся, обошел городские бары и нашел ее. Познакомиться было легче легкого: Марголис изобразил поклонника. Проводил он в том баре вечер за вечером, потратил массу времени, однако успеха не добился. Но вот однажды барменша обмолвилась, что знает местечко в горах, где можно хорошо отдохнуть. Сказала, что ездила туда с мужем много раз. Но он-то знал, что мужа у нее нет и не было. И поехал в ту горную деревушку. Порасспросив местных жителей, выяснил, к кому приезжает его новая знакомая. После чего определить, где именно укрывался беглец, было вопросом техники.

Поручают «частникам» и предварительные расследования судебных дел. Однако неофициально. Известно, что некоторые лица, занимающие определенные посты, получают подарки от частных агентств. По-видимому, за «доброе отношение» и оказанные «услуги». Нередки случаи, когда и служащие полиции берутся за выполнение частных поручений, естественно за дополнительную плату.

В одной из статей о промышленном шпионаже французский журнал «Нувель обсерватёр» писал, что именно проблемы промышленного, финансового или торгового шпионажа и контршпионажа ныне чуть ли не главное в деятельности частной полиции.

Приводить истории такого рода — значит говорить о нравах «капитанов» капиталистической экономики. Ни о чем новом здесь рассказывать не приходится. Любопытно тут только то, что агентов частной полиции широко используют для защиты или для выведывания секретов фирм, расследования несчастных случаев, а также выяснения личности нанимаемых на работу. Но тут, кажется, мы подходим к самому острому вопросу, ибо он связан с политикой.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Года три назад я прочел в газете французских коммунистов «Юманите» остроумный фельетон, в котором высмеивался полученный по почте рекламный листок, рассылаемый одной из контор частной полиции Парижа. Контора предлагала свои услуги для «выяснения биографии нанимаемых», «постоянной слежки за работниками», в том числе «контроля за их деятельностью вне работы». Для выявления случаев хищений или нечестной конкуренции

агентство готово было включить своих детективов в штат предприятий или учреждений.

Как видно, речь идет не только об охране секретов капиталистов или их имущества, но и о слежке за частной жизнью людей, хотя она и запрещена законом. Больше того, закон не позволяет всем, в том числе и частным детективам, использовать официальные документы, архивы, а также различные приборы и средства вроде магнитофона, радиопередатчика, сверхчувствительных микрофонов и тому подобное. Запрещается и подслушивать телефонные переговоры.

Пьер Джованелли, когда об этом заходит речь, откровенно смеется:

— Да, принятый недавно закон об охране частной жизни запрещает все это, но...

В жизни дело обстоит, увы, иначе.

Если тот рекламный листок, о котором я упоминал выше, открыто и откровенно предлагает «всем заведующим отделами кадров крупных предприятий» шпионить за их персоналом, значит, услуги частной полиции охотно принимаются и используются. «Выяснение политической деятельности работающих на том или другом предприятии,— писал как-то один французский еженедельник,— это постоянная задача частных детективов».

Крупные мощные фирмы вроде автомобильного концерна «Пежо» имеют для этого свою собственную, «фирменную» полицию. Она же занимается и поддержанием порядка, например при забастовке; ее сотрудников используют и как штрейкбрехеров. Средние и мелкие компании, не имея на это средств, обращаются в агентства с просьбой узнать, «кто есть кто» и «кто мутит воду»: кто коммунист, сочувствующий, профсоюзный активист. В прессе упоминали, что даже объединение капиталистов Франции — патронат — нанимает детективов для... работы в прогрессивных профсоюзах.

Как это делается?

Марголис не скрывает от меня этого аспекта своей работы. Да, ему частенько приходится ее вести. Многие владельцы или директора фирм не хотят брать к себе коммунистов или активистов Всеобщей конфедерации труда; многие стремятся в первую очередь под тем или иным предлогом выгнать с работы именно их.

Детективу же, чтобы узнать политические взгляды тех или иных рабочих, приходится обходить жилые дома, как говорят они на профессиональном жаргоне, «из двери в дверь». С фотографией или зная только фамилию опрашивать жителей. Причем стараться не вызывать подозрений.

Не скрывает мой собеседник и того, что некоторые кабинеты частной полиции прямо занимаются политикой: они связаны с «комитетами гражданского действия» — полувоенной «общественной» организацией при деголлевской партии. Сдержанно, но ясно говорит Поль, что в таких кабинетах многие агенты постоянно носят оружие. Они же помогают разгонять демонстрации и митинги левых сил, охранять сборища правых, расклеивать афиши и плакаты консерваторов или нападать на расклейщиков из прогрессивных организаций.

Ну, а в Париже детективы несут еще одну весьма специфическую нагрузку. К ним обращаются некоторые посольства, иностранные фирмы, организации, а то и просто частные лица. Они желают узнать подробности о тех или иных французах, французских компаниях. Подлинные причины этого интереса называют редко. Да никто особенно и не спрашивает. Работа есть работа. Но мало кто сомневается в том, что дело касается политики.

А как часты случаи убийств, похищений, шантажа с политическими целями в столицах всех стран Западной Европы — говорить не приходится.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ — ПОЛЬ МАРГОЛИС

— Дела, которыми мне приходится заниматься, оставляют в целом привкус горечи. Я бы назвал себя разочарованным французом, — так говорит мне Поль в конце нашей, затянувшейся на несколько часов беседы. — Я взялся за эту работу потому, что не мог ходить на работу каждый день к девяти утра. — Поль замечает мою улыбку и добавляет: — Не мог приспособиться к тому, чтобы сидеть за письменным столом от сих до сих. А тут ведь тебя каждый день ждет что-то неизвестное. Детективы — это авантюристы, которые не знают, что будет завтра... Потом, у меня какая-то ностальгия по прошлому. Я ведь воевал в Алжире, совсем молодым. Служил в контрразведке. Был отличным стрелком. Мы, солдаты, выиграли эту войну, но наши политики ее проиграли. Тогда я вошел в секретную организацию — помните ОАС, которая устраивала взрывы, покушения, чтобы сорвать мир в Алжире?

Конечно, я помню. И понимаю, откуда у Поля это злое и хищное выражение лица. Быть во французской контрразведке в Алжире в те годы означало полную свободу поступков и проступков: допросы и казни, которые следовало скорее назвать пытками и

убийствами. Такое навсегда выбивало из нормальной жизни людей и постарше и покрепче Марголиса. После подобного «опыта» и подобной «свободы», конечно, нелегко ходить к девяти утра в тихое гренобльское учреждение.

Вот почему Поль попал потом в уголовную полицию — видимо, занятие оказалось ему близким по духу. Но, не выдержав службы, стал самостоятельным детективом.

— С тех пор,— продолжает он,— Франция, по-моему, так и осталась расколота на две части. Но я и сейчас готов достать — к завтрашнему дню — оружие и боеприпасы для целого взвода с гранатами и пулеметами.

Нет, Поль не изменился. Он так же ничего не понимает теперь, как не понимал и тогда, пятнадцать лет назад, в Алжире. Работа сыщиком в уголовной, а потом в частной полиции не улучшила его мнения об окружающем мире. Он по-прежнему готов воевать...

Кто же он, частный детектив в «свободном» мире? Человек, который торгует шпионажем, как другие — мороженым или велосипедами. За деньги он продает обманутых мужей и разочарованных любовников, мелких ворюшек, а иногда и крупных жуликов, людей левых взглядов и вообще любые взгляды, частную жизнь оптом и в розницу. Только торговля эта носит односторонний характер, ибо не рабочие обращаются к частной полиции с просьбой последить за капиталистом, а наоборот. Такова логика политической системы и системы цен: частный детектив не по карману рабочему.

Ну, а борьба с преступностью? Десять тысяч частных детективов пока не сумели помочь Франции: рост преступности в стране намного опережает рост населения.

ГРЕНОБЛЬ — ПАРИЖ — МОСКВА

Рис. В. СЕЛИВАНОВА,

ИММЕН САТИРЫ

Лежит передо мной письмо Карасева Сергея Алексеевича из Перми. Твердая рука, четкий почерк, сразу видно — мужчина серьезный, деловой (да и характеристика, в конверт вложенная, вся как есть положительная). Такой по пустякам писать не станет. И точно, читаю первые строчки и понимаю, что только сильное душевное волнение могло заставить его взяться за перо, отложив все самые срочные служебные дела.

Я не ошибся. Не письмо, а крик души: оказывается, родного сына Сергея Алексеевича, тоже Сергея, осудили за хулиганство. И теперь он отбывает срок в воспитательной колонии для несовершеннолетних.

О чем же хочет поведать редакции несчастный отец? Может, в назидание другим отцам, упустившим своих детей, покаяться в невнимании к родному чаду, а может, даже захочет при-

вести мудрые слова А. С. Макаренко: «...Наши дети — это наша старость. Правильное воспитание — это наша счастливая старость, плохое воспитание — это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной...»

Но я, увы, заблуждался. Оказывается, во всей этой истории интересуется Карасева С. А. лишь один-единственный вопрос, точнее вопросик: имеет ли право его бывшая супруга Ольга Семеновна получать с него и дальше алименты, поскольку сына Сергея при ней в настоящее время нет, а находится он, можно сказать, на полном казенном обеспечении?

Ну, поскольку поставлен вопрос и письмо официально зарегистрировано, ответ дать нужно. И дадим мы его публично.

Слушайте внимательно, Сергей Алексеевич. По закону вы вправе обратиться в народный суд и просить его освободить вас от уплаты алиментов. Так что можете обращаться. Суд и решит, взвесив все обстоятельства и выслушав объяснения сторон. Ведь еще не известно, какие расходы несет и сейчас мать вашего сына...

Уже побежали? Минутку. Повесьте шапку и послушайте совет. Весь вопрос — куда бежать? Я бы лично рекомендовал бежать вам не в суд, а в другую сторону — по забытому вами адресу. Нет, не призываю вас вернуться в старую семью. Вопрос сугубо личный, и со страниц печатного органа вряд ли имеет смысл давать такие рекомендации. А вот посидеть, поговорить, подумать с матерью вашего сына, как быть дальше с его воспитанием, — нужно! Необходимо! И уж если вы интересуетесь законом, то я бы хотел напомнить о статье 18 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. А сформулирована она так: «Родители должны воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма, заботиться об их физическом развитии, обучении и подготовке к общественно полезной деятельности».

И, кстати, ни в одном пункте наших законов не говорится о том, что с родителей снимается эта ответственность — живут ли они в семье или прописаны совсем по другому адресу. Родители — это звание дается от рождения ребенка и навсегда! Лишить этого звания может суд, только суд!

Вот и все, Сергей Алексеевич, что я хотел вам поведать.

А теперь решайте сами — куда бежать?

Только сначала все-таки посоветуйтесь. Крепко, основательно, по-деловому. И очень внимательно прислушайтесь к голосу собеседника. Какого? Я имею в виду голос вашей собственной совести. Будем надеяться, что она не совсем разучилась говорить.

ИМ. ЛЕВИН

ВАЛЕНТИН ЛАГОДА

На свете чудес происходит немало...
 Вдруг прибыл в колхоз сам товарищ Чмыхало,
 Хоть, правда, в деревне бывал он не часто
 (В глубинку не очень стремится начальство).
 Смотрел он спокойно на новый коровник,
 На клуб, на амбары под шиферной кровлей,
 Но сердце зашлось, взбудоражились нервы,
 Когда он узрел молодняк свинофермы.
 — Какие же резвые тут поросята!
 Таких поросят заметь бы десяток...
 Но скромность немедля сдержала его:
 — Да я пошутил... Мне хотя б одного.
 И миг догадалась свинарка Наталка:
 — Неужто для вас поросенка нам жалко?
 Вы верно сказали. Он вам — в са́мый раз!
 Ну, вроде подарок на память от нас.
 А мы с удовольствием... Честное слово!
 Тут все хороши. Выбирайте любого.
 А годик пройдет, смотришь — выросла свинка,
 И детки довольны, и теща, и жинка.
 — Ваш добрый поступок мне дорог и ясен.
 Чтоб вас не обидеть, друзья, я согласен,
 Насчет сувенира не след возражать,
 Но где его, братцы, я буду держать?
 Ведь хлев в городской не устроишь квартире:
 Соседи... жить хочется в дружбе и мире.
 Хоть, правда, гараж я закончил уже,
 Но тесно свинье с «Москвичом» в гараже.
 — Да, вашему горю сочувствуем все мы.
 Тут нет никакой, извините, проблемы:

Кабанчик ваш пусть остается у нас,
А мы уж не спустим с кабанчика глаз.
— Спасибо! Что ж, мысль неплохая как будто.
Но как бы его вам с другими не спутать.
Ведь я вспоминать буду там вдалеке
'Вот этого, с пятнышком на пяточке.
— А мы для такого почетного гостя
'Вот тут, где колечком закрученный хвостик,
Фамилию вашу наметим гвоздем...
И, будьте уверены, не подведем.

Легко поросенок им в руки не дался,
Но как ни вопил, ни визжал, ни брыкался,
Они, невзирая на вопли нахала,
'Каленым гвоздем начертали «Чмыхало».
И вот поросенка ни в чем не неволят,
И кормят его, и ласкают, и холят,
Двойной и тройной у него рацион...
И как на дрожжах поднимается он.
На пользу пошла поросеночку пища,
И вырос огромный, как бык, кабанище —
И брюхо-то словно бочонок дубовый,
И рыльце-то — не пяточок, а целковый,
Все выросло — уши, и ноги, и кожа,
И буквы на борове выросли тоже.
При виде него ребяташки слетались,
Возились, кричали, за хвостик хватались.
И эта возня ни на миг не стихала:
«Чмыхало идет!..», «Ну-ка, хрюкни, Чмыхало!..»
Но надо ж случиться — скажите на милость! —
Комиссия вдруг, как на грех, объявилась.
На ферму пришли и оставили очи,
На хрюка глядят и, как в цирке, хохочут.
— Какое-то чудо! Какое-то диво!
Автограф, конечно, довольно красивый,
Но имени-отчества нет почему?
Иль борову, может, они ни к чему?

С тех пор, говорят, уж душа у Чмыхало
Не раз очень тяжело и горько вздыхала.
Болтали о нем, и обидней всего,
Что, дескать, на ферме — родня у него.

И сходство — две капли! — как говорится,
 Но только у хряка лишь клякса на рыльце,
 А вот у Чмыхало — все рыльце в пуху...
 Ох, любят же люди болтать чепуху!
 А все же ему по закону попало.
 Ну, что ж, поделом! Нам не жалко Чмыхало.

Перевел с украинского Бор. ЮДИН.

Побасенки

Мини-метром
 В магазине
 Мерял ткани — сбился с ног,
 Так мечтал о лимузине —
 Заработал макси-срок!

г. СУМЫ

Э. СТЕФАНОВИЧ

Она помочь
 Любому рада:
 Достать,
 Устроить,
 Позвонить...
 Благодарить ее
 Не надо,
 А надо
 Отблагодарить.

г. ФЕОДОСИЯ

СЕМЕН ПИВОВАРОВ

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗГИКА

ПРИВИДЕНИЕ НА СУДЕ

Американский миллионер Уолт Пруст купил в Шотландии старинный замок, в котором, по уверениям владельца и его домочадцев, водятся привидения. Именно из-за них и польстился американец на пережившее века сооружение. Однако, прождав напрасно два месяца, в течение которых ни одно привидение не дало о себе знать, богач понял, что его надули, и подал в суд. Судья, видимо обладавший чувством юмора, вынес следующее решение: поскольку до сих пор не существует полной ясности о привычках и образе жизни привидений, их отсутствие не может служить поводом для расторжения договора о купле-продаже замка.

СМЕХ И СЛЕЗЫ

Во время одного судебного процесса во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) люди в зале заседания часто приходили в веселое настроение и разражались громким смехом. Чтобы положить этому конец, председательствующий велел полицейским чиновникам очистить помещение от публики. Когда судебное заседание возобновилось, то судить уже было некогда: четверо обвиняемых воспользовались суматохой в зале и покинули его вместе с остальными.

ЛОЖНЫЙ ТРАУР

Однажды мимо танзанийского пограничного поста проходила траурная процессия. Безутешно рыдавшие родственники не могли, однако, предъявить свидетельства о смерти. И тогда таможенники, невзирая на отчаянный протест, приказали открыть гроб. В нем оказались рога носорогов, ценящиеся на мировом рынке на вес золота.

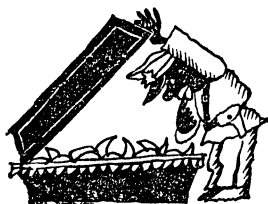

Рис. О ТЕСЛЕРА.

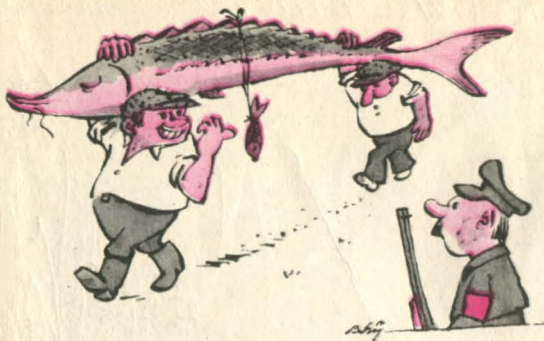

Рис. В. ТАМАЕВА.

— Товарищ инспектор, нам разрешили поймать мелочь...

Неисправимый браконьер

Записки охотника

— Ты что — косой?! Объявления не видишь?..

— Я хотел его сфотографировать, а ружье нечаянно выстрелило...

